

Вопросы элитологии Issues in Elitology

2020, Volume 1, Issue 2

ISSN: 2712-8415

18+

ВОПРОСЫ ЭЛИТОЛОГИИ

Научный электронный журнал

www.elitology-journal.com

Том 1, №2

2020

ISSN: 2712-8415

18+

ISSUES IN ELITOLOGY

Academic E-Journal

www.elitology-journal.com

Vol 1, No 2

2020

Сетевое издание «Вопросы элитологии» является периодическим научным изданием, не имеющим печатной формы, и выпускается с 2020 года. В сетевом издании публикуются научные статьи, рецензии, информационные ресурсы, отчеты об экспедициях, конференциях и прочие научные материалы.

Сетевое издание призвано консолидировать вокруг себя элитологическое сообщество, выявить и установить наиболее актуальные проблемы современных исследований элит, провести всесторонний анализ всех существовавших в философской и научной истории теорий, концепций и доктрин, касающихся элит. Редакция сетевого издания рассматривает элитологию как комплексную научную дисциплину, занимающуюся всем корпусом элитологических проблем – от политики и права до философии, истории, культуры и религии. Рассматриваются как сугубо теоретико-методологические, так и прикладные эмпирические исследования феномена элиты и элитности.

Оценивая элиту в качестве культурно-исторического феномена, мы тем самым настаиваем на системном комплексном подходе к изучению его основ, сущности и смыслов. Мы призываем рассматривать этот феномен, как в диалектическом единстве, так и в метафизическом формате, работая в режиме «pro et contra». Поскольку роль элиты всегда носила исключительно важный характер и от ее решений зависели судьбы людей и мира, она становится узловым моментом в анализе качественного состояния всего человечества в целом. В этой связи мы видим необходимость активизировать научный дискурс вокруг феноменологической сущности элиты и элитности с целью дальнейшего конструктивного развития элитологии как науки.

Прикладные элитологические исследования касаются главным образом селекции и рекрутирования элит. Особый интерес представляет возможность рассматривать элиты с точки зрения их профессиональных сообществ (политических, научных, культурных и т.д.) с целью выработки наиболее оптимальных эффективных механизмов профессионализации и социализации элитных сообществ. Сегодня становится все более очевидным то, что формирование профессиональной компетентности элит должно, наконец, получить серьезное научное сопровождение, а не быть делом случая.

Сетевое издание предоставляет свою площадку для открытой научной дискуссии, не делая при этом никакого различия ни для именитых

учёных, ни для начинающих молодых авторов. Главный критерий отбора материала – рукописи должны быть высокого научного качества и отвечать духу конструктивного профессионального сотрудничества.

Редакция уважительно относится к позициям любого автора, даже если и не согласна с его точкой зрения, при условии, если работа отвечает духу открытой конкурентной борьбы и ведется с соблюдением этических норм. В отборе к публикации материала журнал руководствуется в первую очередь принципами объективности, академичности, верифицируемости.

Все статьи публикуются в журнале бесплатно, но и гонорар авторам не выплачивается.

- ISSN: 2712-8415
- Опубликованные в журнале материалы предназначены для лиц старше 18 лет

The “Issues in Elitology” is a periodical academic e-journal without printed forms (published since 2020). The journal publishes academic articles, reviews, information resources, reports on expeditions, conferences and other research materials.

The journal consolidates the elite community in order to identify and establish the most challenging problems of modern elite studies, to conduct a comprehensive analysis of all elite theories, concepts, and doctrines having been existed in science throughout the history. The editors of the journal consider elitology as a researches that deals with whatever concerning elite studies issues from politics and law to philosophy, history, culture, and religion. Both theoretical and applied field of the elite phenomenon are considered.

Determining the ELITE as a cultural and historical phenomenon we thereby insist on a system and integrated approach to the study of its foundations and matters. The elites have always played an extremely important part influencing the fate of people and the world. Therefore it becomes a key point in the analysis of the grade state of mankind as a whole. In this regard we see the need to intensify the academic discourse around the phenomenological essence of the elite in order to further constructive development of elite studies.

Applied Elite Studies concern mainly the selection and the recruitment of the elites. Considering the elites from the point of view of their professional

communities (political, scientific, cultural, etc.) is of particular interest. It is done to develop the most optimal effective mechanisms for the professionalization and socialization of elite communities. It is becoming more and more obvious that the formation of the professional competence of the elites should finally receive serious academic support, not as a matter of chance.

The journal creates a virtual platform for exchange of views and discussions in the field of Elite Studies. We make no distinction between reputed scientists and aspiring young authors. The main criterion for selecting material is that manuscripts must be of high research quality and meet the spirit of functional professional cooperation.

The editors respect the positions of any author even if they do not agree with his or her point of view, provided that the work is in keeping with the mood of open competition and is conducted within ethics. Selecting material for publication the journal is guided primarily by the principles of objectivity, academic character, and verifiability.

All articles are published FREE, but the fee is not paid to the authors.

- ISSN: 2712-8415
- Materials are intended for persons over 18 years old

EDITOR-IN-CHIEF	ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Pavel L. Karabuschenko Dr. Habilitatus in Philosophy, professor, Astrakhan State University. Astrakhan, Russia	Павел Леонидович Карабущенко д. филос. наук, профессор, Астраханский государственный университет. Астрахань, Россия
JOURNAL MANAGER	МЕНЕДЖЕР СЕТЕВОГО ИЗДАНИЯ
Yuriy D. Goncharenko e-journal "Issue in Elitology". Astrakhan, Russia	Юрий Дмитриевич Гончаренко сетевое издание "Вопросы элитологии". Астрахань, Россия
EDITORIAL TEAM	РЕДАКЦИЯ
Leonid Ya. Podvoisky (Responsible Editor), PhD, Associate Professor, Astrakhan State University. Astrakhan, Russia	Леонид Яковлевич Подвойский (ответственный редактор), канд. филос. наук, доцент, Астраханский государственный университет. Астрахань, Россия
Maria M. Bicharova PhD, Associate Professor, Caspian Institute of Sea and River Transport. Astrakhan, Russia	Мария Михайловна Бичарова канд. филол. наук, доцент, Каспийский институт морского и речного транспорта им. генерал-адмирала Ф.М. Апраксина. Астрахань, Россия
Ekaterina V. Gainutdinova PhD, Associate Professor, Astrakhan State Technical University. Astrakhan, Russia	Екатерина Валерьевна Гайнутдинова канд. филос. наук, доцент, Астраханский государственный технический университет. Астрахань, Россия
Irena V. Lebedeva PhD, Associate Professor, Caspian Institute of Sea and River Transport. Astrakhan, Russia	Ирэна Валерьевна Лебедева канд. соц. наук, доцент, Каспийский институт морского и речного транспорта им. генерал-адмирала Ф.М. Апраксина. Астрахань, Россия
EDITORIAL BOARD	РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
Arushan A. Vartumyan Dr. Habilitatus in Political Science, Professor, North Caucasus Federal University (NCFU). Pyatigorsk, Russia	Арушан Арушанович Вартумян д. полит. наук, профессор, Северокавказский федеральный университет. Пятигорск, Россия
Nikolay V. Grishin Dr. Habilitatus in Political Science, Professor, St. Petersburg State University. Saint-Petersburg, Russia	Николай Владимирович Гришин д. полит. наук, профессор, Санкт- Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, Россия.
Elena E. Zavyalova Dr. Habilitatus in Philology, Professor, Astrakhan State University. Astrakhan, Russia	Елена Евгеньевна Завьялова д. филол. наук, профессор, Астраханский государственный университет. Астрахань, Россия

Gennady V. Kosov Dr. Habilitatus in Political Science, Professor, Sevastopol State University. Sevastopol, Russia	Геннадий Владимирович Косов д. полит. наук, профессор, Севастопольский государственный университет. Севастополь, Россия
Victor P. Mokhov Dr. Habilitatus in History, Professor, Perm National Research Polytechnic University. Perm, Russia	Виктор Павлович Мохов д. ист. наук, профессор, Пермский национальный исследовательский политехнический университет. Пермь, Россия
Evgeny N. Moschelkov Dr. Habilitatus in Political Science, Professor, Lomonosov Moscow State University. Moscow, Russia	Евгений Николаевич Мощелков д. полит. наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Москва, Россия
Larissa I. Nikovskaya Dr. Habilitatus of Sociology, Professor, Chief Researcher, Institute of Sociology of the Federal of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences / professor, RANEPA. Moscow, Russia	Лариса Игоревна Никовская д. соц. наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН / профессор, РАНХиГС. Москва, Россия
Alexander V. Ponedelkov Dr. Habilitatus in Political Science, Professor, South Russian Institute - a branch of the The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (The Presidential Academy, RANEPA). Rostov-on-Don, Russia	Александр Васильевич Понеделков д. полит. наук, профессор, Южно- Российский институт - филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Ростов-на-Дону, Россия
Ravil G. Rezakov Dr. Habilitatus in Pedagogy, Professor, Moscow City University. Moscow, Russia	Равиль Гарифович Резаков д. пед. наук, профессор, Московский городской педагогический университет. Москва, Россия
Maria M. Fedorova Dr. Habilitatus in Political Science, Professor, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia	Мария Михайловна Федорова д. полит. наук, профессор, Институт философии РАН. Москва, Россия
Alexander N. Chumakov Dr. Habilitatus in Political Science, Professor, Lomonosov Moscow State University. Moscow, Russia	Александр Николаевич Чумаков д. полит. наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Москва, Россия
Elena V. Khlyshcheva Dr. Habilitatus in Cultural Studies, Professor, Astrakhan State University. Astrakhan, Russia	Елена Владиславовна Хлыщева д. филос. наук, профессор, Астраханский государственный университет. Астрахань, Россия

КОНТАКТЫ:

Учредитель: Общество с ограниченной ответственностью научно-производственное предприятие «Генезис.Фронтир.Наука»

Адрес редакции: 414056, Россия, Астрахань, Татищева 16ж, кв. 40

Главный редактор:
Павел Леонидович Карабущенко
Email: elitologyjournal[at]gmail.com

Дирекция журнала:
Растям Туктарович Алиев
Email: rastaliev[at]gmail.com

Мнение редколлегии журнала может не совпадать с мнением авторов

CONTACT:

Founder: Limited Liability Company Scientific Industrial Enterprise
“Genesis. Frontier. Science”

Address of Editorial board: 16zh, Tatischeva St. apt 40, Astrakhan, Russia, 414056

Editor-in-Chief:
Pavel L. Karabuschenko
Email: elitologyjournal[at]gmail.com

CEO:
Rastyam T. Aliev
Email: rastaliev[at]gmail.com

The opinion of the editorial board may not coincide with the opinion of the authors

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ЭЛИТОЛОГИИ

- Гайнутдинова Е. В.**
История развития положительной мотивации
(Философско-элитологический Анализ) 13

- Карабущенко П. Л.**
Карнавальная политическая культура:
системный анализ основных категорий 31

ЭЛИТОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

- Глазков А. П.**
Духовное развитие и теологичность элитарности 65

- Завьялова Е. Е.**
Образ Николая Угодника в контексте феномена элитарности:
агиографический и фольклорный дискурсы 75

ИСТОРИЯ ЭЛИТОЛОГИИ И ЭЛИТОЛОГИЯ ИСТОРИИ

- Ильин А. А.**
Роль научной элиты юридического факультета Московского университета в
реформировании России в начале XX века: С.А. Муромцев и Ф.А. Головин 99

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТОЛОГИЯ

- Максимова Е. Н.**
Политические элиты как ведущий фактор
цветных революций на постсоветском пространстве 116

- Клименко И. С.**
Научная элита: опыт формально- концептуального моделирования 130

- Брумштейн Ю. М.**
Образы политических лидеров ведущих зарубежных стран в сознании
российских граждан: общий анализ проблематики 145

КРИТИКА И РЕЦЕНЗИИ

- Пушнина А. С.**
Закулисная история элит – рецензия на книгу Роберта Гейтса
«Долг. Мемуары министра войны» (2014) 159

PHILOSOPHICAL ASPECTS OF ELITE STUDIES

Ekaterina V. Gainutdinova

History of Positive Motivation Development
(Philosophical and Elitological Analysis) 12

Paul L. Karabushenko

Carnival Political Culture: A Systematic Analysis of The Main Categories 30

ELITE STUDIES OF CULTURE

Alexander P. Glazkov

Spiritual Development and Theology of Elitarity 64

Elena E. Zavyalova

The image of Saint Nicholas of Myra in the context of the phenomenon of
elitism: hagiographic and folklore discourses 74

HISTORY OF ELITE STUDIES AND ELITE STUDIES OF HISTORY

Aleksey A. Ilin

The Role of the Elite of the Faculty of Law of Moscow University in the Reform
of Russia at the Beginning of the Xx Century: S.A. Muromtsev and F.A. Golovin 98

POLITICAL ELITE STUDIES

Elena N. Maksimova

Political Elites as a Leading Factor in Color Revolutions in the post-Soviet Space 115

Irina S. Klimenko

Scientific Elite: Experience in Formal and Conceptual Modeling 129

Yuri M. Brumshteyn

Images of Political Leaders of Advanced Foreign Countries in the Minds of
Russian Citizens: General Analysis of Problematics 144

CRITICISM AND REVIEWS

Alina S. Pushnina

The Behind-The-Scenes History of Elites-Review of Robert Gates Book
«Debt. Memoirs of the Minister of War» (2014) 158

**Философские
аспекты элитологии**

**Philosophical Aspects
of Elite Studies**

HISTORY OF POSITIVE MOTIVATION DEVELOPMENT (PHILOSOPHICAL AND ELITOLOGICAL ANALYSIS)

Ekaterina V. Gainutdinova (a)

(a) Astrakhan State Technical University. Astrakhan, Russia. E-mail: gainutdinova.ekaterina[at]mail.ru
ORCID 0000-0002-9893-9176

Abstract

The study of positive motivation as applied to pressing and practical problems in modern society has recently become a definite trend in the world of science, which attempts to conduct deeper studies of the key problems associated with the elitization of the individual and the development of the society as a whole.

The relevance of this topic is due to the study of a set of strategies that further contribute to the construction of a motivational paradigm of the individual, capable of giving an answer to the question of the determinant and at the same time hidden meanings of human actions based on identifying a group of values that form the positive motivation of the elites. Studying the fundamentals of positive motivation is a way to search for stable connections in the chain of behavioral actions and reactions of the modern elite.

The purpose of this article is to consider the main approaches to the study of aspects of positive motivation to reflect their dynamics of development and to determine the main vectors in the process of identifying the values of the elites.

Keywords

need; motivation; positive motivation; value; value preferences; personality; conscious actions; human behavior

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ МОТИВАЦИИ (ФИЛОСОФСКО-ЭЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

Гайнутдинова Екатерина Валерьевна (а)

(а) Астраханский государственный технический университет. Астрахань, Россия.
E-mail: gainutdinova.ekaterina[at]mail.ru ORCID 0000-0002-9893-9176

Аннотация

Исследование положительной мотивации в применении к насущным и практическим проблемам в современном обществе становится в последнее время определенным трендом в мировой науке, предпринимающей попытки более глубоких исследований ключевых проблем, связанных с элитизацией личности и развитием общества в целом.

Актуальность заданной тематики обусловлена изучением комплекса стратегий, способствующих в дальнейшем построению мотивационной парадигмы личности, способной дать ответ на вопрос о детерминирующих и в то же время скрытых смыслах человеческих действий на основе выявления группы ценностей, формирующих положительную мотивацию элит. Изучение основ положительной мотивации – это путь к поиску устойчивых связей в цепочке поведенческих акций и реакций современной элиты.

Цель данной статьи заключается в рассмотрении основных подходов в изучении аспектов положительной мотивации для отражения их динамики развития и для определения основных векторов в процессе выявления ценностей элит.

Ключевые слова

потребность; мотивация; положительная мотивация; ценность; ценностные предпочтения; личность; сознательные действия; человеческое поведение.

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Положительная мотивация играет исключительную роль в генезисе личности, определяя ее главные векторы развития. То, что движет человеком на пути духовного совершенства, в различных теориях имеет разное название. В рамках элитологии это называется элитизацией личности, формирования в ней тех самых элитных свойств и качеств, которые способствуют ее выдвижению в число избранных (элиты).

Смысл элитности заключается в том, чтобы изменить первоначальную природу человека к лучшему, усовершенствовать ее настолько, чтобы она стала высшим образцом для всех на все времена. Мотивы, которыми руководствуется при этом человек могут быть весьма многообразными. Однако как раз именно в этом многообразии и заключается элитологический опыт человечества, его способность выживать в трудных условиях и изменять под себя к лучшему окружающий его культурно-исторический контекст.

МЕТОДОЛОГИЯ

Теоретико-методологическую основу исследования составляют работы западных и отечественных мыслителей, которые занимались концептуализацией проблемы положительной мотивации (Сократ, Платон, Сенека, Р. Декарт, Ф. Ларошфуко, М. Хайдеггер, Д. Юм, П. Бурдьё, М. Вебер, Г. Лебон, Дж. Ролз, Н. Луман, В.И. Вернадский, В.В. Розанов, Н.А. Бердяев). В ходе проведенного исследования использовался целый комплекс научных методов. В статье были задействованы такие методы, как: диалектика, герменевтика, сравнительный анализ и синтез. В частности, диалектический метод позволяет проследить динамику развития представлений о положительной мотивации в истории социально-гуманитарной мысли. Герменевтика способствует обнаружению скрытых смыслов человеческих действий на основе выявления группы ценностей, формирующих положительную мотивацию элит. Метод сравнительного анализа и синтеза помогает не просто систематизировать общие тенденции к определению ценностных механизмов, меняющих первоначальную природу человека к лучшему, но и синтезировать те факторы, которые их определяют.

Теоретической основой анализа исторических подходов к становлению аспектов положительной мотивации элит стали труды известных исследователей (А. Маслоу, Г. Геффдинг и др.).

Ведущим подходом к исследованию данной проблемы является концепция элит (Карабущенко, 2020), организующая и систематизирующая междисциплинарные связи в становлении универсальной теории элит, применимой в дальнейших практических исследованиях.

В статье представлен анализ исторических подходов в становлении теории положительной мотивации, систематизированы основные характеристики ценностей, формирующих основы теории положительной мотивации.

Материалы статьи могут полезными для тех специалистов, кто осуществляет попытки вывести свои научные исследования за пределы конкретной предметной области и организовать междисциплинарный диалог для создания более комплексных и пластичных теорий для применения в социально-гуманитарной области знаний.

ОБСУЖДЕНИЕ

В процессе постоянного изменения условий жизни и той дестабилизации в мире, с которой современному человеку приходится сталкиваться все чаще, возникает необходимость обратиться к основам формирования личности, способствующих актуализации смыслообразующих механизмов в развитии внутреннего самосовершенствования. В данной ситуации наиболее целесообразным можно считать исследование тех идеально-регулятивных механизмов, которые организуют позитивное восприятие индивидом самого себя и стремление изменить окружающую действительность в лучшую сторону.

ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ МОТИВАЦИЯ У СОКРАТА

Аспектами положительной мотивации в период Античности интересовались многие мыслители. Конечно, сам термин «положительная мотивация» тогда еще не использовался, но стремление определить те качества в человеке, которые способны сделать его лучше, четко определялись. Их основное внимание привлекала проблема особенностей, присущих только человеку и его действиям, согласующимися с процессом реализации поставленных целей. В частности, как указывал Платон, Сократ рассматривал возможность человека стать счастливым сквозь призму выделенных блага, большая часть которых отражает духовное самосовершенствование: быть рассудительным, справедливым и мужественным, мудрым (Платон, 1986).

Однако особое место в цепочке благ мыслитель отводил именно мудрости, поскольку для человека, в первую очередь, важно знать и понимать то, что он делает и для чего. При этом Сократ в приоритет

ставил сознание субъекта, которое дает нам определенные знания того, как пользоваться вещами правильно в стремлении к счастью и стать более мудрыми (Платон, 1986).

ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ МОТИВАЦИЯ У ПЛАТОНА

В дальнейшем и сам Платон уделял пристальное внимание проблеме мотивации поведения человека и социальных групп населения. И хотя самого термина «мотивация», также как и в отношении его рассуждений о Сократа, нет, но весьма часто встречаются его синонимы, типа: «потребности», «желания», «ценности», «причинность», «необходимость» и т.д., передающие стояние и поведение человека (как некоего особого «механизма») в процессе его стимулирования и побуждения к действию. Очевидно, что человеком движут некие побудительные мотивы, от действия которых зависит его положительный или отрицательный результат в реализации им его жизненного проекта.

Так, потребность человека заниматься философией, оценивается им однозначно как позитивная мотивация, поскольку она приводит к росту в индивиде его совершенства духа (*Feag, 128b*) (Платон, 1990б). А вот с потребностью заниматься политикой не все выглядит однозначно (*Алкивиад II, 141a-c*) (Платон, 1990а). И Платон весьма откровенно обо всем этом пишет на страницах своих диалогов. Позволим себе кратко ознакомиться с этими его позициями.

Например, платоновский Сократ отмечает, что заниматься философией его заставило страстное желание разобраться в смысле своего собственного бытия. Причем (по его же утверждению) им в этом процессе руководил его гений («Мой гений подает мне обычный знак») (*Feag, 129b*) (Платон, 1990б). Именно гений Сократа помогал ему общаться и выбирать для этого общения умных (интересных) для самопознания людей (*Feag, 129e*) (Платон, 1990б). Благодаря им и сложился тот образ мысли, который ныне называется сократическим. Этот выбор означал подъем над миром обыденных представлений, преодоление массовых мнений и заблуждений, тренировку сознания на поиск и нахождения Истины. Такая положительная мотивация благотворно действовала на сознание человека, воспитывала его личность в духе высоких ценностей. И в итоге – такого человека все выделяли и оценивали как самого лучшего, избирая его среди других менее достойных и ценных лиц.

Платона также интересует причины выбора людьми профессии политика. Среди основных он указывает желание добиться превос-

ходства над другими. У некоторых потребность обладание властью становится смыслом всей их жизни, главной ценностью, ради которой они готовы рискнуть даже собственной жизнью. В диалоге «Алкивиад II» он весьма подробно рассматривает мотивации юноше, решившего сделать политическую карьеру. В итоге они приходят к общему выводу, что у юноши есть желание (уже переросшее в необходимость) заниматься политикой, но нет для этого необходимых ни знания, ни опыта. (*Алкивиад II, 150e*) (Платон, 1990a). Юноша стремится выделиться среди других граждан Афин. Но это стремление должно быть подкреплено соответствующей профессиональной компетентностью. При этом речь идет о высококачественном знании, которое имеет для этой профессии стратегическое значение, оно же является наилучшим знанием: «обладание всевозможными знаниями без знания того, что является наилучшим, редко приносит пользу и, наоборот, большей частью вредит своему владельцу». (*Алкивиад II, 144d*) (Платон, 1990a). Только наилучший правитель может гарантировать своему государству процветание. Совершенство ума позволяет избежать множество ошибок, вытекающих из самонадеянных действий властей, не учитывающих различного рода угрозы и риски (*Алкивиад II, 146b-c*). (Платон, 1990a). Таким образом, Платон фиксирует разрыв формы и содержания – есть желание заниматься политикой и стать великим государственным деятелем, но нет необходимого для этого знания и опыта. В подобное положение попадали многие как тогда, так и в настоящее время. Выход из этого положения он видит только в создании специальной системе подготовки (образования). С этой целью, надо полагать, он и создал свою Академию.

В свою очередь само общество всегда испытывает потребность в том, чтобы у власти находился самый лучший, самый умный правитель, который и становится главной ценностью политического бытия. При этом желания правителя должны совпадать с желанием самого общества. Чтобы это произошло, само общество должно озаботиться правильной селекцией элит, поставив образования во главу его угла. Необходимость в подобной практике существует всегда. И главная целью ее является обеспечение причинно- следственной связи в развитии лучшего и его продвижения в политические структуры общества.

ПРОБЛЕМА БАЛАНСА МОТИВАЦИИ У ЛЮЦИЯ АННЕЯ СЕНЕКИ-МЛАДШЕГО

У Сенеки мы можем тоже найти весьма интересные и ценные наблюдения относительно мотивационных побуждений в поведении человека, деятельность которого направлена на самосовершенствования его духа. Так, в трактате «О счастливой жизни» Сенека утверждал, что стремление к счастью является важнейшей побудительным мотивом в поведении человека. При этом важно, что каждый индивид следовал своим путем, не копируя других. Особенно он осуждает те случаи, когда имело место принуждение – людей заставляли действовать определенным образом, вопреки их воли (*О счастливой жизни, 1*) (Сенека, 1995а). Главным здесь является правильный выбор цели – поиска таких добродетелей, господство которых способствует улучшению духовных качеств человека: «У мудреца богатство играет служебную роль, а у глупца – господствующую; мудрец нисколько не поддается влиянию богатства, для вас же богатство составляет все (*О счастливой жизни, 26*) (Сенека, 1995а).

Так же, как и Платона, Сенеку интересует вопрос определения блага: «высшее благо заключается в душе, презирающей случайные блага и довольной добродетелью, или: благо есть непобедимая сила души, опытная в делах, спокойная в действии, с большим человеколюбием и заботливостью к ближнему» (*О блаженной жизни, 4*) (Сенека, 1995б). Сенека фактически провозглашает принципы гуманизма, до которых философская мысль дойдет только в эпоху Возрождения. Поэтому с полным основанием можно сказать, что он человек Ренессанса.

Для Сенеки главной ценностью является свобода духа. Человек становится рабом (даже будучи в правовом смысле свободным человеком), когда его поглощают страсти и он становится их рабом, «Нет рабства более позорного, чем рабство добровольное» (*Письма, 47, 17*) (Сенека, 2020). В данном случае речь идет о нарушении баланса мотивации, когда происходит разрыв шаблона, между реальным и должным, между свободой де-юре и свободой де-факто.

Сенека провозглашает непримиримую борьбу духа с тем, что делает его слабее, что угнетает его земными страстями (пороками). Плоть провозглашается им «оковами духа», тьмой бытия, которые «подавляют, затемняют, заражают дух, отклоняют его от истины и навязывают ему ложь; с этим отягчающим его телом душе приходится вести настоящую борьбу» (*Consol. ad Marc. 24, 4*). (Сенека, 2020). Философская установка на поиск истины является главным побуждаю-

щим мотивом всей их профессиональной деятельности. Для таких, как Сенека, это была жизненная необходимость. Ценность философствования для него имела большую значимость, чем обладание верховной властью или богатством – от всего этого он легко отказался, а вот от философии – отказаться не мог, поскольку она являлась для него основной потребностью. Сенека был Сенекой только в рамках философии. Она и стала причиной его насильственной кончины.

ПРОБЛЕМА ОШИБОЧНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ЧЕЛОВЕКА О ТОМ, ЧТО НЕОБХОДИМО КАК ПРИЧИНА РАЗВИТИЯ «ЛОЖНОЙ МОТИВАЦИИ»

В дальнейшем в истории философской мысли обнаруживали себя попытки выделить те лучшие качества, благодаря которым человек получает духовное совершенство. Однако не исключается и возможность ошибок со стороны человека в восприятии своего самосовершенствования, когда оценка своих желаний и действий проходит через личностный самоанализ, который способен исказить первичное понимание процесса духовного совершенствования. Р. Декарт обратил внимание на различие представлений человека о том, что необходимо, и то, какими он понимает те или иные вещи. Между тем отмечая и то, что человек склонен ошибаться в своих рассуждениях и выбирать не совсем то, что действительно верно. Р. Декарт одним из первых стал говорить об истоках иллюзии, когда желаемое мы выдаем за действительное: «Мы можем обманываться только тогда, когда вещи, в которые мы верим, некоторым образом составляются нами самими» (Декарт, 1989, стр. 122). При этом мыслитель указывал на то, что заблуждение бывает двояким: или допуская нечто большее, либо упуская. Подобные рассуждения актуальны и для объяснения действий человека в русле современной науки. Если мы имеем дело с заблуждением в чем-либо, то это связано, с одной стороны, с преувеличением возможностей, либо каких-либо последствий; с другой стороны, упуская из виду детали, мы теряем ясный взгляд на существующую проблему. Как отмечал Ф. Ларошфуко: «Умеренность – страх зависти или презрения, которые становятся уделом тех, кто опьянен удачей; или суетное желание покрасоваться силой духа; а в людях, высоко вознесшихся, – желание казаться выше собственного успеха» (Ларошфуко, 2004, стр. 27). Мотивация к тому или иному действию не всегда бывает объективно правильной, а зачастую – субъективно ложной. Соответственно критерием самооценки человека относительно своих действий и образа мыслей является именно духовные основы его разви-

тия. Как, например, отмечал М. Хайдеггер, что человек выходит за свои пределы тогда, когда есть понимание того, что он – нечто большее, чем «только одаренное способностью сознать и познавать существо» (Хайдеггер, 2003, стр. 21). Целостность духовной организации достигается за счет внутреннего «Я», которая отображает сущность человека как самодостаточную личность, стремящуюся к самопознанию и познанию мира сквозь призму нравственных ценностей. Как отмечали Н.А. Некрасова, З.В. Макалов, рассматривающие духовность как способность человека переводить вселенную внешнего бытия во внутренний универсум личности на основе общечеловеческих нравственных ценностей (Некрасова & Макалов, 2013, стр. 101).

П. Бурдьё, вслед за Р. Декартом, утверждает, что социальный мир не только развивает способности человека, но и в какой-то степени подавляет его, поскольку заставляет думать в соответствии со своей собственной логикой. Если ориентироваться на это утверждение, то приходит понимание определенной беззащитности человека перед внешними обстоятельствами. Например, П. Бурдьё отмечает, что «социализировать животное, окультурить природу в виде и посредством безусловного подчинения тела часто неявным приказам социального порядка, поскольку они не проговариваются и не декларируются, – значит дать животному возможность думать в соответствии со своей собственной логикой» (Бурдьё, 2005, стр. 304). Как отмечал Г. Лебон, человек способен контролировать свое возбуждение и подавлять свои рефлексy, но при условии, если он изолирован от толпы, поскольку в данном случае он подчиняется рассудку (Лебон, 1995, стр. 88). С другой стороны, если не иметь в виду толпу, а подразумевать необходимость человека в социальной ориентированности, то без участия общества в жизни человека и сознание не получит свое развитие и понимание своих потребностей и контроля над ними тоже не состоится. Говоря об особенности развития общества, еще А. Бергсон подчеркнул противоречие, заложенное в основу его развития. Ученый говорил о том, что общество может существовать, «только подчиняя себе индивида, оно может развиваться, только позволяя ему действовать: таковы противоположные требования, которые нужно примирить. В итоге выходит так, что общество, представляющее собой объединение индивидуальных энергий, вознаграждает и облегчает усилия всех» (Бергсон, 2010, стр. 43).

Изучая влияние социальных процессов, Н. Луман четко определяет, что влияние внешних факторов на человека имеет также свои пределы, которые устанавливаются самим человеком для ограничения

навязываемого потока информации и символов. Говоря при этом о симбиотических символах различных медиа, Н. Луман обращает внимание на тесную зависимость между возможностями применения и возможностями препятствовать применению, которое как раз и вытекает из внутрисистемной активации структурных связей. При этом ученый справедливо отмечает, что «многое зависит от тренировочной самовосприимчивости» (Луман, 2005, стр. 223). Для грамотного постижения в этой связи внешних связей и закономерностей необходим личностный опыт понимания самого себя. Н. Луман видит процесс мотивирования именно в этом. Неслучайно он говорит о том, что медиакоммуникации в большей степени опираются на специфику структурных сцеплений с психикой и организмом. При этом он обращает внимание на то, что все симбиотические символы налагают запреты на самоудовлетворение. Они настроены на то, что тело будет использоваться согласно меркам социального кондиционирования, вне непосредственной связи с тем, что ему внушает сознание (Луман, 2005, стр. 223). Как утверждает Н. Луман, надежность общества заключается в функционировании организации, вероятно, по этой причине обществу необходимо мотивировать субъектов к осуществлению нужных ему действий, а также контролировать и направлять индивидуальные сознания к коллективному результату (Луман, 2005, стр. 224). В этом как раз и заключается обоснование внешней мотивации со стороны как экономического сегмента, так и властных структур общества для осуществления контроля над субъектами.

Для понимания сути мотивации в деятельности человека теоретические воззрения В.И. Вернадского добавили обоснование источников многообразия качеств человека. Ученый выделял четыре фундаментальных типа организации живого: организменный, популяционно-видовой, биоценотический и биосферный, считая, что для понимания человеческой сущности необходимо исследование как организмического типа, который связан с исследованием биологических и психологических особенностей, так и популяционно-видового, биоценотического и биосферного типов, которые связаны с исследованием уникальности и многогранности человеческой сущности. В.И. Вернадский полагал, что «геологически эволюционный процесс отвечает биологическому единству и равенству всех людей», но мощь человека при этом определяется не его биологической сущностью, а «его разумом и направленным этим разумом его трудом» (Вернадский, 1965, стр. 327). В учении В.И. Вернадского формируется очень важная основа мотивации человека, направленная на преобразование

и совершенствование как себя, так и окружающей действительности, когда «свободная мысль личности определяет жизнь человечества» (Вернадский, 1965, стр. 328).

В.В. Розанов пытался представить природу человека как полиморфную и динамическую, тем самым полагая, что «поняв эти две истины, получится совершенно иное воззрение на мир истории и жизни» (Розанов, 1892, стр. 10). Данное утверждение находит свое объяснение в том, что мыслитель в качестве детерминант определяет три постоянные и несводимые друг к другу идеала, влечения, которые «первозданны в человеке: нравственное, справедливое и прекрасное» (Розанов, 1892, стр. 11-12). Между тем В.В. Розанов в определении детерминант поведения, оставаясь верным идеалистическим воззрениям, подчеркивает динамику человеческой природы, однако динамична не сама природа человека, а формы и способы проявления ее.

Анализируя причины деятельности и говоря о человеке в целом, Н.А. Бердяев уделяет первостепенное внимание именно сознанию, полагая, что природа человека динамична и сознание необходимо человеку для того, чтобы ослаблять силу инстинкта. В качестве обоснования данного рассуждения, мыслитель говорит о цензуре сознания как цензуре социальной (Бердяев, 1931, стр. 76). Кроме того, мыслитель справедливо отмечает, что динамизм и изменчивость человеческой природы связан со свободой, а не с необходимостью (Бердяев, 1931, стр. 58). Если говорить о потребностях как детерминантах деятельности, то здесь прослеживается прямая связь с необходимостью, поскольку не только факт жизни зависит от них. Другое дело, когда у человека есть свобода выбора между теми или иными предпочтениями, есть свобода выбора в плане средств достижения удовлетворения потребности.

ЦЕННОСТНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ МОТИВАЦИИ КАК ОСНОВА ДЛЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЛИЧНОСТНЫХ КАЧЕСТВ

Говоря о положительной мотивации, следует ориентироваться в большей степени на исследования в данной области А. Маслоу, который и ввел понятие «позитивная теория мотивации». Кроме того, А. Маслоу со своими сторонниками (представителями гуманистической психологии) сформировал «концепцию здоровья благодаря удовлетворению» (или здоровья благодаря счастью). В этом он поддерживал идеи таких авторов, как А. Адлер, М. Аргайл, К.-Л. Бюлер, К. Гольдштейн, Р. Мэй, К. Роджерс, К. Хорни, Э. Фромм, К.-Г. Юнг и многих

других, исходящих из позитивной тенденции развития организма, которая изнутри подталкивает его к дальнейшему совершенствованию (Маслоу, 2008, стр. 88). Иначе говоря, положительная мотивация означает мотивацию, которая основывается на механизмах духовного самосовершенствования личности.

Как видно из представленных примеров, формирование основ положительной мотивации (даже без обращения к данному термину) определяется совершенствованием личностных качеств, которые запускают механизм элитизации личности. Здесь, в первую очередь, необходимо учитывать духовное саморазвитие человека, посредством которого обретаются иные смыслы преобразования себя в лучшем плане и преобразование действительности, в которой человек существует не через внешние атрибуты успешности и власти, а благодаря внутреннему совершенствованию своего «Я».

Как утверждал В.Н. Волков, самоопределение личности проходит две стадии, на первой из которых «рождаются исходные смыслы всех форм активности» (Волков, 2001, стр. 287), поэтому данная стадия носит название «конструирующей», где человек, способный избавиться от эгоизма, обретает духовное бытие. На второй стадии (стадии творчества) самоопределения личности духовное становится источником новых смыслов, то есть формируется характер деятельности человека (Волков, 2001, стр. 287).

Формирование в человеке элитных свойств и качеств, которые способствуют ее выдвижению в число элиты, определяется ценностными компонентами мотивации, способные изменить первоначальную природу человека к лучшему, усовершенствовать ее настолько, чтобы она стала высшим образцом для всех. Например, М. Вебер воспринимает понятие ценности как нечто значимое и возвышенное, как и должно быть. Не случайно он считает прогрессом рост ценностей только в интеллектуальном смысле: «В области оценок субъективных переживаний «прогресс дифференциации» может быть отождествлен с ростом ценности только в интеллектуальном смысле как рост осознанного переживания, способности выражать свои чувства или коммуникабельности» (Вебер, 1994, стр. 578).

Н. Луман, говоря о ценностях, обращает внимание и на то, что «нет никого, кто бы утверждал, что он против мира, справедливости, честности и здоровья и т.д., однако это не предотвращает ценностные конфликты» (Луман, 2005, стр. 250). Иначе говоря, он указывает на то, что представление о ценностях у каждого человека может быть свое,

то есть следует признать факт и субъективного представления о ценностных предпочтениях.

Вместе с тем можно определить, что элитное самосознание на уровне формирования положительной мотивации определяется рядом ценностных компонентов, основными из которых являются ценность самоутверждения и ценность справедливости, способные заложить основы именно духовного совершенствования человека.

Престиж, саморазвитие, статус, саморазвитие в профессии, - все это определяет самооценку человека как такого, способного преодолеть самого себя не только для себя, но и ради других. Такого рода ценность является источником веры в себя. По утверждению Г. Геффдинг, стремление к самостоятельному развитию, к возможности проявить свои наклонности и способности ведут к совершенствованию человеческой жизни (Геффдинг, 2012, стр. 128). В.Е. Кемеров в самореализации видел со-бытие субъекта с другими людьми, что обнаруживает его силу и способность, полагая, что в этом и проявляется грань, выявляющая многомерность деятельности (Кемеров, 2012, стр. 117-118). Ценность самоутверждения формирует значимость тех поступков, которые человек совершает во благо себя, своих близких, Родины, тем самым реализуя свое призвание, в соответствии со стремлением к которому человек развивает необходимые способности. В этой связи обнаруживает себя ценность долга. Ценность самоутверждения связана со стремлением человека к социальному признанию его достижений.

Ценность справедливости связана с потребностью в свободе, когда человек способен свободно и независимо оценивать происходящее с точки зрения справедливости, определяемой как равное право людей на распределение общественных благ в соответствии с долей их участия в общем деле. Например, Дж. Ролз одним из принципов справедливости указывал принцип обладать равным правом «в отношении наиболее общей системы равных основных свобод, совместимой с подобными свободами для всех остальных людей» (Ролз, 1995, стр. 267). Еще до Дж. Ролза, Д. Юм обращал внимание на этику справедливости, рассматривая ее с четырех позиций, одна из которых связана с пониманием справедливости как состояния общества, обнаруживающееся между крайним дефицитом и абсолютным изобилием (Юм, 1996, стр. 289). В данной ценности обнаруживается сопричастность индивидов к значимым событиям, когда человек способен оценивать происходящее не только соотнося с собой, но и с тем, что происходит вокруг в отношении той территории, на которой они проживают и ча-

стью которой он себя ощущает. В этой связи такое элитное качество личности, как справедливость, сопряжено с личной ответственностью, когда человек способен отдавать отчет своим действиям и становится примером для окружающих не сквозь призму властного авторитета, а благодаря способности стремиться быть лучше себя настоящего в духовном плане. Ориентируясь в этой связи на исследование А.В. Прокофьева, посвященное анализу справедливости, можно отметить, что, согласно его позиции, фундаментальное значение справедливости определяется двумя пояснениями: справедливость связана с идеалом равенства, выраженное в требованиях сбалансированного распределения, а также в том, что данное понятие справедливости выступает источником «нравственного индивида», предъявляемых не только к самому себе, но и другим (Прокофьев, 2003, стр. 25). Исходя из подобных характеристик справедливости представляется соответствующим определению исследователя, исходя из которого справедливость понимается как «представление о должном, нравственно санкционированном порядке взаимодействия между членами общества, который задан соразмерностью выгод и потерь» (Прокофьев, 2003, стр. 24).

Таким образом, положительная мотивация - это система идеально-регулятивных механизмов, представляющая собой формирование в человеке элитных свойств и качеств, которые способствуют его выдвижению в число элиты, определяется ценностными механизмами, меняющие первоначальную природу человека к лучшему и определяющиеся следующими факторами:

1) в русле реализации идеалов гражданского общества как модели формирования общественных отношений, на первое место выводится такое качество элитной личности, как справедливость, сопряженное с пониманием «личной ответственности», когда человек способен отдавать отчет своим действиям и становится примером для окружающих не благодаря своему авторитету через статус обладания властью, а благодаря способности стремиться быть лучше себя настоящего в духовном плане;

2) «гражданская позиция», которая формируется благодаря осознанию и пониманию своей жизненной позиции и своих действий, что является основой формирования ценности справедливости. Она, в свою очередь, связана с потребностью в свободе, когда человек способен свободно и объективно оценивать происходящее с точки зрения справедливости, определяемой как равное право людей на распределение общественных благ в соответствии с долей их участия в общем

деле. Именно в этом проявляется вовлечение равнодушных людей в жизнь и будущее своей страны;

3) элитизации сознания, благодаря которому человек возвышает себя не за счет внешних атрибутов успешности (деньги, власть), а за счет самовоспитания и возвышения себя над стремлением к тем условиям жизни, которые для большинства становятся самоцелью. Престиж, статус, саморазвитие в профессии, - все это определяет самооценку человека как такого, способного превзойти самого себя не только для себя, но и ради других. Такого рода ценность является источником веры в себя.

Обращаясь к основам формирования положительной мотивации в отношении элитизации личности, необходимо отметить, что элитизация возможна только при условиях сознательной зрелости субъектов и зрелости самого общества. Человек ощущает себя элитой и может создавать свою положительную мотивацию тогда, когда он духовно совершенствуется и, в результате, воспринимает себя не как средство для достижения целей окружающих его людей, а себя как цель в обретении личностного совершенствования, когда, обладая лучшими качествами, способен быть сопричастным и ответственным за то, что происходит в жизни и в обществе. Данный контекст элитизации личности с позиции теории положительной мотивации формирует предпосылки *экологии элит*, когда критерии элитности определяются через анализ духовного совершенствования человека (совершенствования в чистом виде), а не через возвышение за счет внешних атрибутов власти, чему будет посвящено дальнейшее исследование.

ВЫВОДЫ

В ходе анализа основ положительной мотивации было обнаружено, что, проводя соотношение динамики ее исторического развития с побудительно-идеальными факторами человеческой деятельности (ценностный аспект), можно проследить причины и логику формирования качественных характеристик современной личности, ориентированной на идеальную модель своего духовного развития, что применимо и к развитию как положительных качеств представителей управленческой элиты, так и общества в целом.

Список литературы

Бергсон, А. (2010). Сознание и жизнь. В А. Бергсон *Избранное*. Москва: РОС-СПЭН.

- Бердяев, Н. А. (1931). *О назначении человека. Опыт парадоксальной этики*. Париж: «Современные записки».
- Бурдые, П. (2005). *Социальное пространство: поля и практики*. Москва: Институт экспериментальной социологии; Санкт-Петербург: «Алетейя».
- Вебер, М. (1994). *Избранное. Образ общества*. Москва: «Наука».
- Вернадский, В.И. (1965). *Химическое строение биосферы земли и ее окружения*. М., 1965.
- Волков, В.Н. (2001). *Онтология личности*. Иваново: Изд-во Ивановского государственного университета.
- Геффдинг, Г. (2012). *Этика, или наука о нравственности: Изложение этических принципов и их применение к различным житейским отношениям*. Москва: Изд-во ЛКИ.
- Декарт, Р. (1989). *Сочинения в 2 т. Том I*. Москва: «Мысль».
- Карабущенко, П. Л. (2020). *Антропологическая элитология: монография*. Москва: ИНФРА-М.
- Кемеров, В. Е. (2012). *Общество, социальность, полисубъектность*. Москва: «Академический Проект».
- Ларошфуко, Ф. (2004). *Характеры, или нравы нынешнего века*. Москва: «АСТ».
- Лебон, Г. (1995). *Психология народов и масс*. Санкт-Петербург: «Макет».
- Луман, Н. (2005). *Медиа коммуникации*. Москва: «Логос».
- Маслоу, А. (2008). *Мотивация и личность*. Санкт-Петербург: «Питер».
- Некрасова, Н. А. & Макатов, З. В. (2013). *Духовное совершенствование личности. Ученые записки Орловского государственного университета, (2), 99-104*.
- Платон. (1986). *Диалоги*. Москва: «Мысль».
- Платон. (1990а). Алкивиад II. В А.Ф. Лосев (ред.). Платон. *Собрание сочинений в 4 т. Том I*. (стр. 427-347). Москва: «Мысль».
- Платон. (1990б). Феаг. Платон. А.Ф. Лосев (ред.). *Собрание сочинений в 4 т. Том I*. (стр. 112-124). Москва: «Мысль».
- Прокофьев, А. В. (2010). *Справедливость или преодоление человеческой природы? (метанормативный контекст понятия справедливость). Этическая мысль, (4), 23-46*.
- Ролз, Дж. (1995). *Теория справедливости*. Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета.
- Сенека, Л. А. (1995а). О счастливой жизни. В В. В. Салов (ред.) *Сенека. Римские стоики: Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий*, (стр. 167-192). Москва: «Республика».
- Сенека, Л. А. (1995б). О блаженной жизни. В В. В. Салов (ред.), *Сенека. Римские стоики: Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий*, (стр. 193-204). Москва: «Республика».

- Сенека, Л. А. (2020). Нравственные письма к Луцилию. Москва: «Азбука»,.
- Хайдеггер, М. (2003). *Бытие и время*. Харьков: «Фолио».
- Юм, Д. (1996). Исследование о принципах морали. В Д. Юм *Сочинения в 2 т. Том 2*, (стр. 209-304). Москва: Мысль.

References

- Berdyayev, N.A. (1931). *On the appointment of a person. An experience of paradoxical ethics*. Paris: Modern Notes. (In Russian).
- Bergson, A. (2010). Consciousness and Life. In A. Bergson: *Selected Writings*. Moscow: ROSSPEN. (In Russian).
- Bourdieu, P. (2005). *Social space: fields and practices*. Moscow: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: "Aletheia". (In Russian).
- Descartes, R. (1989). *Works in 2 volumes. Vol. 1*. Moscow: "Thought". (In Russian).
- Geffding, G. (2012). *Ethics, or the science of morality: An exposition of ethical principles and their application to various everyday relationships*. Moscow: LKI Publishing House. (In Russian).
- Heidegger, M. (2003). *Being and time*. Kharkov: "Folio". (In Russian).
- Hume, D. (1996). A Study on the Principles of Morality. In D. Hume, *Works in 2 volumes. Volume 2*, (pp. 209-304). Moscow: Thought. (In Russian).
- Karabuschenko, P.L. (2020). *Anthropological elitology*. Moscow: INFRA-M. (In Russian).
- Kemerov, V. E. (2012). *Society, sociality, poly-subjectness*. Moscow: "Academic Project". (In Russian).
- La Rochefoucauld, F. de (2004). *Maxims. F. de La Rochefoucauld Characters, or mores of the present century*. Moscow: "AST". (In Russian).
- Le Bon, G. (1995). *Psychology of peoples and masses*. St. Petersburg: "Layout". (In Russian).
- Luhmann, N. (2005). *Media Communication*. Moscow: "Logos". (In Russian).
- Maslow, A. (2008). *Motivation and Personality*. St. Petersburg: "Peter". (In Russian).
- Nekrasova, N.A., & Makatov, Z.V. (2013). Spiritual development of the personality. *Scientific notes of the Oryol State University*, (2), 99-104. (In Russian).
- Plato. (1986). *Dialogues*. Moscow: "Thought". (In Russian).
- Plato. (1990a). Alcibiades II. A.F. Losev (ed.). *Plato. Collected works in 4 volumes. Volume 1*. (pp. 427-347). Moscow: "Thought". (In Russian).
- Plato. (1990b). Theagus. A.F. Losev (ed.). *Plato. Collected works in 4 volumes. Volume 1*. (pp. 112-124). Moscow: "Thought". (In Russian).

- Prokofiev, A.V. (2010). Justice or Overcoming Human Nature? (metanormative context of the concept of justice). *Ethical Thought*, (4), 23-46. (In Russian).
- Rawls, J. (1995). *The Theory of Justice*. Novosibirsk: Novosibirsk University Press. (In Russian).
- Seneca, L. A. (1995a). About a happy life. In V.V. Salov (ed.) *Seneca. Roman Stoics: Seneca, Epictetus, Marcus Aurelius*, (pp. 167-192). Moscow: "Republic". (In Russian).
- Seneca, L. A. (1995b). About the blissful life. In V.V. Salov (ed.) *Seneca. Roman Stoics: Seneca, Epictetus, Marcus Aurelius*, (pp. 193-204). Moscow: "Republic". (In Russian).
- Seneca, L. A. (2020). *Moral letters to Lucilius*. Moscow: "Azbuka". (In Russian).
- Vernadsky, V.I. (1965). *Chemical structure of the earth's biosphere and its surroundings*. Moscow. (In Russian).
- Volkov, V.N. (2001). *Ontology of personality*. Ivanovo: Publishing house of the Ivanovo State University. (In Russian).
- Weber, M. (1994). *Selected Writings. The image of society*. Moscow: "Science". (In Russian).

CARNIVAL POLITICAL CULTURE: A SYSTEMATIC ANALYSIS OF THE MAIN CATEGORIES

Paul L. Karabushenko (a)

(a) Astrakhan State University. Astrakhan, Russia. E-mail: Pavel_karabushenko[at]mail.ru
ORCID 0000-0003-2776-4089

Abstract

The political culture of modern ruling elites can be defined in one word, which is at the same time their common diagnosis - "carnival". Much has been written about the carnival, but the fact that such a political carnival is known mainly from journalism and memoirs. The carnival penetrates politics as political elites begin to get involved in gaming practices, adhere to double standards tactics and adopt conspiracy theories. If previously carnival political culture was an exception, now it is increasingly becoming a general rule. We can find in the media and in the scientific literature increasing criticism and accusations of politicians of involvement in the carnival political culture. Meanwhile a clear understanding of what the categories of carnival political culture are in the scientific literature has not yet developed. Each researcher interprets this phenomenon in his own way, investing in the categories in which it is described, his personal ideas and understandings.

The main participants and initiators of the political carnival are often representatives of elite groups. Therefore, carnival political culture can be considered as a kind of elite culture, when the elites or counter-elites lack their traditional means, and they start using carnival technologies. This work provides a systematic analysis of the main categories of carnival political culture, and the carnival political culture itself is interpreted as an alternative subjective reality opposed to political cultures of objective political reality.

Keywords

the elite; political culture; carnival; trickster; falsification; sacralization; satire; parody; laughter; caricature; myth

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

КАРНАВАЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА: СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ КАТЕГОРИЙ

Карабущенко Павел Леонидович (а)

(а) Астраханский государственный университет, Астрахань, Россия.
E-mail: Pavel_karabushenko[at]mail.ru ORCID 0000-0003-2776-4089

Аннотация

Политическую культуру современных правящих политических элит можно определить одним словом, которое одновременно является и их общим диагнозом – «карнавал». О карнавале вообще написано много, но о том, что такое политический карнавал известно в основном из публицистики и мемуарной литературы. Карнавал проникает в политику по мере того, как политические элиты начинают массово увлекаться игровыми практиками, придерживаться тактики двойных стандартов и брать на вооружение конспирологические стратегии. Если ранее карнавальная политическая культура была исключением, то в настоящее время она все чаще становится общим правилом. Нередко в СМИ и в научной литературе можно встретить критику и обвинения политиков в причастности к карнавальной политической культуре. Между тем четкого понимания, что собой представляют категории карнавальной политической культуры, в научной литературе все еще не сложилось. Каждый исследователь по-своему интерпретирует это явление, вкладывая в категории, в которых оно описывается, свои личные представления и понимания.

Главными участниками и инициаторами политического карнавала зачастую всего являются представители элитных групп. Поэтому с полным основанием можно считать карнавальную политическую культуру разновидностью элитарной культуры, когда элитам или контрэлитам не хватает их традиционных средств, и они начинают использовать карнавальные технологии. Автор рассматривает особенности существующего многообразия карнавальной политической культуры. В настоящей работе он дает системный анализ основных категорий карнавальной политической культуры, а сама карнавальная политическая культура интерпретируется им как альтернативная субъективная реальность, противостоящая политическим культурам объективной политической реальности.

Ключевые слова

элита; политическая культура; карнавал; трикстер; фальсификация; сакрализация; сатира; пародия; смех; карикатура; миф

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Еще Платон, давая типологию политического лидерства, обратил внимание на существующий в политическом пространстве определенный тип политиков, вызывающий у всех презрение и смех: одни политики «походят на львов, - отмечал Философ, - некоторые - на кентавров и на другие подобные создания, [но] большинство же - на сатиров и на сходные с ними существа, слабые и изменчивые: они быстро меняют свой облик и свои свойства на другие» (*Политик*, 291a-b). Философ весьма точно подметил и подобрал для этого типа политиков эпитет – «сатиры» [*козлообразные* лесные существа] похотливы и падки на вино, разгул, секс, насилие и т.д., и т.п. Во все времена такие политики были наиболее опасными для общества, потому что ни за что не отвечали и были непредсказуемы в своей политической практике. Они – провокаторы хаоса, ниспровергатели морали и общих правил критического разума

В последнее время в оценках правящих политических элит и в характеристиках проводимой ими политики, все чаще начинают встречаться эпитеты и термины, близкие к тому о чем писал Платон и указывающие на особый тип политической культуры, который мы можем назвать, как «карнавальный тип»: «политический цирк», «театр абсурда», «клоуны», «паяцы», «политические комедианты», «мартышки во фраках», «ряженные», «лицедеи», «сатиры», «фрики», «фарс», «фарисеи», «шабаш», «карнавал» и т.д. Политические игры вокруг власти всё больше напоминают борьбу клоунов за арену. Политика и политики выродились и живут в мире собственных иллюзий, когда аплодисменты публики для них значат больше, чем решение реальных проблем. Глубочайшая неадекватность поражает их мозг, волю и совесть. И именно подобного рода неадекватность мы и рассматриваем в качестве проявления особенностей карнавальной политической культуры.

МЕТОДОЛОГИЯ

Карнавальная политическая культура рассматривается как аномальное отклонение от традиционных видов политических культур, описанных классиками этой теории еще в середине XX в. Навязывая свои культурные нормы, карнавал пытается подменить собой все политические институты, в том числе и само государство, власть, элиты... Политическая история знает немало примеров того как в результате государственных переворотов или демократических выборов к власти приходили лица, в последствии оцениваемые как карнавальные

персонажи. Своей «отрицательной гравитацией» они искажали политическое пространство, доводили до абсурда и неузнаваемости политические нормы и ценности. В силу указанных обстоятельств, *объектом* настоящей работы будет являться карнавальная политическая культура, а в качестве *предмета* - выступать ее основные категории. Перед нами стоит *задача*, не просто уточнить категориальный аппарат этого типа политической культуры, но и дать оценку его сущности. Решить поставленную задачу мы намерены посредством методов диалектики, герменевтики, компаративистики и семиотики.

Диалектический метод позволяет нам увидеть феномен элиты и элитности в его динамическом развитии, выявить существующие внутри и вовне противоречия. *Сравнительный метод* помогает систематизировать и типологизировать однородные явления, с последующим выходом на их всесторонний качественный анализ. *Герменевтика* позволяет вскрыть смыслы творческой активности субъектов элитных групп, которые создают о ней и себе тексты. *Семиотика* раскрывает знаковые системы, которыми пользуются элиты в процессе общения, вскрывает их коммуникационные связи. В настоящей работе использован весь комплекс указанных методов, с целью получения необходимого аналитического материала, в анализе конкретной элитологической ситуации (Карабущенко, 2020, стр. 18-19).

Для исследования карнавальных химер применим способ выборочной диагностики фрагментации, в ходе которого анализируются политические процессы, которые никогда самостоятельно (сами по себе) не становятся историческими фактами, а зависят в пространстве неопределенности, вызывая затруднения как аксиологических, так и моральных, и идеологических оценок. Поскольку карнавальная политическая культура представляет собой эклектику, то выяснение связей частей («фрагментов») в этом неким «общем» всегда весьма затруднительно. Если в нормальных политических культурах политический процесс имеет определенную схему развития (начальная фаза, центральная фаза развития, финальная фаза), то в карнавальной политической культуре «процессы» могут идти по какой угодно схеме, не имея ни начала, ни конца. Эклектика «съедает» системность, отдавая предпочтение фрагментарности.

Автор придерживается принципов, разработанных еще классиками элитологической мысли (Платон, Аристотель, Л.А. Сенека, Т. Карлейль, В. Парето, Н.А. Бердяев, Г.К. Ашин), относительно природы и сущности феномена элиты и элитности. Теоретико-методологическую базу исследования составляют работы как зарубежных, так и отече-

ственных исследователей, внесший существенный вклад как в развитии самой элитологической мысли, (В. Парето, Г.К. Ашин и др.) так и концепта карнавальной культуры. (М.М. Бахтин, С.С. Аверинцев, Д.С. Лихачев и др.). Хотя М.М. Бахтин специально не занимался природой политической карнавальной культуры, в отдельных его высказываниях проскальзывают идеи, относящиеся к рассматриваемой нами проблеме. Именно эти его намеки и оговорки мы и будем использовать в своем анализе особенностей карнавальной политической культуры. В работе также используется предложенная А. Тойнби модель анализа объективной действительности в режиме «прихода-и-ухода» творческого меньшинства, в процессе поиска им ответа на глобальные вызовы современности (Тойнби, 2001; 2002).

КЛАССИФИКАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУР

В политической истории мы встречаем политические культуры, которые относятся к объективной политической реальности и обнаруживаем некую политическую культуру, относящуюся к ее субъективной части. В своей классификации типов политических культур мы отталкиваемся от уже существующих моделей, которые отражают сущность политической реальности. Но в политическом мире весьма часто встречается еще один тип политической культуры, который описывает реальность, выходящую за рамки объективного мира политики и не подпадающий ни под один из описанных политической наукой типов. Речь идет о карнавальной политической культуре.

Карнавальная политическая культура – историческое явление, уходящее своими корнями в глубокую древность. В политической истории мы постоянно наталкиваемся на следы присутствия этой культуры, и встречаем характерных его участников – исторические маски этих персон с веками не меняются, и мы легко можем их угадать и в наших современниках. Но, если в прошлом карнавал был фрагментарным состоянием политической культуры, то в наше время ему удалось вытеснить реальные политические культуры на периферию и занять главенствующие позиции.

Таким образом, в уточненной нами классификации политических культур можно выделить естественную и неестественную. К первой относятся все традиционные виды культур (описанные ещё Г. Алмондом и С. Верба) (Almond & Verba, 1963), ко второй – карнавальная культура. В чем неестественность (а, точнее, противоестественность) карнавальной культуры? Прежде всего, в том, что она является продуктом субъективной деятельности политических кругов, пытающих-

ся с ее помощью противопоставить естественной культуре некие выдуманные карнавальные формы, которые были бы заточены на конкретную власть. Корни карнавальной политической культуры восходят к традиции заигрывания власти с народом, когда первая для отвлечения и ослабления социального напряжения посредством подобных актов снимала с последнего социальную и политическую напряженность.

Хорошо известен подход Ю.М. Лотмана, который определял культуру как «внегенетический механизм» наследования социального опыта. С этой точки зрения карнавальная политическая культура будет означать наследование отрицательного политического опыта и отрицательной селекции элит. Причем этот опыт тоже передается «по наследству» и воспроизводится в виде традиции коррупционных схем, избирательного отношения к праву, проявления патриархальных норм и т.д.¹. Напомним, что Г. Алмонд и С. Верба представляли политическую культуру как «специфическое распределение типов ориентаций (patterns of orientations) по отношению к политическим объектам среди членов той или иной нации» (р. 13). Первоначально Г. Алмонд вообще считал, что введенный ими в 1956 г. термин «политическая культура» понимается «как специфические модели ориентаций на политические действия» (Almond, 1956, p. 396).

В традиционном понимании карнавал - это праздник, создающий временную альтернативную реальность, в которую все добровольно погружаются, пребывая в измененном сознании; карнавал – это временное искажение объективной реальности, когда она добровольно погружается в глубины субъективизма. Но политическая карнавальная культура пытается продлить это временное состояние и сделать его постоянным. Для этого ей требуется определенный тип политиков и конкретные политические технологии, доминанция которых в политической жизни того или иного общества и политической системы будет указывать на устойчивость категорий карнавальной политической культуры в этих существующих политических практиках.

ОСОБЕННОСТИ КАРНАВАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Для расшифровки сущности карнавальной политической культуры мы будем опираться на теорию карнавала предложенную М.М.

¹ Обобщая все существующие в настоящее время подходы, Г.Л. Тульчинов определяет культуру «как систему порождения, накопления, хранения, передачи социального опыта». «Культура упорядочивает деятельность человека тем, что фиксирует конкретные нормы – правила этой деятельности по достижению целей» (Тульчинов, 2018, стр. 10).

Бахтиным (1895 - 1975), который утверждал, что в концепции карнавала обнаруживается категорическое противопоставление его официальному празднику и всей системе традиционной власти в целом. Эта оппозиция несет в себе определенную ценностную нагрузку, утверждающую, что все официальное является устаревшим, отжившим, застывшим, несущим неправду и насилие и, напротив, все карнавальное представляет собой нечто новое, живое и свободное. Правда жизни перемещается из реальности в карнавал².

Говоря о карнавальности, как о некоей сумме отличительных чертах и свойствах карнавальной культуры, мы должны помнить, что вслед за изменчивой природой карнавала меняется и сам набор всех этих его черт. У каждого карнавала может быть свой уникальный код – набор наиболее активных в данный момент и при данных условиях констант. Классическое описание такой карнавальной культуры было дано выдающимся советским философом и культурологом М.М. Бахтиным в его работе «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» (1965).

Описывая современные политические элиты в категориях бахтинской теории карнавальной культуры, мы подчеркиваем не только снижение профессионального уровня субъектов правящих политических элит, но и их крайнее легкомысленное отношение к выполнению своих прямых обязанностей. Человек власти понимает выполнение своих прямых обязанностей как некое ритуальное действие, ставящее его в круг избранных, где вся окружающая его публика является зрителем его культовых действий. Карнавал превращает культуру обратно в культовое действие, конструируя из нее новый культ.

Как показывает политическая история, элиты способны превратить трагедию в праздник. Сам карнавал может служить отвлекающим маневром их политики. «Официальный праздник, в сущности, смотрел только назад, в прошлое и этим прошлым освящал существующий в настоящем строй. Официальный праздник, иногда даже вопреки собственной идее, утверждал стабильность, неизменность и вечность всего существующего миропорядка: существующей иерархии, существующих религиозных, политических и моральных ценностей, норм,

² Для справедливости отметим, что например, германская школа карнаваловедения в 1990-х гг. недоверчиво отнеслась к бахтинской версии происхождения карнавала. «Бахтина упрекали в том, что он отталкивался от ленинской идеи о наличии в классовом обществе двух культур, что он представил некую теорию карнавала, не дав ее истории. (Впрочем, и русский оппонент Бахтина А.Я. Гуревич считает бахтинскую концепцию "скорее мифологией карнавала и смеховой культуры, нежели их действительной историей", - что не лишено доли истины, особенно в отношении немецкого карнавала)» (Колязин, 2002, стр. 90).

запретов. Праздник был торжеством уже готовой, победившей, господствующей правды, которая выступала как вечная, неизменная и непререкаемая правда» (Бахтин, 1990, стр. 14). Организовывая праздник, власть демонстрирует свою стабильность и способность управления.

Карнавал есть совокупность всех действий, калейдоскопичность которых указывает на его динамику и эклектику. Карнавал представляет собой время снятия официоза, отмены этикета, как окостенелой формы этики. Это время неформальных отношений по сугубо формальной схеме. «В противоположность официальному празднику карнавал торжествовал как бы временное освобождение от господствующей правды и существующего строя, временную отмену всех иерархических отношений, привилегий, норм и запретов. Это был подлинный праздник времени, праздник становления, смен и обновлений. Он был враждебен всякому увековечению, завершению и концу» (Бахтин, 1990, стр. 15). Мы бы добавили, что карнавал есть праздник всего временного, постоянно уходящего и приходящего вновь.

Обывателем карнавал воспринимался и оценивался как нечто подлинное, истинное и самое лучшее, что может случиться в их повседневной тусклой жизни. Карнавал, указывал М.М. Бахтин, «это вторая жизнь народа, организованная на начале смеха. Это его праздничная жизнь. Праздничность – существенная особенность всех смеховых обрядово-зрелищных форм средневековья» (Бахтин, 1990, стр. 13). Карнавал давал обывателю ложное ощущение изменения в жизни – новизна была видна, традиция оказывалась ею замещена, но от этого она не утрачивала свою силу как объективной реальности.

Основными чертами карнавала Бахтин считал универсальность, амбивалентность, неофициальность, утопизм, и, конечно же, смех. «Карнавал не созерцают, – в нем живут, и живут все, потому что по идее своей он всенароден. Пока карнавал совершается, ни для кого нет другой жизни, кроме карнавальной. От него некуда уйти, ибо карнавал не знает пространственных границ. Во время карнавала можно жить только по его законам, то есть по законам карнавальной свободы. Карнавал носит вселенский характер, это особое состояние всего мира, его возрождение и обновление, которому все причастны» (Бахтин, 1990, стр. 12).

В карнавальной культуре большое место занимает смех. Исследователи отмечали, что смех является одновременно и разрушителем, и созидателем настоящего мира. Посредством смеха человек обличает и высмеивает все плохое. Посредством смеха обнажается несправед-

ливость. Смех создает мир свободный от несправедливости, строя таким образом антимир, где отвергнуты господствующее социальное неравенство и несправедливость (Лихачев, 1984, стр. 38). Главное в смехе – освобождение. И смеющийся над всеми и над всем карнавал есть мир и время свободы. Смех является своего рода взрывом, который захватывает и увлекает все человеческое естество (Аверинцев, 1992, стр. 8). Взрывной характер феномена смеха, объясняется совершаемым в этот момент переходом человека от несвободы к свободе, характеризует его освобождение от традиционных норм и догм. Поэтому в этот момент смех может носить агрессивность, быть разрушающим началом.

По мере всего прочего, карнавал отменял на время все иерархические отношения, т.е. он шел на прямую нарушение существующего в мире порядка: «... на карнавале все считались равными. – Отмечал М.М. Бахтин. - Здесь – на карнавальной площади – господствовала особая форма вольного фамильярного контакта между людьми, разделенными в обычной, т.е. внекарнавальной, жизни непреодолимыми барьерами сословного, имущественного, служебного, семейного и возрастного положения» (Бахтин, 1990, стр. 15). Карнавальность устанавливает ложное равенство, скрывая естественные социально-политические и антропологические различия.

Карнавал - это и путь в параллельную реальность, и сама параллельная реальность, и агрессивное разрушение основ объективной реальности. То, что он представляет собой средство борьбы с объективной реальностью, карнавал заявлял с самого начала. По своему характеру карнавал распадается на множество отдельных и часто весьма условно связанных между собой актов. Он является торжеством эклектики, поэтому всегда носит антисистемный характер. В нем есть лишь общая заданность. Общая направленность и не более того. Карнавал лишь производит впечатление некоего единого целого. Но это впечатление есть часть его маскировки, есть его мимикрия под объективную реальность. У руководителя карнавала постоянно меняются планы. Поэтому можно констатировать, что никакого плана на самом деле у него нет. Карнавальная культура есть превращение праздника в будни, когда праздник вытесняет «серые будни» и объявляет себя единственной объективной реальностью. Для животного нет ни праздников, ни будней, а есть лишь бесконечно длящаяся повседневность. Карнавал стремится к тому, чтобы стать праздником навсегда, т.е. слить воедино будни и праздник. Такой бесконечный карнавал фактически уподобляет нас животному, но только наоборот – вечно

веселящееся животное. Для карнавальных политических элит праздник – это одновременно и свадьба и похороны, потому что они везде хотят быть главными. Другой вопрос – насколько это у них получается?

М.М. Бахтин считал, что специфика карнавала в его постоянном обновлении – в бесконечности импровизации, которая усиливает хаос эклектичности. Импровизация воспринимается как свобода действия. Но эта свобода дана субъекту только в рамках карнавала. За его пределами эта свобода оказывается иллюзией, оказывается фикцией. Карнавальное мироощущение «враждебное всему готовому и завершённому, всяким претензиям на незыблемость и вечность, требовало динамических и изменчивых, играющих и зыбких форм для своего выражения. Пафосом смен и обновлений, сознанием веселой относительности господствующих правд и властей проникнуты все формы и символы карнавального языка. Для него очень характерна своеобразная логика «обратности», «наоборот», «наизнанку», логика непрестанных перемещений верха и низа, лица и зада, характерны разнообразные виды пародий и травестий, снижений, профанаций, шутовских увенчаний и развенчаний» (Бахтин, 1990, стр. 16).

Карнавал есть также и упрощение всего. Он выдает себя за простецу. Но этот простец есть скрытый бунтарь. Карнавал есть протест, бунт против реальности. Ещё А. Камю указывал на то, что «метафизический бунт предполагает упрощенное видение мироздания» (Камю, 1990, стр. 139). Всё что раньше имело в своей цветущей сложности систему, карнавал упрощает и доводит до примитивизма. В этом смысле *карнавал есть упрощенная сложность*. Сложность его заключается в том, что каждый может домыслить его так, как ему вздумается. И этот многократно умноженный субъективизм и есть главная сложность карнавальной культуры.

Своим смехом карнавал преодолевает царящее в мире зло. Смех служит неким социальным лекарством. Несмотря на некоторые критические расхождения с М.М. Бахтиным, А.Ф. Лосев отмечал, что смех «излечивает все горе его жизни, он делает его независимым от объективного зла жизни, он дает ему последнее утешение, и тем самым он узаконивает всю эту комическую предметность, считает ее нормальной и естественной, он совершенно далек от всяких вопросов преодоления зла в жизни» (Лосев, 1978, стр. 523). Он называет этот смех «сатанинским», в то время как Бахтин ограничивается эпитетом «карнавальный». Политический карнавал может действительно переходить в фазу сатанизма, высвечивая абсолютное политическое зло. Шабаш партийных нацистских съездов (факельные шествия, языче-

ские ритуалы, сжигание запрещенных книг и т.д.), многими исследователями германского нацизма, оценивается именно как сатанинский карнавал, направленный на сплочение масс вокруг элитарно центра (Пленков, 2009).

Малой формой карнавала является т.н. плутовской (или «пикаренский») роман. Истоки этой традиции восходят еще к временам Античности («Сатирикон» Петрония и «Золотой осел» Апулея). Во многих произведениях средневековья мы можем встретить черты этой сатиры на объективную реальность, которая позволяла читателю создать свой собственный «малый карнавал» во время чтения таких произведений (как, например, «Декамерон» Боккаччо) (Пискунова, 2008).

В культурном плане карнавал является мощным двигателем театрального прогресса, поскольку позволяет опробовать различные формы и средства реализации идеи игры. Специалисты отмечают, что «европейская сцена время от времени переживала мощные волны карнавализации... И сегодня карнавал и различные карнавальные формы являются мощным генератором идей современного театрального мышления» (Колязин, 2002, стр. 88).

Если мы переведем типологию карнавализации М.М.Бахтина на язык современной политической науки, то получим следующее. Признаками карнавализации политики являются: 1) зависимость от процедурно-церемониальной части политики; 2) стремление использовать с серьезным видом несерьезные и логически невозможные (бессмысленные) «смыслы»; 3) упрощение профессионального языка (элементы фамильярно-площадной речи, граничащие с вульгарной формой и бранью) (Бахтин, 1990, стр. 8-9, 16); 4) «игра словами» - подмена и извращение значений; 5) десакрализация власти, когда т.н. «власть» становится карикатурой на власть; 6) мифологизация политики, когда мифы выдаются за реальность; 7) окончательный уход элит по ту сторону морали. Таким образом, карнавализация в политике - это ситуативный перевод знаний современной политической науки и его вольная адаптация к текущим политическим событиям³.

В карнавальной культуре действуют неправильные силлогизмы, которые разрушают какой-либо смысл. Создаваемые по таким правилам тексты, демонстрируют непредвиденные случаи (т.е. разрушения)

³ Известно, что М.М. Бахтин использовал карнавализацию, для обозначения воздействия античных и средневековых народных празднеств и обрядовых действий («карнавала») на образно-символическое мышление, творческую память и авторство, во вне карнавальных, вне коллективно-народных и вне официальных условиях культурного творчества конкретной исторической эпохи.

для правильного силлогизма (Lesjeux, 1962). Главная цель – потеря смысла. Ещё М. М. Бахтин отмечал, что слова и предложения вне их жанрового контекста нейтральны и бессмысленны (Бахтин, 1979, стр. 260). У исследователя нет возможности выхода на общий смысл текста. В отличие от обычного силлогизма, где вывод из противоречивых посылок невозможен, в поэтическом он возможен всегда в силу находчивости главного героя (Аверинцев, 2004, стр. 109).

СЮРРЕАЛИЗМ КАРАНТИНА

Карнавал есть сверхреальность в том смысле, что находится за пределами объективной реальности. Но этот сюрреализм («*surréalisme*») может быть как сверху, так и снизу, как слева, так и справа. Карнавал есть выход за рамки действительности. Поэтому мы и вывели карнавал из классической типологии политических культур Г. Алмонда и К^о. Он оказывается внесистемной политической культурой; параллельной субъективной реальностью; надреальной сферой «обитания» субъектов, имеющих склонность и потребность в такой измененной среде. Пропитываясь ценностями карнавальной культуры, политики начинают мыслить и действовать категориями сюрреализма. Они становятся носителями этих культурных кодов, полагая, что все и всё должны быть им подобными

Основатель сюрреализма французский поэт Андре Бретон (1896 – 1966) утверждал, что сюрреализм открывает перед человеком возможность прожить несколько жизней одновременно: «и он целиком погружается в эту иллюзию; он хочет, чтобы любая вещь давалась ему предельно легко, немедленно» (Manifesto, 1924). Человек возвращается в состояние вечно играющего детства, когда детские иллюзии замещали и вытесняли из его сознания категории объективной реальности. Желание ребенка превратить свою жизнь в бесконечную игру. И когда кто-то из этой чужеродной объективной реальности ему мешает играть, он протестует и проявляет агрессию.

Сторонники карнавальной культуры уповают на богатство своего воображения. «Милое воображение, за что я больше всего люблю тебя, так это за то, что ты ничего не прощаешь» (1924). А. Бретон провозглашал, что искусство начинается, когда швейная машинка встречается с зонтиком на операционном столе (а такие встречи регулярно происходят в карнавальном калейдоскопе). Сюрреализм – это хроническое нарушение авторского права. Как известно, первейшей целью сюрреалистов было обретение духовного совершенства, возвышения и отделение духа от материального мира. И основополагающими цен-

ностями здесь были свобода и иррациональность. Традиционно сюрреалисты работали без оглядки на рациональную эстетику. Вместо нее они использовали фантасмагорические формы эротика, ирония, магия и подсознания.

В понимании сущности карнавальной политической культуры сюрреализм играет определяющую роль. Карнавал пропитывается сюрреализмом насквозь. Известно, что в основе *сюрреальности* лежит эклектическое совмещение фантазии и реальности. Причем соединение это имеет форму абсурдности, противоречивого сочетания различных образов посредством коллажа и технологии «*ready-made*». Сюрреалисты воспринимали искусство как акт освобождения от «проклятий» неправильного мира объективной реальности (Brodskaja, 2009). Для достижения наивысших творческих высот сюрреалисты использовали воздействия гипноза, алкоголя, наркотиков или голода. Они полагали, что данные «стимуляторы» помогают достичь глубин своего подсознания. Идея освобождения понималась и как получение политиками свободы от пут политической необходимости. О связи политики и сюрреализма написано немало критических работ (Rosemont, 1989, pp. 31-47).

Реальная политика подменяется символизмом новой морали. Но новые символы оказываются несостоятельными из-за пустоты этой новой морали. Новая мораль на самом деле оказывается аморальностью. В ней «новое» есть только отрицание старого. При таком раскладе злодей становится героем, сакральной фигурой и т.д. Новая мораль – удобная тема для того, чтобы быть аморалистом. Но все сторонники пересмотра всех ценностей (все поклонники ницшианской концепции сверхчеловека), отвергая мораль как узду человека, шли к его сверхсущности, но, как правило, приходили и превращались в скотов. Карнавальная политическая культура и есть оскатинивание человеческой природы. Полное отсутствие морали низводит человека до уровня скота. А современные политические элиты (особенно «прогрессивного» западного мира) давно уже перешли красную черту морального запрета.

Сюрреализм также утверждает отрицание потребности приспособлять собственную жизнь к смехотворным условиям земного существования. По мнению А. Камю, «требование абсолютной свободы завершается теорией бесцельного действия» (Камю, 1990, стр. 189). Действительно, во время карнавала редко когда действия достигают своей цели. Как правило, это оборванные и забытые акты. От этих актов остается только их шум. Но даже и этот шум уже мало кого инте-

ресует. Участники карнавала заняты новым шумом, на тот момент превосходящий по звуку шум прежнего события.

Как маскарад карнавал калейдоскопичен в смене образов. Зритель осознает, что попал на карнавал, тогда, когда обнаруживает и понимает, что все с кем он общается, носят конкретные маски. Их лица подменены личинами, узнать за которыми реального человека не всегда удается.

Всё это указывает на то, что карнавальная культура основана на играх безумия. Его участники живут иллюзией, что всё у них получается, что всё хорошо или даже прекрасно. Свою бутафорию при этом они принимают за реальность. Это все равно, что *тушить реальный пожар игрушечным брансбойтом*.

СТРУКТУРА, ТЕЗАУРУС И ТИПОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО КАРНАВАЛА

В структуре политического карнавала можно выделить три стадии его развития, которые отличаются по мере полноты проявления самой карнавальной политической культуры: 1) политический цирк; 2) политический балаган и 3) театр абсурда.

Политический цирк – первая стадия развития политического карнавала, когда осуществляется незаметный переход политической реальности в карнавальную культуру (часто характеризуемую как «бардак»). Его пока еще в серьез никто как карнавал не воспринимает и политический цирк в силу своей незрелости может еще вернуться к нормальной политической реальности. Но при дальнейшем росте карнавализации политический цирк переходит в политический балаган, в котором еще больше проступает карнавальность политики.

Политический балаган – вторая фаза развития политического карнавала, кратковременная вспышка карнавальности, когда стремительно нарастают ее признаки и уже теряется спасительная перспектива возврата к нормальной политической культуре. С ростом балаганного в политике он становится театром абсурда.

Театр абсурда – долговременная постановка, стабилизация карнавальной политической культуры. Составными частями театра абсурда являются частные случаи – политические цирки и политические балаганы. Если политический цирк и политический балаган – это неполноценный политический карнавал, то театр абсурда это уже сто процентное карнавальное политическое действие.

Таким образом, политический карнавал представляет собой попеременное сочетание политического цирка, политического балагана и театра абсурда.

Политическая карнавальная культура – «система» антиценностей, при помощи которых опровергается ценности и нормы классической политической культуры.

Политический карнавал – процесс агрессивного развития политической карнавальной культуры, с целью ниспровержения одних и утверждения других политических лидеров и их элит.

Карнавализация – трансформация нормы в антинорму; нарастание в политической системе тенденций карнавальной политической культуры.

Еще один термин, который нас может заинтересовать – это *политическая клоунада*, который характеризует собой сумму субъектов политического карнавала, пул («*pool*») наиболее активных игроков.

Дальнейшее уточнение этих категорий мы будем делать уже по ходу рассматриваемой темы. Теперь, несколько слов о типологии политического карнавала.

В типологии политического карнавала мы видим два его вида: а) по времени: 1) *карнавал одномоментный* (который длится «от и до») и 2) *карнавал перманентный*, который никогда не останавливается, а длится все время существования его участников, активизируясь время от времени; б) по характеру протекания процесса: 1) *спокойный* (рутинный), подменяющий собой суть объективной реальности и 2) *бунт* – карнавал кризиса (митинги, демонстрации, погромы, вандализм и т.д.).

Рутинный политический карнавал есть затяжной процесс искажения посредством манипуляции и фальсификации объективной действительности. Иное дело бунт. *Бунт* представляет собой крайнюю точку политического карнавального шаша, его экстрим. Почему бунт мы рассматриваем как карнавал? Потому, что он так же как и карнавал нарушает все законы и нормы прежнего мира. Бунт – это тоже «праздник» для бунтующего и трагедия для тех, кто стал его жертвой. Но жертвы бунта до него были хозяевами жизни, подавляя тех, кто поднял затем против них этот самый бунт. Как средство борьбы за власть, бунт является катастрофой для старой власти и праздником для тех, кто посредством бунта пришел к власти.

АНАТОМИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО КАРНАВАЛА

Карнавальная политическая культура (КПК) основана на традиции осмеяния власти, как скопища глупых ничтожных людишек, лишённых всякой сакральности и общественного уважения. Одновременно она представляет собой и скрытую карикатуру на политику, активно имитирующую свою профессиональную деятельность⁴. Политический карнавал – это последний парад смертельно больной политической системы. Информационное пространство заполняется бессмысленной риторикой, когда крикливая форма забывает и без того бедное содержание. Отсутствие смысла есть главное условие возникновения политического карнавала. Когда серьёзная политика приводит к нулевому результату, то весь этот гам оказывается не более чем театральной шумихой, внутри которой сидят карнавальные традиции балагана. Поэтому, *все, что мы говорим о сущности политического карнавала, должно браться нами в кавычки и рассматриваться с известным допуском иронии и сарказма.*

В качестве феноменологической основы политический карнавал имеет, несколько своих культурных кодов. Это и: публичный отход от морали, под предлогом поиска и признания новых ценностей и смыслов; это и вера в собственную непогрешимость и правоту, с параллельной демонизацией противника; это и уход от реальности в мир иллюзий; это и утверждение желаемого, как действительного. Наконец, *карнавальная политическая культура – это клиповая фрагментация на платформе постмодернизма.*

Отдельные элементы карнавальной политической культуры существуют в политике всегда и находятся в ней постоянно. Все зависит от меры их концентрации и степени агрессивности. И главным условием их присутствия является склонность политиков к аморализму и фальсификации. Этими двумя условиями в основном и питается политический карнавал. Пренебрежение моральными ценностями ставит политика вне человеческого общества, где мораль является важнейшим родовым признаком человека, а склонность к фальсификации создаёт благоприятные условия манипулятивной практики. Мир политиков – это мир правдоподобия. В политическом карнавале объединяются различные потоки лжи, которые без него струились разроз-

⁴ Как карикатура карнавал есть постоянный смех, экзальтация юмора. Карнавал есть определенная форма бытия юмора. Не всем политикам доступно чувство юмора. Они (политики) сами могут и не смеяться, оставаться серьезными и для себя глубокомысленными, но публика может воспринимать и оценивать их действия как пародию на политику и власть.

ненными ручейками и были сами по себе малопримечательными и незначительными.

Особенностью карнавальной политической культуры заключается в непрерывном переворачивании смыслов и значений бинарных оппозиций. Ключевые идеи и узловые смыслы меняются местами. Происходит инверсия («*inversio*») сущностей. Нарушается привычный порядок акцентов, которые смещаются и перестают соответствовать ранее признанным нормам. Достаточно порой бывает изменение одного порядка смыслового акцента и ситуация может измениться в корне, стать неузнаваемой.

Карнавал без карнавальности не существует. Карнавальность возникает там, где система начинает идти в разнос, разрушая свои связи с реальностью, вызов которого они преодолеть не могут, в силу своей профессиональной недееспособности. Карнавальность возникает там, где политикам приходится фальсифицировать себя самих, т.е. мистифицировать свою собственную профессиональную элитность. Такие субъекты политики лишь по названию являются «политиками», по сути они «псевдо-», «квази-», «лже-», «анти-», «сюр-» и т.д. Такие политики готовы пойти на все: *когда им надо, политики могут и по потолку бегать, а когда нам надо - бесследно исчезать, пропадать, растворяться...* Так, что же такое политический карнавал?

Политический карнавал – формализация всех сфер властных отношений, когда форма становится важнее содержания, а реальный факт подменяется мифом. Политический карнавал это торжество ложных «фобий» и надуманных «филий». Если вслед за В. Шекспиром сравнивать политику с театром, то этот театр будет начинаться с виселицы (вешалки), на которой повешен здравый смысл, режиссером в нём будет трикстер, актерами – политические шуты (ложные субъекты элиты), текстом пьесы будет выступать миф, а в роли критика – фальсификация. Причем каждый участник такого карнавального действия будет свободен в выборе не только самого текста пьесы, но и смены порядка сцен и самих правил игры. При этом сама их пьеса может проходить где угодно – начаться в туалете, а завершится на сельском кладбище. Это мир тотальной неопределенности и перманентной смены декораций. Политический карнавал развивается по вариативному сценарию, в котором заложен хаос как вдохновляющая сила. В этом постоянно меняющемся сценарии одна и та же сцена может многократно переписываться в угоду тех или иных интересов.

Политический карнавал представляет собой парад оксюморон, шабаш фейков, разгул элитарного лицемерия и праздник хаоса (суэта)

сует); это деградация профессионализма и низведение его в кустарщину. Но самое главное то, что карнавал - это имитация творчества. Имитация потому, что является торжеством примитивных вкусов и стихийно возникающих ложных ценностей, не способных преодолеть проверку временем. Все что создает карнавал в процессе своей жизнедеятельности, отмирает.

Политический карнавал – многоликая фантазия двуличной морали. Для карнавала важную роль играет визуализация (Robertson, 1989). В карнавале преобладает визуализация образов, символов, настроений, переживаний. Для его участников оказывается парадная картинка важнее содержания. Содержание не важно, важно развлечение. Поэтому форма и всё формальное всегда довлеет над смыслом. И карнавал создает для этого все удобства и определенный комфорт. Карнавал дает визуализацию желаний. Он формально материализует мысли своих участников в действительность или притягивании в собственную жизнь желаемого. Посредством визуализации субъекты карнавала свое мысленное представление вожаемого события или мечты проецируют свое видение в виде образной картинке на так называемом «внутреннем экране». Специалисты считают визуализацию желаний мощнейшим орудием в достижении поставленных целей. И карнавал предлагает свои алгоритмы для реализации этих практик.

Карнавальная политическая культура предполагает свой вариант некой «истинной реальности», который предусматривает и новую систему ценностей. Ещё П.А. Сорокин утверждал, что западная цивилизация весьма легко переходит из одной системы истинной реальности к другой. Действительно карнавал представляет собой особую культуру некой новой реальности, которая устраивает организованное агрессивное меньшинство и которое оно активно навязывает публике.

В качестве специфических особенностей карнавальной политической культуры следует назвать имитацию и даже пародийность на культовые (классические) формы политики. Конструирования иной сферы бытия, которая лишь кажется, но не является реальностью (Бахтин, 1990, стр. 11). Карнавализация понималась как процесс перевода («транспонировка») обрядово-символического языка «карнавальной жизни» и «карнавального мироощущения» на язык словесно-художественных образов, более или менее индивидуализированного воображения автора-творца.

Помимо всего прочего политический карнавал формирует параллельную негативную сакральность, которая оказывается наиболее удобна для власти и поддерживающих ее избирателей. Карнавал ста-

новится альтернативной реальностью, которая конструирует их особый мир. Это придуманный мир, с придуманными и навязанными обществу ценностями. Карнавал превращается в явь, материализуется по мере того, как элиты начинают активировать и адаптировать его категории к своей повседневности. Когда карнавальная политическая культура становится повседневностью, реальность начинает отступать на далёкий задний план.

Карнавальная политическая культура указывает на то, что политический карнавал может существовать только в условиях тотальной пропагандистской кампании – он не карнавал, если не будет постоянно кричать, вопить, давить своими утверждениями и возмущать фейками публику⁵. Поэтому ещё одной категорией карнавальной политической культуры является фальсификация, которая искажением истории, открывает большой простор для манипуляции настоящим и конструирования утопического будущего. Карнавал есть тотальное манипулирование не только политикой и гражданами, но и историй, культурой, мировоззрением. Фейки замещают собой реальные проблемы, выдают желаемое за действительное. Фактически природа фейков носит накопительный характер – она накапливают нерешенные проблемы, тем, что заставляют вместо этого всех решать выдуманные задачи и несуществующие затруднения.

Политический карнавал возникает там, где ломается логика объективной реальности, и политики начинают бегать по потолку. То, чем занимаются организаторы и участники политического карнавала можно охарактеризовать как занимательная тавтология – бесконечная по своему повтору и бессмысленная по своему содержанию имитация развития. *Там, где ломается логика, возникает мифология.* Именно на мифах держится и мифами живет политический карнавал.

Не удивительно, что политический карнавал становится комедией ошибок. Но эти ошибки не всегда оказываются безболезненными. Источником смеха здесь является возникающий из несоответствия формы и содержания комизм, способный снять напряженную атмосферу, разрешить мирными средствами кризисную ситуацию (Дмитриев & Сычев, 2005, стр. 114-135). Как средство развлечения (шоу)

⁵ В отличие от фальсификации, которая есть утвердившаяся в общественном сознании ложь, фейк, как её разновидность, отличается крайне неустойчивой гносеологической формой – его, как правило, в 99 случаях разоблачают и тут же о нём забывают. Фальсификация есть долгоиграющая схема «истин», которые утверждаются в догматической форме, имеют свои «научные» формулы, как мантры повторяемые всякий раз по мере необходимости. В качестве наиболее часто применяемой такой схемы можно назвать русофобскую традицию или догмат об англосаксонской культурно-исторической расовой исключительности.

карнавал должен постоянно держать внимание зрителей в напряжении, постоянно привлекать к себе внимание, подпитывать интерес к своему действию. Поэтому доводить реальное до абсурдного – самое простое средство спасения от скуке тех, кто потерял себя в объективной действительности.

Другой чертой карнавальной политической культуры является распространение *антиморали*, система ценностей которой является враждебной традиционной морали. Современные политические элиты перешли за грань бесстыдства и давно уже вернулись в средневековое варварство. Политические элиты и раньше находились по ту сторону морали, но делали это как-то скрытно, «стыдясь» своего аморализма. Нынешнее поколение элит посчитало, что в условиях постмодернизма они могут обойтись без морали, создав для своего пользования ее ложную копию. Опускать моральную планку и играть на низменных чувствах, становится нормой для подобных элит. Дурновкусие оказывается заказчиком тех, кто пытается продать пошлость (гадость) в качестве некой новой ценности.

Отличительной чертой карнавальной политической культуры является *черный юмор*. Само наличие черного юмора указывает на то, что индивид и общество переступили через какой-то порог запретов, получили дозволенность там, куда ранее они не вторгались. Черный юмор – порог экзистенциального кризиса. Теряется чувство защищенности. Все, чтобы выжить, становятся циниками. Смех помогает выдерживать тяжесть жизни. Самое главное не показывать свою слабость. Посредством смеха забываются тяжелые будни. Человек отказывается от проблем, особенно тех, которые сам решить не в состоянии. Страх перед реальностью толкает в объятия абсурда. Страх и стыд создают большую напряженность в человеке и он стремится к тому, чтобы выпустить отрицательную энергетику из себя.

Карнавал в своей крайней точке перерастает в кровавую вакханалию. Апогей карнавала является *балаганный шторм*, наивысшая точка «кипения» лжеполитических страстей. Она способна снести сам карнавал, поломать и разметать все его политические конструкции. В политической истории есть два варианта исхода балаганного шторма: 1) когда силам реальной политики удастся прекратить его шабаш и вернуть ситуацию в русла нормальных политических культур поведения (так, например, приход в октябре 1917 г. к власти большевиков многими расценивается, как окончания того политического балагана, который был создан Временным правительством в условиях неуправляемого хаоса) и 2) когда балаганный шторм окончательно ломает по-

литическую систему, оказавшуюся значительно слабее его и система погружается в окончательный хаос и абсурд (как, например, февральская буржуазная революция в России 1917 г. – хаос власти породил политический карнавал).

В реальной политике подмена традиционных норм морали на их противоположности происходит постепенно и незаметно. В зависимости от преследуемых целей, политика может выдать добро за зло, а ложь представить как истину. Во время карнавал «белое» становится «черным», герой выставляется злодеем, а функции религии выполняет политические идеологии (Тяпин, 2015). Политика двойной морали является лишь следствием утвердившегося в политическом сознании правящих элит норм антиморали.

Таким образом, политический карнавал живет по своим особым «законам», суть которых есть перевернутый смысл законов объективного мира. Для него нет традиции культурного кода. Ему всё можно. Любой запрет воспринимается как посягательства и угроза свободы его эгоцентризма. Серьезно относится к политическому карнавалу значит заведомо переходить на сторону пропагандируемых им ценностей.

Карнавал оперирует несуществующим человеком (в нём оказывается все вымышленным и ложным). Реальный человек в условиях карнавала просто перестает существовать в своем привычном естестве. Он становится несуществующим потому, что участники карнавала вышли из своей объективной реальности и оказались по ту ее сторону. Во время карнавала действительно происходит тотальный отказ от реальности. Объективность становится жертвой активно действующего эгоцентризма. Поэтому абсурд в карнавале норма, а не исключение. Абсурд в качестве серьезного идиотизма способен вытеснить категории объективной реальности на периферию. Абсурд не слышит голоса разума. Любой акт в карнавале приобретает статус фарса. Самые нелепые объяснения и утверждения становятся приоритетными и доминирующими догмами объяснения происходящего.

Еще одной особенностью карнавальной политической культуры является катастрофическое сворачивание (укорочение) коллективной памяти. Карнавальная культура страдает патологической забывчивостью. Забывают, значат, обновляют ситуацию, обнулив все «за и против». Рефлексии нет там, где всё забывают. Карнавальная элита и существует в пределах своей короткой памяти. Оттого и ее тяга к клиповому мышлению, ограничивающего элиту в возможности увидеть перед собой перспективу. Такая элита с трудом различает то, что оказы-

вается у нее под ногами. Заглядывать наперед она физически не в состоянии.

Карнавал всегда заканчивается ритуальным убийством, символизм которого заключается в конце профессиональной карьеры политика, или исторической эпохи, или суда над преступником, побиванием камнями злодея, демонизацией врага. Хоронить сакральную жертву в золотом гробу, значит создавать публике политико-культурную икону, за которой она какое-то время может слепо следовать. Карнавал обыгрывает идею конца – финала чего-либо. Игра в эсхатологию становятся поминками по объективной реальности. Этим карнавал доводит до полнейшего абсурда реальность, порождая тем самым для себя новую параллельную реальность – реальность абсурда, мир иллюзий и фальсифицированных историй.

И еще. *Во время политического карнавала часы истории всегда бьют тринадцать раз, что заставляет усомниться не только в самом тринадцатом ударе, но и во всех двенадцати предыдущих тоже.*

СУБЪЕКТЫ КАРНАВАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Субъектами карнавальной политической культуры являются: *кукловоды* («режиссеры»), *трикстеры* (главные герои, лидеры), «*дурак*» (актив, «элита», рядовые исполнители) и «*зритель*» (публика, массы, толпа). Кукловоды расставляют на нужных местах трикстеров; трикстеры решают, что карнавалом должно быть перевернуто (как уже отмечалось ранее, во время карнавала все переворачивалось вверх дном, противоположности меняются местами: добро становится злом, мужчина превращается в женщину, жизнь – в смерть и т.д., и т.п.), «*дураки*» всё переворачивают, а «*зрители*» охотно «хлопают ушами» и восторженно аплодируют. За этим образом скрываются глубокие смыслы политической истории и современного бытия политического театра абсурда.

Как известно, в реальном карнавале его королем становился антигерой (нищий, дурак, трикстер), которому все воздавали королевские почести. Чаще всего «трикстер» (*trickster*— обманщик, ловкач) понимается как «ум без чувства ответственности»; как дублёр или имитация героя; он тот, кто искажает суть процессов, меняя правила игры (поэтому он сам постоянно нарушает существующие правила и законы) (Гаврилов, 2006, стр. 10-12). Умыслы и действия трикстера могут не совпадать. Для него процесс имитации важнее самой жизни.

Как правило, трикстер выступает в роли дирижера карнавала – он может быть кем угодно и когда угодно подменять кого угодно. Трикстер тот, кто отвечает за смену декораций во время карнавала. Именно поэтому он и оказывается в центре внимания карнавальной публики. Причем сам карнавал может распадаться в своей эклектической неустойчивости на отдельные мини карнавальные акты, во главе которых могут возникать свои собственные трикстеры, выдвинувшиеся вперед за счет этой «регионализации».

Смех трикстера всегда циничный и может даже быть жестоким. Трикстер носитель традиции антиморали. Но, погружаясь в его фольклорные истории, публика не относит его смех к действительности, поскольку «победитель прав уже потому, что он побеждает, и сказка нисколько не жалеет тех доверчивых глупцов, которые делаются жертвой проделок шута» (Пропп, 2002, стр. 83). Порой главари карнавала мало чем отличаются от т.н. «опереточных героев», всегда комичных, даже, несмотря на напущенную серьезность.

Ещё одним активным субъектом карнавальной политической культуры является «дурак». В карнавальной культуре «дурак» категория политическая, поскольку не исключает достижения власти и использование её в своих целях. В реальной культуре дураком быть обидно и нежелательно, но в карнавальной культуре дурак логически вписывается в общий контекст событий. В постмодернизме дурак выглядит иначе, чем в модерне. Они те, из кого рекрутируются трикстеры в результате отрицательной селекции.

Такие субъекты политической культуры умеют лишь красиво говорить, но не умеют ничего делать. Поэтому они всегда агрессивно относятся к реальным политикам, которые умеют и говорить, и что-то эффективно делать. Именно эта их эффективность больше всего и раздражает карнавальных политиков. В карнавале декорации играют большую роль, чем сами псевдополитики. Политические артисты призваны оживлять декорации. Они приходят и уходят, а декорации лишь переставляются и обновляются.

Карнавальная политическая культура оценивает пришедших на «политическую дискотеку» политиков, как лиц, готовых выполнить любую прихоть своих кукловодов (олигархических групп). Самим же кукловодам карнавал нужен для того, чтобы показать политическим элитам их истинное место и назвать им их настоящую цену. В карнавале субъект становится многоликим, ибо имеет возможность многократно менять свои мыски и быть одновременно и тем, и этим, и дру-

гим. И чем чаще меняются эти маски, тем интенсивнее жизнь политического карнавала.

Субъекты карнавала весьма охотно провозглашают себя *сверхчеловеком*, обладающим уникальными способностями и возможностями, дающие ему неоспоримое над всеми превосходство. Игра в сверхчеловека предполагает постоянное утверждение того, что только им принадлежит право разделения добра и зла, потому что они являются «светочами разума» и ведут человечество по правильному пути развития. Именно им принадлежит приоритет борьбы со силами зла, которые постоянно вынашивают против них свои черные («адские») замыслы. В реальности подобная *гиперэлитарность* часто скрывает объективное слабоумие субъектов, «размягченные мозги» которых не способны реально контролировать политические процессы. Утверждение, что они *самые лучшие люди мира* приводит к тому, что сам факт их превосходства сводится лишь к тому, что материальное изобилие становится главным критерием их элитарности.

Особое место в карнавальной политической культуре занимают *финансовые фокусники*, искусно манипулирующие с экономическими цифрами и спекулятивными формулами обогащения. Это мир дутых финансовых отчетов, характеризующихся ростом виртуальных изменений реальных показателей. Старая система финансового управления перестала работать, а прежние ведущие идеологии разрушаются на глазах. В этих условиях набирают силу финансовые фокусники, которые свободно жонглируют цифрами и понятиями, главная цель которых подправить и представить в цветущем состоянии пошатнувшуюся пирамиду олигархического могущества.

ВИРТУАЛЬНАЯ КАРНАВАЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Карнавальная политическая культура может формироваться и возникать также на страницах исторической литературы, не выходя в пределы существующей объективной действительности. Классическим примером такой виртуальной карнавальной реальности может служить труды Гая Светония «Жизнь двенадцати цезарей» и книга Прокопия Кессарийского «Тайная история», в которых власти описаны именно в традициях такой смеховой карикатуры. Причем сами указанные авторы прекрасно понимали, что при жизни тех правителей, деяния которых они изображают в столь карикатурном виде, их труды не прошли бы «политическую цензуру» (Прокопий Кесарийский, 1993, стр. 316). Поэтому только задним числом они и могут о

них писать в столь унизительно-издевательском тоне. Но обе эти книги описывают политическую реальность как самый настоящий карнавал, со всеми его классическими категориями и действиями.

Главная идея подобной литературы, показать всем, что абсолютная власть превращает политика в кривляющуюся перед зеркалом обезьяну. В пьесе «Калигула» А. Камю вкладывает в уста своего главного персонажа слова о том, что он жил и правил, «пользуясь властью разрушителя, рядом с которой власть создателя кажется лишь жалким кривлянием!» (Камю, 2014). Для его злодеяний на земле не было судьи. Поэтому он и творит зло безнаказанно. Калигула Камю извратил сущность политической власти до неузнаваемости. У Светония в «Жизни двенадцати цезарей» таковыми «обезьянами» на троне помимо Калигулы, являются еще Нерон и Тиберий. Но если детально разобраться с сущностью политической власти того времени, то окажется что элемент карнавальной политической культуры встречается в дискретном виде практически у всех правителей. Так, например, история царствование российского императора Павла I в политических анекдотах того времени выглядит весьма карнавальной. Император предстает как самый настоящий трикстер, лишенный трезвого рассудка и с искаженным восприятием самого себя. Таким же карнавальным представляли в советской политической истории образы таких политических деятелей, как Г. Распутин, Николай II, А.Ф. Керенский, Н. Махно и др. Изображать их в комическом свете не только разрешалось, но и всячески поощрялось советской пропагандой. Такими же карнавальными персонажами в последствии стали сами руководители Советского Союза (Н.С. Хрущев, Л.И. Брежнев, М.С. Горбачев). Элементы карнавальности обнаруживаются и в истории правления первого российского президента Б.Н. Ельцина, если буквально верит его биографам от оппозиции (А. Коржаков и др.) (Коржаков, 1997).

Очернение противника и демонизация врага выводит черный-PR в разряд карнавальных технологий. Для этого наличие самого карнавала в политической реальности оказывается необязательным, поскольку он касается виртуальной реальности и существует в умах не критически настроенной публики. Так, демонизация образа В.В. Путина является составной частью новой волны русофобии на коллективном Западе (США и ее ближайшие сателлиты), которых не интересует достоверность, а привлекает образ классического «врага из ада», необходимого им чтобы оправдать собственную агрессию и собственные гегемонистические планы.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КАРНАВАЛ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Политический карнавал есть суть «страусинового» поведения политиков, преднамеренно уходящих от объективной реальности в песок параллельной субъективной реальности. Диагноз нашего времени заключается в том, что политический карнавал завладел современными политическими элитами окончательно. Они не желают мириться с серыми буднями, они хотят вечного праздника, имя которому карнавал.

Такое и раньше неоднократно случалось в истории. Особенно в канун каких-то крупных социально-политических потрясений. Поэтому данный случай не уникален, а стандартный в истории революций и государственных переворотов. Именно в канун этих событий политические элиты устраивали себе режим карнавала и начинали жить по каким-то особым, понятным только им одним законам и правилам.

В карнавальной среде ими устанавливался культ пустых слов, бессмысленных научных формул, ничего незначащих обещаний. Никто никакой ответственности не нес. Это была ситуация, когда все оказываются против всех. В принципе карнавал неуправляем, поскольку не является системой и ничего не планирует. Он лишь реагирует на ситуацию, которая постоянно переворачивается и меняет полюса. Карнавал есть режим неопределенности, когда все ненавидят друг друга, когда идет война всех против всех, из-за отсутствия согласия. Именно на данную особенность указывает нам политическая история. И именно нечто подобное мы обнаруживаем, анализируя политическую повседневность современных элит и их лидеров.

Политический карнавал содержит в себе опасные разночтения, на которые его участники предпочитают не обращать внимания, борясь с придуманными вызовами и угрозами. И эта борьба с ветряными мельницами делает их еще более уязвимей перед лицом реальных угроз и реальных вызовов, которые остаются ими незамеченными. *Они пытаются выдать невероятное за очевидное.* В самой карнавальности её участники видят некий «высший смысл» («sur»), критика или отрицание которого воспринимаются ими не просто в штыки, а как подозрение в их некомпетентности и встречном их обвинении в слабоумии тех, кто осмеливается им возражать. Они убеждены, что утверждаемые ими «истины», всем тоже хорошо известны, настолько всем очевидны и общепризнанны, что не нуждаются ни в каких доказательствах. Поэтому они предлагают всем принять их утверждение на веру, поскольку именно они и только они являются хранителями неких «высших истин», доступных лишь для «посвященных». Они искренне

удивляются и возмущаются, когда их утверждение опровергается объективными фактами и доводами логики.

В сущности, своей политический карнавал представляет собой фальшьпанель для тех элитных группировок, которые в основе своей имеют скрытые мафиозные структуры, вполне криминальные цели и агрессивные средства их достижения. Сам факт анархического отрицания властей порождает сумбур социального творчества. Так, в июне 2020 г. в Сиэтле (США) протестующие захватили местный Капитолий и провозгласили образование независимой республики – территории свободной от полиции и местных властей. Начался «праздник непослушания» («лето любви», как выразился один из местных политиков). Уголовные преступления выросли на 300 % (наркотики, изнасилование, грабежи, убийства и т.д.). Власть утратила контроль. Политическая реальность приобрела неконституционные формы. Между властью и взбунтовавшимся обществом ненормальные (карнавальные) отношения. И подобного рода примеров мы можем немало найти на страницах современной политической истории.

В целом культуру политического карнавала мы можем определить как сумму таких приставок, как «псевдо-», «квази-», «лже-», «анти-», «сюр-» и т.д. Политический карнавал стремится обнулить все нормы реальной политики. Для карнавала «ноль» значит больше, чем все остальные величины политической арифметики, потому что в эту пустоту можно вложить какие угодно категории, ценности и смыслы. В этом элиты карнавала видят свое раскрепощение, свою свободу. Они «творят» себя и новый мир, в котором они опять станут главными. Именно утрата прежнего главенства и толкает их на переформатирование мира.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КАРНАВАЛ – ПРИЗНАКИ ХРОНИЧЕСКОЙ БОЛЕЗНИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ И ИХ ЛИДЕРОВ

Карнавальная политическая культура обладает целым букетом хронических «заболеваний»: расстройство идентичности, мании величия, аморализм, волюнтаризм, фальсификация, абсурд, манипуляция, деградация сложного политического многообразия...

У участников политического карнавала расстройство идентичности выражается в самозванстве и в перемене имен (псевдонимов). Если подлинное имя связывает его с объективной реальностью, вымышленное позволяет ему быть тем, кем он хочет на подмостках карнавала. Если имя связывает его с неудачей, то псевдоним – ассоциируется

с успехом. Отрекаясь от имени субъект карнавала становится другим, тем, кто (по его мнению) гораздо лучше (сильнее, умнее и храбрее). И пуская все это достоинство носит мнимый характер, субъекта устраивает эта иллюзия, которая ему дает ощущения превосходства и власти.

Невозможность реализовать свои «наполеоновские» планы в условиях объективной реальности приводят такого субъекта в карнавальную действительность, когда он начинает верить, что сказанные им громкие слова одновременно становятся его делами. Мания величия становится нормой поведения для субъекта политического карнавала. Политический карнавал напоминает собой кунсткамеру, где собраны все политические диковины, возникшие в результате неудачного элитогенеза. Политический карнавал и есть «клуб» отрицательной селекции элит, когда форма (статус) пытается существовать и выживать без должного содержания (личного достоинства). Привилегии становятся целью их существования. Элитарная презумпция превосходства заключается в пренебрежительном отношении к соперникам и в безудержном возвеличивании своих мнимых достоинств.

Политический карнавал - игра без правил. Сами «правила» сочиняются на ходу и меняются по воле главных игроков, волюнтаризм которых граничит с анархией и произволом. Желаемые цели реализовываются без учёта объективных обстоятельств и возможных последствий. Воля оказывается лишена ответственности за свою свободу. Она оказывается настолько произвольной, что начинает чинить произвол, игнорировать объективные ценности и цели в угоду своих субъективных желаний, вводит карнавал в состояние все обостряющегося хаоса, где каждый эгоизм отстаивать только своё.

Еще одним хроническим заболеванием политического карнавала является отрицание и непризнание истории – фальсификация. Фальсификация – это его диагноз. Жить в ином режиме ценностей он просто не может. Элиты считают, что являются монополистами правды и утверждают, что только их вариант правды самый верный. Для того, чтобы очернить политика, надо превратить историю его правления в анекдот. Собственно, так и произошло с царствованием императора Павла I.

Всякому политическому карнавалу предшествует карнавализация политических процессов, когда отдельные его элементы начинают проявляться и концентрироваться в конкретном месте. Карнавализация политики уже проявляется в стремлении отвлечь внимания от острых внутренних проблем за счет актуализации конкретных внешних факторов, которые кажутся для политика наиболее выигрышны-

ми. В таких случаях карнавал становится ширмой, скрывающей собственные серьезные социально-политические проблемы. И подобные истории в новейшей политической истории происходят сплошь и рядом.

В политическом карнавале происходит *деградация сложного многообразия политического мира*. Он упрощается до примитивизма. Такое упрощение (впадение в примитивизм) является следствием профессиональной деградации политических элит и их лидеров. Сам факт их обращения к политическому карнавалу указывает на то, что существовать в объективной реальности они попросту не в состоянии. Объективная реальность враждебная и смертельная для них среда обитания. И карнавал является тем местом спасения, в котором они могут временно укрыться. Карнавальная культура заменяет роман «Войну и мир» на комикс о войне и мире. Подмена известного качества неизвестным суррогатом становится повсеместным явлением. При этом участники карнавала даже не замечают этой подмены, поскольку она становится для них нормой.

Политический балаган разрушает здравый смысл реальной политики. Очевидным для такого типа искаженного сознания становится сур, который они только видят и который только и признают. В политическом карнавале все верят на слово, даже если это полный абсурд. Уровень доверия порой граничит с полной невменяемостью. Доверие рождается из ложного ощущения безопасности (карнавал якобы дает всем своим такие гарантии) заключенного его игроками консенсуса.

* * *

Рассмотренный нами материал, позволяет утверждать, что политический карнавал представляет собой несистемную политическую культуру атомизированного общества, из которого вытравливаются традиционные ценности, вместо которых предлагается некий суррогат, а вместо системы создается самая настоящая химера. Карнавал фактически пересматривает все ценности, разрушая поддерживающие их традиции. Визуально это проявляется в сносе памятников («праздника вандализма»), переписыванием истории (фальсификации), подменой одного культурного кода другим (разрушением традиционного мировоззрения). Политический карнавал есть маркер временного помешательства политических элит, их выход за пределы объективной политической реальности, когда они сами не вверяют в произносимые ими слова, спекулируют своими базовыми идеями и практиками. В

целом, политическая карнавальность есть война против здравого смысла.

Как аномалия политической культуры карнавал показывает нам изнанку (закулиссе) большой политики, знакомит с некоторыми закономерностями неофициальной жизни элит и их лидеров. Сам факт наличия карнавальной политической культуры есть свидетельство декаданса политической системы и ее правящих элит. На всех стадиях упадка мы обнаруживаем в политической истории наличие карнавальной культуры. Поэтому карнавальную политическую культуру мы можем также рассматривать и как упрощенную форму политической культуры, наиболее удобную для ослабевших элитных сообществ, вступивших в период своего упадка.

Список литературы

- Almond, G. (1956). Comparative Political Systems. *Journal of Politics*, 18 (3), 391-409.
- Almond, G. A., & Verba, S. (1963) *The Civic culture. Political attitudes and democracy in five nations*. Princeton N. Y.
- Breton A. (1924) *Manifeste du surréalisme*. Paris: Éditions du Sagittaire.
- Brodskaja, N.V. (2009) *Surrealismus*. New York: Parkstone Press International.
- Garrigues, E. (Ed.). (1995). *Les jeux surréalistes: mars 1921 - septembre 1962*. Paris: Gallimard.
- Robertson, G., Card, S. K., & Mackinlay, J. D. (1989, November). The cognitive coprocessor architecture for interactive user interfaces. In *Proceedings of the 2nd annual ACM SIGGRAPH symposium on User interface software and technology* (pp. 10-18).
- Rosemont, F. (1989). Herbert Marcuse and Surrealism. *Arsenal*, (4), 31-47.
- Аверинцев, С. С. (1992). Бахтин, смех, христианская культура. В М. М. Бахтин как философ. (стр. 7-19). Москва: «Наука»
- Аверинцев, С.С. (2004). Классическая греческая философия как явление историко-литературного ряда. В С. С. Аверинцев, *Образ античности*. Санкт-Петербург: «Азбука-классика»
- Бахтин, М. М. (1979). Проблема речевых жанров. В М. М. Бахтин, *Эстетика словесного творчества*. Москва: «Искусство»
- Бахтин, М. М. (1990) *Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса*. Москва: «Художественная литература».
- Гаврилов, Д. А. (2006). *Тригстер. Лицедей в евроазиатском фольклоре*. Москва: «Социально-политическая мысль».

- Дмитриев, А.В., & Сычев, А.А. (2005). *Смех: социофилософский анализ*. Москва: Альфа-М.
- Камю, А. (1990). *Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство*. Москва: «Политиздат»
- Камю, А. (2014). *Посторонний. Миф о Сизифе. Калигула*. Москва: АСТ.
- Карабущенко, П.Л. (2020). Философские корни элитологии. *Вопросы элитологии*, 1(1), 16-44. Doi: 10.46539/elit.v1i1.2
- Колязин, В. Ф. (2002). *От мистерии к карнавалу: Театральность немецкой религиозной и площадной сцены раннего и позднего средневековья*. Москва: «Наука».
- Коржаков, А. (1997). *Борис Ельцин: от рассвета до заката*. Москва: Издательство «Интербук».
- Лихачев, Д. С., & Панченко, А. М. (1984). *«Смеховой мир» Древней Руси*. Москва: «Наука».
- Лосев, А.Ф. (1978). *Эстетика Возрождения*. Москва: «Мысль».
- Пискунова, С. (2008). Исповеди и проповеди испанских плутов. В *Испанский плутовской роман*. (стр. 7–34). Москва: «Эксмо».
- Платон. (1990-1994). *Собрание сочинений в 4 т.* Т. 1-4 Москва: «Мысль».
- Пленков, О. Ю. (2005). *Третий Рейх. Арийская культура*. Санкт-Петербург: Издательский дом «Нева».
- Прокопий Кесарийский. (1993). *Война с персами. Война с вандалами. Тайная история*. Москва: «Наука».
- Пропп, В. Я. (2002). *Проблемы комизма и смеха*. Москва: «Лабиринт».
- Тойнби, А. Дж. (2001). *Постыжение истории: Сборник*. Москва: Рольф.
- Тойнби, А. Дж. (2002). *Цивилизация перед судом истории: Сборник*. Москва: Рольф.
- Тульчинский, Г. Л. (2018). *Политическая культура России: источники, уроки, перспективы*. Санкт-Петербург: «Алетейя».
- Тяпин, И. Н. (9 июня 2015). Национальные идеи стран англосаксонского мира в «плёну» антиморали: итоги эволюции. *Россия навсегда*. Retrieved from: <http://rossiyanavsegda.ru/user/1618/>

References

- Almond, G. (1956). Comparative Political Systems. *Journal of Politics*, 18 (3), 391-409.
- Almond, G. A., & Verba, S. (1963) *The Civic culture. Political attitudes and democracy in five nations*. Princeton N. Y.

- Averintsev S. S. (2004). Classical Greek philosophy as a phenomenon of the historical and literary series. In S. S. Averintsev, *The image of antiquity*. Saint-Petersburg: "Azbuka-classic". (In Russian).
- Averintsev, S. S. (1992). Bakhtin, laughter, Christian culture. In *M.M. Bakhtin as a philosopher*, (pp. 7-19). Moscow: "Science". (In Russian).
- Bakhtin, M. M. (1979). The problem of speech genres. In M. M. Bakhtin, *Aesthetics of verbal creativity*. Moscow: "Art". (In Russian).
- Bakhtin, M.M. (1990). *Creativity Francois Rabelais and folk culture of the Middle Ages and the Renaissance*. Moscow: "Khudozhestvennaya literatura". (In Russian).
- Breton, A. (1924). *Manifeste du surréalisme*. Paris: Éditions du Sagittaire. (In French)
- Brodskaya, N. V. (2009). *Surrealismus*. New York: Parkstone Press International.
- Camus, A. (1990). *The Rebellious Man. Philosophy. Politics. Art*. Moscow: "Politizdat". (In Russian).
- Camus, A. (2014). *The Outsider. The Myth of Sisyphus. Caligula (collection)*. Moscow: AST. (In Russian).
- Dmitriev A.V., & Sychev A.A. (2005). *Laughter: A Sociophilosophical Analysis*. Moscow: Alpha-M. (In Russian).
- Garrigues, E. (Ed.). (1995). *Les jeux surréalistes: mars 1921 - septembre 1962*. Paris: Gallimard. (In French)
- Gavrilov D.A. (2006). *Trickster. Lyceum in Eurasian folklore*. Moscow: "Socio-political thought". (In Russian).
- Karabuschenko, P.L. (2020). Philosophical roots of elitology. *Issues in elitology*, 1(1), 4-29. (In Russian). Doi: 10.46539/elit.v1i1.2
- Kolyazin, V.F. (2002). *From Mystery to Carnival: Theatricality of the German Religious and Square Scene of the Early and Late Middle Ages*. Moscow: "Science". (In Russian).
- Korzhakov, A. (1997). *Boris Yeltsin: from dawn to dusk*. Moscow: Publishing house "Inter-book". (In Russian).
- Likhachev, D. S., & Panchenko A. M. (1984). *"The Laughing World" of Ancient Rus*. Moscow: "Science". (In Russian).
- Losev, A.F. (1978). *Aesthetics of the Renaissance*. Moscow: "Thought". (In Russian).
- Piskunova, S. (2008). Confessions and sermons of Spanish rogues. In *Spanish rogue novel*, (pp. 7-34). Moscow: "Eksmo". (In Russian).
- Plato. (1990-1994). *Collected works in 4 volumes. Vol. 1-4*. Moscow: "Thought". (In Russian).
- Plenkov, O.Yu. (2005). *Third Reich. Aryan culture*. Saint-Petersburg: Publishing house "Neva". (In Russian).
- Procopius of Caesarea. (1993). *War with the Persians. War with the vandals. Secret history*. Moscow: "Science". (In Russian).

- Propp, V.Ya. (2002). *Problems of Comedy and Laughter*. Moscow: "Labyrinth". (In Russian).
- Robertson, G., Card, S. K., & Mackinlay, J. D. (1989, November). The cognitive coprocessor architecture for interactive user interfaces. In *Proceedings of the 2nd annual ACM SIGGRAPH symposium on User interface software and technology* (pp. 10-18).
- Rosemont, F. (1989). Herbert Marcuse and Surrealism. *Arsenal*, (4), 31-47.
- Toynbee, A. J. (2001). *Comprehension of history: Collection*. Moscow: Rolf. (In Russian).
- Toynbee, A. J. (2002). *Civilization before the Court of History: Collection* Moscow: Rolf. (In Russian).
- Tulchinsky, G.L. (2018). *Political culture of Russia: sources, lessons, prospects*. Saint-Petersburg: "Aletya". (In Russian).
- Tyapin, I.N. (09 June 2015). National ideas of the countries of the Anglo-Saxon world in the "captivity" of anti-morality: the results of evolution. *Russia forever*. Retrieved from: <http://rossiyanavsegda.ru/user/1618/> (In Russian).

Элитология культуры

Elite Studies of Culture

SPIRITUAL DEVELOPMENT AND THEOLOGY OF ELITARITY

Alexander P. Glazkov (a)

(a) Astrakhan State University. Astrakhan, Russia. Email: [alpglazkov\[at\]yandex.ru](mailto:alpglazkov[at]yandex.ru)

Abstract

Within the framework of this article, an attempt is made to consider the non-religious side of the phenomenon of human spiritual activity, while at the same time not losing sight of its openness to further possible concretization, which we can denote in the future as the «theology of elitism».

By the concept of «spirituality» we mean the inner world of a person, which is complex and in constant motion. The spiritual movement is driven by the pursuit of perfection. Everything that enters the spiritual world of a person and constitutes its complexity is associated with this focus on improvement. Ideals are an integral part of the spiritual world. The ideal is supernatural, super-experienced, and therefore theological. Man strives for perfection. But for a person as a spiritual being, it is not bodily perfection or the perfection of social status that comes to the fore, but primarily spiritual perfection. Objective measurement of spiritual perfection is a scientific problem. Spiritual development, as a path to elitism, includes a fundamentally important stage - the discovery of one's own personal imperfections.

The article presents one of the options for understanding spiritual perfection, which is viewed from the point of view of theology. The concept of «theology» in this article fixes the ideal level of spiritual life. The concept of «elite» includes the idea of perfection. One who belongs to the spiritual elite who attains perfection in spiritual development. Thus, theology can serve as a conceptual marker in determining the path to elite.

Keywords

spirituality; spiritual development; theology; consciousness; self-awareness; elite; perfection; ideal; personality

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ДУХОВНОЕ РАЗВИТИЕ И ТЕОЛОГИЧНОСТЬ ЭЛИТАРНОСТИ

Глазков Александр Петрович (а)

(а) Астраханский государственный университет. Астрахань, Россия. Email: [alpglazkov\[at\]yandex.ru](mailto:alpglazkov[at]yandex.ru)

Аннотация

В рамках данной статьи предпринимается попытка рассмотреть нерелигиозную сторону феномена духовной деятельности человека, не упуская в тоже время его открытость к дальнейшей возможной конкретизации, которую мы можем обозначить в перспективе как «теологию элитарности».

Понятием «духовность» мы обозначаем внутренний мир человека. Внутренний духовный мир человека сложен и находится в постоянном движении. Это духовное движение обуславливается стремлением к совершенству. Все то, что входит в духовный мир человека и составляет его сложность, связано с этой нацеленностью на совершенствование. Составной частью духовного мира является идеалы. Идеалы – это представления о совершенном. Идеал сверхъестественен, сверхопытен и поэтому теологи-чен. Человек стремится к совершенству. Но для человека как духовного существа на первый план выходит не телесное совершенство и не совершенство социального статуса, а прежде всего духовное совершенство. Объективное измерение духовного совершенства представляет научную проблему. Духовное развитие, как путь к элитарности, включает в себя принципиально важный этап – обнаружение собственных личностных недостатков, имеющих, прежде всего, нравственный характер. Только после этого может быть начат процесс личного совершенствования, содержанием которого будет исправление своих несовершенств.

В статье представлен один из вариантов понимания духовного совершенства, которое рассматривается под углом зрения теологичности. Понятием «теологичность» в данной статье фиксируется идеальный уровень духовной жизни. В концепт понятия «элита» – входит идея совершенства. Относящийся к духовной элите тот, кто достигает совершенства в духовном развитии. Теологичность таким образом, может послужить концептуальным маркером при определении пути к элитности.

Ключевые слова

духовность; духовное развитие; теологичность; сознание; самосознание; элитность; совершенство; идеал; личность

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Духовное развитие признается важнейшей задачей человека. В то же время мы сталкиваемся с ситуацией, когда в научной литературе духовная сфера трактуется достаточно широко, в нее, как правило, включается разнообразная культурная и религиозная деятельность. Как пишут Н.И. и Д.Н. Мешковы: «Духовность необходимо рассматривать как внутренний стержень, высшую ценность, императив формирования духовно-нравственной культуры. Однако далеко не все ученые едины в понимании сущности духовности. Разнообразие их взглядов, убеждений основано на мировоззрении, определяемом методологической позицией» (Мешков & Мешков, 2019, стр. 70).

Необходимо, таким образом, конкретизировать понятие духовного с философской точки зрения, очертить границы смыслового понимания этого феномена, что в свою очередь позволит более четко установить практические моменты духовной работы и определить ее перспективные направления. Как пишет Е. Шагаринова: «Содержание понятий «духовность», «духовно-нравственное воспитание» на сегодняшний день используются авторами во многих сферах образования, зачастую приравнивая их к религиозности. Это связано с тем, что феномены духовности в своем историческом развитии долгое время были неразделимы» (Шагаринова, 2014, стр. 147).

МЕТОДОЛОГИЯ

Методологическим основанием данной работы является представление о духовности как об уровне самосознания личности. Данное положение в какой-то степени опирается на идеи Г.В.Ф. Гегеля, изложенные им в его известных работах «Феноменология духа» и «Философия духа».

В статье используется позиция И. Канта в вопросах понимания рассудка и разума в структуре процесса познания, особенно в той части, которая касается идеалов разума, которые у немецкого мыслителя имеют трансцендентальный характер. Согласно взглядам И. Канта, которые в данном случае имеют важное методологическое значение, «разум со своими идеалами имеет целью полное определение по априорным правилам; поэтому он мыслит предмет, который должен быть полностью определен по принципам, хотя для этого нет достаточных оснований в опыте, и, следовательно, само это понятие трансцендентно» (Кант, 1994, стр. 347).

Также автор опирается на герменевтическую онтофеноменологию М. Хайдеггера, предполагающую учет онтологиче-

ского основания в рассмотрении феноменов человеческого бытия (феноменологии личности). В этом отношении приобретает особое значение категория предпонимания, которая укоренена в самом бытии человека и которая может быть уловлена «в усредненной и смутной понятности бытия» (Хайдеггера, 1997, стр. 5).

Понятие интерсубъективности используется в том смысле, которое ему придавал Э. Гуссерль. Под интерсубъективностью понимается конституирование «объективной природы и объективного мира вообще, к которому принадлежат все Другие и я сам» (Гуссерль, 2010, стр. 138). В результате мы можем говорить об общности «которая конституирует один и тот же мир» (Гуссерль, 2010, стр. 138). «Благодаря этому образованию общности трансцендентальная интерсубъективность обретает свою специфически интерсубъективную сферу, в которой она интерсубъективно конституирует объективный мир; и, таким образом, в качестве трансцендентального Мы она есть субъективность для этого мира, а также для человеческого мира, в форме которого она сама себя объективно осуществила» (Гуссерль, 2010, стр. 138).

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ДУХОВНОЕ»

Если исключить религиозный аспект понимания «духовное», который опирается на веру в Бога и используется в религиях и связанных с ними религиозных теологических системах для обозначения объективно существующего духовного мира, то этим словом именуется, прежде всего, все то, что относится к сознанию человека. Духовный процесс, таким образом, – это процесс осознания человеком себя и всех тех явлений, с которыми он сталкивается в своей жизни. Духовное развитие – это, если так можно выразиться, рост осознанности своей деятельности. Центральным моментом развития такого развития является самосознания личности, ее внутренний субъективный мир, который формируется в процессе самосознания, является духовным по своей природе. Как утверждает Гегель: «Дух есть [вначале] душа, [затем] сознание и сознание того, что он сознание [т. е. самосознание]» (Гегель, 2014, стр. 195).

Внутренний мир личности – это мир ее сознания, несущим элементом которого является самосознание. Развитость самосознания – составляет качество сознания вообще. Мир сознания формируется через познавательные способности человека. Через эти познавательные способности происходит выявление реальности и создание в итоге представления об этой реальности, которое мы обозначаем как картину мира и мировоззрение.

Самосознание в исходном своем значении – это осмысленное представление о самом себе. Эта природная способность человеческого сознания обращать внимание на себя самого, осмыслять собственное существование, выделяет человека из мира животных. Понятием «духовность» мы обозначаем сущностную возможность и способность человека формировать свой внутренний мир. Внутренний духовный мир человека имеет сложный состав и находится в постоянном движении. Это духовное движение характеризуется стремлением к совершенству. Все то, что входит в духовный мир человека и составляет его сложность, связано с этой нацеленностью на совершенствование. Это стремление к совершенству обуславливается исходным несовершенством самого человека. Стремление быть совершенным заложено в природе в целом. В конкретных природных условиях совершенствование – это закон выживания, который диктует направленность эволюции и развития видов животных. Так как в отличие от животных человек обладает самосознанием, то быть совершенным для человека – это, прежде всего, быть совершенным в духовном отношении. В процессе самосознания себя как личности, в качестве условия для духовного развития, должно быть выявлено то, что может быть названо несовершенством. Эти выявленные несовершенства могут относиться как личностным качествам – нравственным особенностям и наклонностям, которые имеют для него разрушительный характер, так и к уровню знания и понимания, которым обладает человек. В силу своего несовершенства он может иметь ошибочные представления о себе, о мире, поэтому первый этап духовного развития направлен на обнаружение в себе несовершенства. В этом заключается смысл самопознания, которое является составной частью процесса самосознания. Самопознание – это познание человеком, своей сущности, потому что познающий, познавая себя, познает и сущность человека. Как утверждает Гегель, дух есть сущность человека (Гегель, 2014, стр. 15). Таким образом, мы можем определить духовность как способность человека к процессу самопознания и самосознания. В целом же дух – это целостное единство всех человеческих способностей возможностей к самосознанию, пониманию сущности самого себя, а значит и человека в целом.

СОВЕРШЕНСТВО И ДУХОВНОЕ РАЗВИТИЕ

Сущность человека определяется через его идеал. Обнаружение в себе несовершенства с необходимостью связано с поиском идеала человека. Этот идеал становится критерием самооценки и выявления

своих недостатков. Таким образом, духовное движение к совершенству требует в качестве обязательной стадии – обнаружение собственных несовершенств. Критерием успешности в этом процессе является понимание, кто ты есть на самом деле. Представление о себе как об уже совершенном существе, которое требует дальнейшей совершенствования – это мнение, с этой точки зрения, надо признать ошибочным. Первый шаг должен заключаться в признании собственного несовершенства и обнаружения своих недостатков. Речь идет в первую очередь о качествах личности. Качества личности или ее нрав – это то, что составляет нравственный уровень духовности. В этом смысле следует отличать нравственность от морали. Если под нравственностью понимать качества конкретной личности, то мораль – это правила нравственного поведения, принятые в обществе. Личность понимает свои нравственные качества субъективно, мораль же своей природе intersubjectively. В этом смысле мораль для личности выступает как объективный критерий. В то же время intersubjectively характер моральных оценок не может быть признан достаточным основанием для объективности критериев оценки человека по существу. Идеал как истина человека должен быть совершенным онтологически, а не конвенционально.

С точки зрения познавательной деятельности человека идеал – это представление о совершенном. Идеал формируется внутри сознательной разумной деятельности человека. Поиск идеала – это внутренняя духовная работа разума. В этом смысле – это работа философская. Философия представляет собой рациональный способ самосознания. Разум, осознавая свои идеалы, тем самым задает вектор совершенствования человека в понимании самого себя и окружающего мира. На основе своих идеалов разум рассуждает и выносит суждения по самым разнообразным проблемам и вопросам, с которыми он сталкивается в процессе своей жизнедеятельности. На основе своих идеалов он принимает решения и совершает поступки.

В процессе самосознания и поиска идеала возможно преодоление субъективизма и обретение объективного взгляда на самого себя. Совершенство – есть целостность, отсутствие какого-либо изъяна, «темного пятна», недостаточности, неполноты. Это может быть для разума приближенным к объективности рациональным критерием оценки идеальности своих идеалов. Истинный идеал дает и истинное понимание себя и своих качеств, и задает направление работы над самим собой по исправлению своих недостатков. Как замечает Гегель: «Истинное есть целое. Но целое есть только сущность, завершающаяся через

свое развитие» (Гегель, 2000, стр.16). Это открывает возможность для трезвой оценки своих качеств и состояния своего субъективного духа, и соответственно того, что встречается в процессе сознания и осознания внешнего мира, мира интерсубъективности.

Духовная сфера человека идеальна по своей природе, но ее необходимо еще правильно понимать. Идеалы истинны по своему существу, но они должны быть истинными и в понимании человеком. Через идеалы осуществляется настройка разума, как инструмента познания, формируется расположенность сознания в целом. То, с чем имеет дело человек в своей жизни, с чем он сталкивается, осознается через эти идеалы.

Идеалы по определению сверхопытны, так как они формулируются на основе рациональной теоретической деятельности. Целостность через только чувственное познание не достижима. В ощущениях нет равенства с самим собой, а в разуме, то есть, в его трансцендентальном идеале, выраженном через словесность она достижима. Поэтому идеализм духа имеет высшее значение для человека. Опыт может лишь подтвердить истинность принятого идеала или опровергнуть ее.

Сверхопытный характер идеальности предполагает веру в установленный разумом идеал. Сверхопытность, которую можно интерпретировать как сверхъестественность идеала, требует принятия его на веру даже после его обоснования через рациональное рассуждение. Вера выражает интуитивное предположение идеала.

ДУХОВНОЕ РАЗВИТИЕ, ТЕОЛОГИЧНОСТЬ И ЭЛИТА

Так как идеал сверхъестественен, сверхопытен, то он теологичен в метафизическом смысле этого слова. Теологичность – это допущение в качестве значимого элемента познавательной деятельности чего-то сверх опытно постигаемой реальности. Через теологичность формируется предрасположение разума, рождающее соответствующую философию. Идеальная сфера разума теологична и требует включения в духовный процесс веры как познавательной способности. По своему смыслу теология – это учение о Боге. Бог по определению – это само совершенство. Конфессиональная теология опирается на знание, которое дает принятое каждой конкретной конфессией соответствующее ее религиозной вере Священное Писание. Понятием «теологичность», на наш взгляд, можно фиксировать естественно выявляемое совершенство, которое соответствует божественности в религиозном понимании. В этом смысле теологичность может использоваться как изме-

рение определенных качеств, как человека, так и человеческого социума в целом.

Человеческий социум состоит из личностей, каждая из которых обладает своим самосознанием и достигнутым уровнем своего духовного развития и, соответственно, нравственными качествами. Помимо нравственных качеств, которым располагает человек, которые связаны с состоянием его духа, существует, как уже отмечалось, и достигнутый уровень знания в целом. В этом смысле использование понятия духовного бытия можно вводить в контекст взаимоотношения человека и общества. Как пишет Я.С. Сунцова: «Духовное бытие – высший способ личного существования, связанный освобождением от давления обыденной жизни, от соблазна влечений, пристрастий и прельщений собственной самости; духовное бытие – это любовь к качеству жизни и воля к совершенству во всех ее областях (Сунцова, 2009, стр. 41).

В социальном аспекте духовного развития особое значение приобретает та роль, которую выполняет элита. Элита по определению – это то, что относится к совершенному, лучшему. Как замечает П.Л. Карабущенко: «В идеале, элита – это группа лучших личностей, которая должна самым наилучшим образом улучшить мир, исправив его недостатки за счет усиления его достоинств (Карабущенко, 2016, стр. 49). Лучшими в общественном значении этого слова являются те, кто целенаправленно и осознанно совершенствует самих себя, то есть успешно реализуют свое духовное и, соответственно, нравственное развитие. Элитой, таким образом, могут быть названы те личности, которые вступили на путь своего духовного развития, опираясь на сверхопытную целостность как идеал. В этом смысле представляется релевантным употребление термина «теология элитарности». Этим термином может фиксироваться общественный характер духовного развития личности.

В истории философии существует феномен патристики – «философии святых». В рамках патристики философия создавалась личностями, которые вступили на путь нравственного совершенствования через аскетику. Парадоксальность «теологической элитарности» заключается в том, что сами эти личности вряд ли бы считали себя элитой после обнаружения своих несовершенств и недостатков, с которыми они боролись всю свою жизнь до самой своей смерти. Но здесь важно другое. Обнаружение своих недостатков открывает возможность для их исправления, и этот путь к совершенству может быть обозначен как соответствующий формированию элитности. Пример

их жизни, участие их в духовной жизни общества являлся своего рода камертоном, который настраивал intersubjective духовный мир социума в целом.

Список литературы

- Гегель, Г. В. Ф. (2000). *Феноменология духа*. Москва: «Наука».
- Гегель, Г. В. Ф. (2014). *Лекции по философии духа. Берлин 1827/1829. В записи Иоганна Эдуарда Эрсмана и Фердинанда Вальтера*. Москва: «Дело».
- Гуссерль, Э. (2010) *Картезианские медитации*. Москва: «Академический Проект».
- Кант, И. (1994). *Критика чистого разума*. Москва: «Мысль».
- Карабущенко, П. Л. (2016). Элита как ценность: Смысл избранности. *Ценности и смыслы*, (1), 48-62.
- Мешков, Н. И., & Мешков, Д. Н. (2019). Духовность в научном и религиозном понимании. *Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования*, 19(1), 69–79.
- Сунцова, Я. С. (2009). Понятие духовности в философии и психологии. *Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика»*, (2), 39–60.
- Хайдеггер, М. (1997). *Бытие и время*. Москва: «Ad Marginem Press».
- Шагардинова, Е. (2014). Генезис феномена духовности в педагогическом и психологическом аспектах воспитания личности. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*, 24(26), 147–153.

References

- Heidegger, M. (1997). *Being and Time*. Moscow: "Ad Marginem Press". (In Russian).
- Hegel, G.W.F. (2000). *Phenomenology of Spirit*. Moscow: "Science". (In Russian).
- Hegel, G.W.F. (2014). *Lectures on the philosophy of spirit. Berlin 1827/1829. Recorded by Johann Eduard Erdmann and Ferdinand Walter*. Moscow: "Delo". (In Russian).
- Husserl, E. (2010) *Cartesian Meditations*. Moscow: "Academic Project". (In Russian)
- Kant, I. (1994). *Critique of Pure Reason*. Moscow: "Thought". (In Russian).
- Karabuschenko, P. L. (2016). Elite as a value: the meaning of being chosen. *Values and Meanings*, (1), 48-62. (In Russian).

- Meshkov, N. I., & Meshkov, D. N. (2019). Spirituality in scientific and religious understanding. *Humanities: actual problems of the humanities and education*, 19(1), 69–79. (In Russian).
- Shamardanova, E. (2014). Genesis of the phenomenon of spirituality in the pedagogical and psychological aspects of personality education. *Scientific statements. Ser. Humanities*, 24(26), 147–153.
- Suntsova, Ya. S. (2009). The concept of spirituality in philosophy and psychology. *Bulletin of the Udmurt University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, (2), 39–60. (In Russian).

THE IMAGE OF SAINT NICHOLAS OF MYRA IN THE CONTEXT OF THE PHENOMENON OF ELITISM: HAGIOGRAPHIC AND FOLKLORE DISCOURSES

Elena E. Zavyalova (a)

(a) Astrakhan State University. Astrakhan, Russia. E-mail: zavyalovaelena[at]mail.ru,
ORCID 0000-0002-8380-6645

Abstract

The article is devoted to the analysis of the elite personality traits represented in the image of St. Nicholas of Myra. The stable canonical elements of the composition of the Reverend hagiography, contained in the composition of Metaphrastes, are listed. The circumstances that influenced the development of the Old Russian cult of the saint are named. The changes that were made to the interpretation of the image of Archbishop Dimitri of Rostov are revealed. The exclusive place of Nikola in the minds of the Eastern Slavs and the transformation of the canonical tradition, based on the specifics of pre-Christian ideas, are noted. Typical folklore narratives about Wonderworker stand out. The connection between Nikolay and the water element, which is actual for residents of coastal areas, is emphasized. It is indicated that the "People's Saint" still acts as a character. Attention is drawn to the growing influence of the Western European tradition, leading to the assimilation of customs. Examples of Internet greetings are given, in which the parallel between Wonderworker and Santa Claus is especially clearly traced. It is concluded that the image of St. Nicholas is the embodiment of the people's dream of a perfect person, a gracious intercessor, the personification of transcendental, timeless power. The considered components of the cult of the Myrlikian saint in Russia demonstrate, on the one hand, his unconditional stability, on the other, lability, the ability to develop organically under the influence of socio-economic, political, and cultural factors.

Keywords

Saint Nicholas; elitism; ideal; sacredness; cult; hagiography; canonical tradition; Slavic mythology; paganism; folklore.

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ОБРАЗ НИКОЛАЯ УГОДНИКА В КОНТЕКСТЕ ФЕНОМЕНА ЭЛИТАРНОСТИ: АГИОГРАФИЧЕСКИЙ И ФОЛЬКЛОРНЫЙ ДИСКУРСЫ

Завьялова Елена Евгеньевна (а)

(а) Астраханский государственный университет. Астрахань, Россия.
E-mail: zavyalovaelena[at]mail.ru ORCID 0000-0002-8380-6645

Аннотация

Статья посвящена анализу элитных качеств личности, представленных в образе святого Николая Мирликийского. Перечисляются устойчивые канонические элементы композиции преподобнического жития, содержащиеся в сочинении Симеона Метафраста. Называются обстоятельства, оказавшие воздействие на развитие древнерусского культа святого. Выявляются изменения, которые внёс в трактовку образа архиепископа Димитрий Ростовский. Отмечаются исключительное место Николы в сознании восточных славян и трансформация канонической традиции, обоснованные спецификой дохристианских представлений. Выделяются типичные фольклорные нарративы о Чудотворце: об избавлении от смерти, исцелении, нахождении пропавших людей, счастливом замужестве, возвращении пропажи, оправдании невинно осуждённого, избавлению от пагубных пристрастий и т.п. Подчёркивается актуальная для жителей прибрежных районов связь Николая с водной стихией. Указывается, что «народный святой» до сих пор выступает в качестве персонажа легенд, быличек, заговоров, анекдотов, его имя фигурирует в текстах, размещаемых пользователями в соцсетях, блогах, агентах мгновенных сообщений. Обращается внимание на усиливающееся воздействие западноевропейской традиции, ведущей к ассимиляции обычаев. Приводятся примеры интернет-поздравлений, в которых явно прослеживается параллель между Чудотворцем и Санта-Клаусом. Делается вывод о том, что образ Николая Угодника является воплощением народной мечты о совершенном человеке, милостивом заступнике, олицетворением не мирской, но надмирной, вневременной власти, и в этом смысле его с полным основанием можно назвать элитарным. Рассмотренные компоненты культа мирликийского святителя в России демонстрируют, с одной стороны, его безусловную устойчивость, с другой – лабильность, способность органично развиваться под воздействием социально-экономических, политических, культурных факторов.

Ключевые слова

святой Николай; элитарность; идеал; сакральность; культ; агиография; каноническая традиция; славянская мифология; язычество; фольклор

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВСТУПЛЕНИЕ

Святой Николай Мирликийский является одним из самых почитаемых в России – как упросто́го народа, так и в среде духовенства. Наша статья посвящена анализу элитных качеств личности, представленных в образе этого святителя.

Как доказал Г. Анрих (Anrich, 1913–1917), у истоков формирования житийной традиции стоит греческое «Деяние о стратилатах». Современные исследователи относят рукописи о встрече архиепископа с римскими полководцами приблизительно к IV– началу V в. (Виноградов, 2010, стр. 97), до учёных дошли более 50 списков, не считая их латинских и сирийских вариантов. Постепенно в сборники начинают проникать «внежитийные» элементы» (Там же, стр. 98), к агиографической истории подключаются «чужие» эпизоды (из биографии Николая Сионского, в частности).

Рис. 1. Фреска собора Ферапонтова монастыря (Дионисий, 1502 г.)

РАЗВИТИЕ ДРЕВНЕРУССКОГО КУЛЬТА СВЯТОГО

Первое популярное сочинение о Николае Мирликийском – перевод византийского писателя Симеона Метастаста (X в.) (Лихачёв, 1987b, стр. 168), по поручению императора логофет собрал коллекцию, включающую несколько сотен житий.

Средневековыми представлениями об идеальном, ориентированностью на религиозные и эстетические правила объясняется трафа-

ретьность агиографических жанров, в основе которых лежит идея о различных путях «подражания Христу» (Соловьёва, 2018, стр. 103). К устойчивым каноническим элементам композиции преподобнического жития (Минеева, 1999, стр. 126–128, 142, 165), содержащимся в сочинении Метафраста, можно отнести:

- известность города, в котором святой родился (Великие Минеи, 1904, стлб. 695);
- благочестивость его родителей;
- рассказ о чудесном появлении Николая на свет (факт того, что его мать после родов становится бесплодной, подчёркивает уникальность младенца (Великие Минеи, 1904, стлб. 696);
- отвержение детских забав и тягу к священным книгам;
- постничество, отказ от плотских удовольствий (Великие Минеи, 1904, стлб. 696–697);
- жертвенность, бескорыстность;
- божественные знаки, доказывающие окружающим избранность Николая (Великие Минеи, 1904, стлб. 697);
- серьёзное духовное влияние на окружающих;
- способность побеждать дьявольские силы и совершать невероятное;
- блаженную кончину;
- чудеса после смерти.

По всей вероятности, на развитие древнерусского домонгольского культа святого Николая оказали воздействие два обстоятельства – пребывание на киевском престоле князя, носившего искомое имя – Святослав-Николай Ярославич (1073–1076 гг.), и учреждение в Киеве церковного празднования перенесения мощей мирликийского святителя в Бари (1087 г.) (Петров, 2015, стр. 114). Позднее почитание Николая распространяется в Новгороде, на других территориях. В его честь строятся церкви, пишутся иконы. Появляется множество переводных и оригинальных письменных памятников, посвящённых жизни и посмертным подвигам архиепископа. Судя по разысканиям Г. Анриха, пять сказаний («Чудо о трёх друзьях», «Чудо о монастыре», «Чудо о Епифании», «Чудо о ковре» и «Чудо о трёх иконах») известны только по русским спискам (Anrich, 1913–1917, р. 99, 419, 422, 426, 432).

ТРАКТОВКА ОБРАЗА Д. РОСТОВСКИМ

Метафраза логофетана несколько раз переложена древнерусскими книжниками (Лихачёв, 1987b, стр. 168–172). Дмитрием Ростовским

составлен первый печатный свод православной агиографии (1685–1704 гг.). В процессе подготовки «Книги житий святых» митрополит изучил множество источников (Thomson, 2014, p. 373), но переработал материал по-своему (Державин, 2008, стр. 298). Это многотомное сочинение являлось самым любимым житийным сборником в России (Погожев, 1991, стр. 32), регулярно переиздавалось (в среднем раз в пять лет (Крылов, 2017, стр. 52)) и, по словам Д.С. Лихачёва, «имело огромное значение для всей православной Восточной и Южной Европы» (Лихачёв, 1987а, стр. 266).

Димитрий Ростовский раскрывает смысл имени святого – «победитель народов» (Ростовский, 2004, стр. 174), интерпретирует его следующим образом: «и он, по благословению Божию, воистину явился победителем злобы, на благо всему миру» (Ростовский, 2004).

Николай Мирликийский уже в молодости вызывает у окружающих уважение, что автор «Книги житий святых» объясняет несоответствием внутреннего возраста внешнему: «в нём не замечалось никаких привычек, свойственных юности: по своему нраву он был подобен старцу» (Ростовский, 2004, стр. 176). Святой выделяется самоотверженным послушанием Богу, имеет обычай «вставать в полночь на молитву и раньше других приходить к утренней службе» (Ростовский, 2004, стр. 183).

Характерный для агиографической литературы мотив избранности героя (а значит – необыкновенности) в «Житии святителя и чудотворца Николая» проявляется очень отчётливо. Митрополит Ростовский вводит эпизод крещения ребёнка, отсутствующий в византийском источнике. Младенец Николай три часа самостоятельно стоит в купели на ногах, «воздавая сим честь Пресвятой Троице» (Ростовский, 2004, стр. 175). Позднее у нескольких святых Отцов Вселенского Собора одновременно случается видение: Угодник предстаёт им вместе с Христом и Богородицей, которые передают ему знаки епископской власти. В зрелом возрасте Николай способен являться во сне людям, находящимся за сотни километров от него, а также повелевать стихией, например, ходить по морю, как по суше (Там же, стр. 203), укрощать бурю (Ростовский, 2004, стр. 196).

Рис. 2. Спасение моряков (Джентиле да Фабриано, ок. 1425 г.)

Димитрий Ростовский подчёркивает колоссальную разницу между обычными людьми, которые ищут мирского возношения, и святым, алкающим Божественного Присутствия: «Избегая суетной славы среди своих сограждан и опасаясь её, он замыслил удалиться в другой город, где бы его никто не знал» (Ростовский, 2004, стр. 183). Господь велит ему оставить затворничество, «иди в мир» (Ростовский, 2004, стр. 182). Святой Николай «не переносит человеческих похвал» (Ростовский, 2004, стр. 184), но соглашается стать архиереем «против своей воли» (Ростовский, 2004,), по желанию Всевышнего.

По словам писателя-проповедника, в темнице, куда епископ заключён по воле соправителей Диоклетиана и Максимиана, Николай остаётся духовным наставником и находит нужные слова, чтобы утешить, обнадёжить своих «соузников» (Ростовский, 2004, стр. 187). Он проявляет недюжинную силу в борьбе с языческими храмами – привлекательными для бесов жилищами. «Одушевлённый ревностью Божиею» (Ростовский, 2004,), «разоряет и обращает в прах идольские капища» (Ростовский, 2004,). «Христов угодник» (Там же, стр. 190) голыми руками вырывает меч из рук палача, намеревающегося казнить невиновных. А также совершает достаточно неожиданный для святого поступок (оспариваемый некоторыми теологами): на Вселенском Соборе, отстаивая каноническую веру, «ударяет в ланиту» (Ростовский, 2004, стр. 188) ересиарха Ария.

О лидерском таланте Угодника сообщается в метафорах, традиционных для библейской литературы. Он «добрый кормчий Христова корабля» (Ростовский, 2004, стр. 176), т.е. направляющий других на пути к истинной вере. «Искусный пастырь словесных овец» (Ростовский, 2004,) (ср. с притчей, рассказанной Христом фарисеям: «...входящий дверью есть пастырь овцам. Ему придверник отворяет, и овцы слушаются голоса его, и он зовёт своих овец по имени и выводит их. И когда выведет своих овец, идёт перед ними; а овцы за ним идут, потому что знают голос его» (Иоан. 10: 1–4)).

Благочестивые подвиги делают святого знаменитым во «всей вселенной» (Ростовский, 2004, стр. 195): «не было такого места, где бы не знали о великих и дивных чудесах великого архиерея Николая» (Ростовский, 2004,). В сочинении митрополита Ростовского «великим» Чудотворец называется 26 раз (Ростовский, 2004, стр. 174, 175, 186, 187, 188, 189, 191/3, 193, 195/4, 197, 198, 199/4, 201, 202/2, 203, 204, 206). После смерти Угодника за исцелением к его гробу стекаются «люди со всех концов земли» (Ростовский, 2004, стр. 197).

О выдающейся роли святителя свидетельствует история о трёх иконах. Явившись добродетельному старцу Феофану в видении, Николай велит ему заказать для Собора образа. Тот поручает выполнить работу изографу Аггею. Патриарх Афанасий остаётся недоволен результатом: изображение архиепископа Мирского слишком крупное и не отличается по значимости от двух других ликов – Христа с Богородицей. Вскоре Николай предстаёт передсамим священнослужителем: во время морского шторма он возвращает в вертикальное положение перевернувшийся корабль и спасает пострадавших, в том числе утопающего Афанасия. Патриарх убеждается в беспредельном могуществе Божьего Чудотворца.

Повествование о трёх образах находит отражение в русской иконографии, о чём свидетельствует благоговейное отношение к ликам Угодника, а также факт существования особого трёх фигурного Деисуса, на котором в центре изображён Христос, слева от него Богоматерь, а справа не Иоанн Креститель, а Николай Мирликийский. В ряде случаев фигура архиепископа вообще помещается посередине (Овчинников, 1971, табл. 40).

Черты лица в традиционном изображении святого описывает протоиерей Георгий Городенцев: «высокий лоб с залысинами, тонкий нос с широкими ноздрями, красивая борода. Глаза кажутся близко посаженными, за счёт того, что лик как бы смещён к центру и раскрывается навстречу зрителю» (Городенцев).

ТРАНСФОРМАЦИЯ КАНОНИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Исключительное место Николы в сознании восточных славян часто отмечается приезжими иностранцами. Часто его именуют «Русским Богом». Трансформация канонической традиции наблюдается даже среди духовных лиц. Так, согласно сведениям, полученным в 1781 г. от епископа Тихона, один из опрошенных священников, 70-летний Афанасий Михайлов, «о Христе Спасителе никакого понятия не имеет», зато «святителя Николая почитает Богом» (Орловские епархиальные ведомости, 1868, Т. IV, № 23, стр. 1858).

По словам Б.А. Успенского, особенно широко распространено представление о том, что Чудотворец входит в Троицу: «ещё в XIX – XX вв. можно встретить мнение, что Троица состоит из Спасителя, Богоматери и Николы» (Успенский, 1982, стр. 7). Это подтверждают тексты апокрифических молитв, свадебных причитаний и проч.:

*Теперь благослови, Боже Господи,
Божья Мать, Пресвята Богородица,
Свет сударь Микола Многомилосливой
(Шейн, 1898–1900, стр. 379, № 1296);*

*И, може, господи Бладыко свет помилует,
И Пресвята мать Богородица заступится,
И сохранит да ведь Миколамногмилосливой
(Барсов, 1882, стр. 70);*

*Помолюсь я, красна девица,
Самому Христу небесному,
Пресвятой я Богородице:
Сохрани-помилуй, Господи,
На сегодняшний великой день.
Помолюсь я, красна девица,
Я Николе Многомилостиву:
Сохрани-помилуй девицу,
Святый Никола Многомилостивый!
(Рыбников, 1910, стр. 98);*

*Пристало тебе, духовный отец,
Ты духовный наш батюшка,
Пристало тебе впереди сидеть,
Впереди под иконами;*

*Над тобою, духовный наш батюшко,
Стоит Спас-от Пречистой,
Да Никола со милостью,
Богородица с радостью*
(Зеленин, 1915, стр. 1052).

Косвенные признаки отождествления в народном сознании Николы и Христа Б.А. Успенский находит в следующих примерах:

*От жаланьяотГосподу помолилсэ,
Он съвятому-ту Николы со сълёзамы*
.....
*От жалания ты Господу помолисе,
Тому-ту Миколы да со сълёзамы...*
(Марков, Маслов, Богословский, 1911, стр. 33);

*От желаньица мы Господу намолимся,
От сердечушка Николу принапросимся:
«Дай-ко Господи-Бладыко, Свет-тымилосливой»...*
(Барсов, 1872, стр. 92);

*Порукою давал мне Спасов образ
Светителя Николу Чудотворца*
(Евгеньева, Путилов, 1977, стр. 194).

Ещё более показательны в этом смысле оберег-слова: «Опускается с небес Николай скорый помощник с двенадцати учениками...» (Ефименко, 1878, стр. 1915, № 53), молитва на сон грядущий: «Около нашего двора Иисусова молитва, Николина ограда – тын медный, ворота железны, аминем заперты, а на хоромашах святая вода» (Ефименко, 1878, стр. 165, № 29), традиционное напутствие: «Бог на дорогу, Никола в путь!» (Мельников, 1909, стр. 405). Г.П. Федотов отмечает, что в русском религиозном сознании вера в Бога как бы предполагает в качестве неперемного условия веру в Николу (Федотов, 1935, стр. 61).

Фольклорные тексты позволяют сделать вывод, что образ Чудотворца наделяется функциями, присущими другим святым и подвижникам. Как архангел Михаил, архиепископ Мирликийский сторожит райские врата, хранит ключи, проводит (либо перевозит) души – во время обмирания и после смерти. Как архангел Гавриил, Николай сидит на коне, умертвляет змей, управляет грозами. И т.д.

СВЯЗЬ С ДОХРИСТИАНСКИМИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯМИ

Среди фольклористов популярна точка зрения, согласно которой христианский пророк Илья и святитель Николай стали преемниками богов славянской мифологии Перуна и Волоса, что отразилось на сфере их покровительства. Первый считается управителем дождями, второй – распорядителем урожаями (Смирнов, 1927, стр. 38). Соответственно, грозный Илья карает сверху, добрый Никола защищает снизу (Успенский, 1982, стр. 34). О.А. Терновская подтверждает эту теорию, приводя в пример обряд, в котором обращение к Чудотворцу сочетается с обращением к земле: «Несжатый кустик хозяин обвяжет, потом поклонится в землю и скажет: “Ржаная нива! подай мою силу на яровую жниву. Батюшко! Микола милостивый, помоги мне убрать яровинку”» (Байбурин, Чистов, 1979, стр. 119).

До сих пор распространена легенда о том, почему дни святых празднуются с разной периодичностью: грозный Касьян не избавляет встреченного крестьянина от смерти, и потому молебны ему служат раз в четыре года; сердитый Илья спасает мужику жизнь, но оставляет на бездорожье, поэтому день-Громобой бывает каждый год; милостивый Николай ещё и вытаскивает несчастного из грязи, за что чествуются ежегодно дважды: в декабре и в мае (Loorits, 1954, p. 106).

Близостью к языческой традиции почитания Волоса учёные мотивируют многие приписываемые Чудотворцу функции: покровитель скотоводства, пчеловодства, земледелия, винокурения, целительства, свадеб и даже воровства (Бараг, Березовский, Кабашников, Новиков, 1979, № 848), а также «морской бог» (Прыжов, 1934, стр. 319), «пивной бог» (Там же), «бурлацкий бог» (Романов, 1887, стр. 190, 274). Б.А. Успенский пишет: «Николу и Волоса объединяет связь с богатством, обилием, плодородием и т.п. Соответствующее восприятие Волоса получает более или менее естественное функциональное объяснение, если иметь в виду соотнесённость Волоса с царством мёртвых» (Успенский, 1982, стр. 56).

Рис. 3. Никола (деревянная скульптура из хранилища вологодского музея, XVII–XVIII вв.)

Как доказывает Л.Л. Ивашнёва, «ключевые позиции занимают представления о святом, устроителе и преобразователе окружающего мира, создателе материальных благ и сакральных объектов» (Ивашнёва 2016b, стр. 56). По ходу его движения «прокладываются тропы и дороги, открываются водные источники, возводятся церкви, часовни и монастыри» (Ивашнёва 2016b, стр. 57). К традиционному сюжетному типу странствующего божества исследователь-фольклорист относит мотивы неузнанного прибытия и духовно-нравственных испытаний персонажей здешнего мира (Никола часто является людям седобородым стариком (Белова, 2004, стр. 399)). Ряд факторов позволяет вести речь об образе, коррелирующем с фигурой культурного героя-демиурга.

ФОЛЬКЛОРНЫЕ НАРРАТИВЫ О НИКОЛЕ

В текстах, посвящённых посмертным чудесам Николая Мирликийского, – как византийских, так и древнерусских, выделяется схожая композиция:

- 1) сведения о лице, подвергшемся чудесному спасению;

2) описание беды (буря на море, кораблекрушение, плен, забвение обета и проч.);

3) обращение за помощью к святому (молитва или просьба простить грехи);

4) явление святого (видение);

5) чудесное спасение (внезапное или поэтапное);

6) благодарность спасённого (молитва, благодарственный молебен) (Стародумов, 2010, стр. 141).

В более поздних нарративах структура несколько упрощается, но в целом остаётся устойчивой. В качестве примера приведём легенду из Фольклорного архива Астраханского государственного университета (записана Л.Л. Ивашнёвой, О. Матвеевой в селе Осыпной Бугор 15.07.2003 г. от М.А. Беляевой, 1926 г. р.). Мужик оставляет дома больную мать, отправляется за сеном для коровы. На реке поднимается сильный ветер, путь обратно смертельно опасен. К мужику подходит старичок с белой бородкой и говорит: «Садись в лодку, а там уж как-нибудь переправимся на другую сторону. Ты только верь в меня и, самое главное, в Бога» (Ивашнёва 2016а, стр. 64). Персонаж очень боится шторма (здесь, как почти всегда в подобных рассказах, отмечается недостаточная сила веры героя). Он начинает молиться – и стихия внезапно успокаивается: «Ветер утих, река гладкая, как стекло» (Ивашнёва 2016а). На другом берегу его спутник, старичок, неожиданно исчезает (что также типично для нарративов указанного типа). Чтобы поблагодарить Бога за чудесное спасение, на следующее утро мужик отправляется в церковь – и узнаёт на одном из образов своего спасителя (как видим, и последняя часть рассказа соотносится с древней традицией). Со слезами на глазах персонаж падает ниц перед иконой святого Николая.

Для жителей прибрежных районов (в том числе и Астраханской области) особенно актуальна связь Николая с водной стихией. Моряки и рыбаки считают его своим покровителем, жертвуют Чудотворцу первый улов, предпочитают медальон с изображением святого нательному кресту, а во время бури выносят на палубу икону Угодника (Белова, 2004, стр. 399).

О вере корабельных экипажей в силу Николая свидетельствует рассказ Матроны (Р. Кобзевой), старейшей монахини Астраханской митрополии. В 1980-е гг. она работала в здравотделе и осуществляла санитарно-эпидемиологический контроль над судами Каспийского рыбного флота. Однажды столкнулась с серьёзной проблемой: парторг управления требовал убрать из каюты старшего механика

иконку Чудотворца, в СССР, как известно, активно велась антирелигиозная пропаганда, подобного рода нарушения считались вопиющими. Моряки не решались обидеть святого, боялись выходить в рейс. Р. Кобзева согласилась, что нужно вернуть образок на стену, мужчины успокоились. Вскоре, уже в Баку, команде вновь пришлось столкнуться со строгим руководителем, который прилетел в столицу Азербайджана на самолёте и, проинспектировав судно, обнаружил, что его приказ проигнорирован. Хозяина каюты ждало увольнение. Однако случилось странное: «парторг, цветущий мужчина лет сорока, внешне выглядевший вполне здоровым, скорпостижно скончался» (Борисова, 2016). Его тело было доставлено обратно на этом же судне.

В 1910–1915 гг. по устью Волги курсировал колёсный пароход, на котором располагался пятиглавый храм Святого Николая Чудотворца, способный одновременно вместить полтысячи молящихся. Выстроенный на пожертвования, он был предназначен для моряков и рыбаков, уехавших на промысел, заезжал в дельту, на острова, в прибрежные сёла, останавливался возле лодок и барж. Как пишет Н. Лосева, «по составленному расписанию в первую и последующую навигации церковь посещала определённые для неё участки акватории, удалённые друг от друга примерно на 50 вёрст. На каждом месте она стояла один-три дня» (Лосева, 2014).

Рис 4. Плавучая церковь «Святитель Николай»

Рис. 5. Плавающий храм св. Николая Чудотворца

Практически через сто лет традиция плавающих храмов была возрождена в Волгограде В.И. Корецким. В 2000 г. построили церковь «Святитель Николай», в 2008 г. из-за аварийного состояния понтона её перенесли на берег.

В главные праздники церковного календаря не рекомендуется заниматься повседневными делами. Темой многих фольклорных нарративов является запретное действие, которое выполняет грешник в святой день и за которое оказывается жестоко наказан. Показателен рассказ о женщине, устроившей на «Никольщину» стирку. Никакие увещания близких не помогают: она продолжает работать. Вскоре её ребёнка находят мёртвым – в выгребной яме, куда сливали помои (Ермолин, 2015, стр. 143). В этой легенде образ Николая, как и в тех, что упоминались выше, соотносится с водой, бедствиями утопающего, однако в негативном контексте.

Ещё раз подчеркнём, что Угодник почитается как самый добрый и отзывчивый святой. Поэтому подавляющее большинство историй, напротив, посвящено:

- спасению от смертельной опасности (на войне или в аварии, например);
- чудесному исцелению;
- нахождению пропавших людей;
- счастливому замужеству (разводу с ненавистным супругом, возвращению любимого мужа / жены);
- сохранению имущества;
- возвращению пропажи;
- оправданию невинно осуждённого;

- получению выгодной должности (а также лицензии, сертификата, визы и т.п.);
- лёгкой сдаче зачёта, экзамена;
- избавлению от пагубных пристрастий и т.п.

На сайте портала «Православие.ru» мы насчитали более 300 (!) подобных рассказов (Поспелов, 2013).

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ОБРАЗА ЧУДОТВОРЦА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Меняются реалии, но общее содержание нарративов остаётся прежним. «Народный святой» и по сей день выступает в качестве персонажа легенд, быличек, заговоров, анекдотов, а теперь ещё и текстов, размещаемых пользователями в соцсетях, блогах, агентах мгновенных сообщений.

Исследователями доказано, что всегда готовый к тайной благотворительности святитель Мирликийский стал прообразом современного Санта-Клауса. В условиях глобализации в России всё явственнее ощущается влияние этой западноевропейской традиции. Происходит ассимиляция обычаев.

В настоящее время весьма популярен речевой жанр интернет-поздравлений, который многие авторы относят к явлениям народной культуры (Сухотерина, 2007; Лассан, 2015). Мы обнаружили более трёхсот анонимных текстов, посвящённых Николину дню. В некоторых из них заметно совмещение элементов праздничной символики (Никола Зимний, Рождество, Коляда). Вот наиболее показательные примеры:

*Под подушкой подарки, стол давно уже накрыт –
День святого Николая в каждый дом прийти спешит.
От души тебе желаю, чтоб сбылись твои мечты.
С днём святого Николая! Мира, счастья, доброты!*
(Статусы про день Святого Николая);

*Чудотворец Николай
К нам приходит с праздником,
Сапожок-то подставляй,
Вмиг насыплет пряников.*

(Там же);

В День святого Николая

*Щедрости небес желаю,
Дорогих подарков царских,
Франков в кошельке швейцарских,
Домик на Бали, авто,
Отдых с нужной частотой,
Абсолютного везенья
Во всех сферах, вдохновенья!
(Пожелания с Днём святого Николая);*

*Вот пришёл к нам Николай.
Веселей народ, гуляй,
Давай сани доставай,
Снег пошёл. Как будто рай.
Веселится весь народ,
Кто с гармошкой, кто поёт,
Здесь частушки, веселушки,
Снег им сыпет на макушки.
А детишки, шалунишки,
Ночью спят как будто мышки,
Ждут подарков и в свой край
Чтоб принёс им Николай.*

(Там же);

*Николая в гости ждём, он с подарками спешит,
Пусть заходит в каждый дом, будут рады малыши.
Он игрушки дарит всем, сладкие конфеты,
Избавляет от проблем, лишь в Николу верьте.
Пусть он вам несёт добро и здоровье тоже,
Щедрый к людям Николай, он всегда поможет.
Пусть вершатся чудеса в вашей жизни чаще,
Пусть хранят вас небеса, и живётся слаще.*

(Там же).

Можно критиковать авторов-любителей за стилистические огрехи, не слишком богобоязненный настрой и несоблюдение предписаний Рождественского поста. Но подобные тексты – неоспоримые свидетельства нынешней популярности образа святого, неослабевающей веры в его силу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Образ Николая Угодника – воплощение народной мечты о совершенном человеке и милостивом заступнике, олицетворение не мирской, но надмирной, вневременной власти. В этом смысле его с полным основанием можно назвать элитарным, причастным Царству идеальных ценностей. Рассмотренные компоненты культа мирликийского святителя в России демонстрируют, с одной стороны, его безусловную устойчивость, с другой – лабильность, способность органично развиваться под воздействием социально-экономических, политических, культурных факторов.

Список литературы

- Anrich, G. (1913). *Hagios Nikolaos. Der heilige Nikolaus in der griechischen Kirche. Texte und Untersuchungen (Bd. 1–2)*. Leipzig. (In German).
- Loorits, O. (1954). Der heilige Kassian und die Schaltjahrlegende. *Helsinki: Folklore Fellows Communications*, 63(149).
- Thomson, F. J. (2014). St Demetrius Tuptalo and His Liber Vitarum Sanctorum. *Analecta Bollandiana*, 132(2), 306–421. doi: 10.1484/J.ABOL.5.103754
- Байбурин, А. К., & Чистов, К. В. (Ред.). (1979). *Проблемы славянской этнографии: К 100-летию со дня рождения Д.К. Зеленина*. Ленинград: Наука, Ленинградское отделение.
- Бараг, Л. Г., Березовский, И. П., Кабашников, К. П., & Новиков, Н. В. (1979). *Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка*. Ленинград: Наука. Ленинградское отделение.
- Барсов, Е. В. (1872). *Причитанья Северного Края. (Том I. Плачи похоронные, надгробные и надмогильные)*. Москва: Общество любителей российской словесности.
- Барсов, Е. В. (1882). *Причитанья Северного Края. (Vol. II. Плачи завоенные, рекрутские и солдатские)*. Москва: Общество любителей российской словесности.
- Белова, О. В. (2004). Николай. В Н. И. Толстой (Ред.), *Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Том 3* (с. 398–401). Москва: Международные отношения.
- Борисова, О. (2016, декабрь 20). Как Николай Чудотворец помог астраханцам. *Волга*.
- Великие Минеи четьи. Декабрь, дни 6–17*. (1904). Москва.
- Виноградов, А. Ю. (2010). Греческая житийная традиция святителя Николая. Проблемы и перспективы. В А. В. Бугаевский (Ред.), *Добрый кормчий: По-*

- читание святителя Николая в христианском мире. Сборник статей* (сс. 96–103). Москва: Скиния.
- Городеццев, Г. (n.d.). Икона Николая Чудотворца: Описание, значение, помощь. Извлечено от Православная онлайн-энциклопедия website: <https://yandex.ru/turbo/pravoslavie.wiki/s/molitva-svt-nikolaju-o-rabote.html>
- Державин, А. М. (2008). *Радуют верных сердца: Четии-Минеи Димитрия, митрополита Ростовского, как церковноисторический и литературный памятник, (Том 2)*. Москва: ИХТИОС.
- Евгеньева, А. П., & Путилов, Б. Н. (1977). *Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым*. Москва: Наука.
- Ермолин, Е. А. (2015). Ментальное урочище: Культ николая Мирликийского в России. *Верхневолжский филологический вестник*, (3), 138–143.
- Ефименко, П. С. (1878). Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. *Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при императорском Московском университете*, (30), 5.
- Зеленин, Д. К. (1915). *Описание рукописей Учёного архива Императорского Русского Географического общества, (Том II)*. Петроград: Издание императорского русского географического общества.
- Ивашнёва, Л. Л. (2016a). Нижневолжские легенды о Николае Чудотворце: К проблеме межжанровых влияний в фольклорной прозе. *Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки*, 31(1), 63–68.
- Ивашнёва, Л. Л. (2016b). Образ Николая Чудотворца-устроителя окружающего мира. *Гуманитарные исследования*, (3), 56–60.
- Крылов, А. О. (2017). Понимание святости в творениях святителя димитрия Ростовского: Некоторые наблюдения. *Христианское чтение*, (5), 51–60.
- Лассан, Э. (2015). Культурные сценарии мышления и этикетные интернет-жанры (об интернет-поздравлениях в четырёх культурах). *Коммуникативные исследования*, (4), 22–40.
- Лихачев, Д. С. (1987a). *Избранные работы в трёх томах: Развитие русской литературы X-XVII веков. Поэтика древнерусской литературы* (Т. 1). Ленинград: «Художественная литература». Ленинградское отделение.
- Лихачев, Д. С. (1987b). *Словарь книжников и книжности Древней Руси. (Том 1: XI – перв. Полов. XIV в.)* (Т. 1). Ленинград: Наука. Ленинградское отделение.
- Лосева, Н. (2014, декабрь 28). По следам разрушенных храмов Астрахани: Судьба первого плавучего храма. *Московский Комсомолец. Астрахань*.
- Марков, А. В., Маслов, А. Л., & Богословский, Б. А. (1911). Материалы, собранные в Архангельской губернии летом 1901 года. (Часть II: Терский берег Белого моря). В *Труды Музыкально-этнографической комиссии, состоя-*

щей при Этнографическом отделе имп. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Москва: Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при императорском Московском университете.

- Мельников, П. И. (1909). *Полное собрание сочинений, (Том II)*. Санкт-Петербург: Товарищество А.Ф. Маркс.
- Минеева, С. В. (1999). *Проблемы комплексного анализа древнерусского агиографического текста (на примере Жития преп. Зосимы и Савватия Соловецких)*. Курган: Издательство КГУ.
- Овчинников, А. (1971). *Живопись древнего Пскова XIII–XVI века*. Москва: Издание Главного управления Гознака.
- Петров, Н. И. (2015). Почитание св. Николая Чудотворца на Руси в контексте бориоглебского культа. В *Древняя Русь: Во времени, в личностях, в идеях. Palaiorwsia: Enchronw, enproswrw, eneidei. Альманах. (Том 3: Материалы научной конференции «Равноапостольный князь Владимир и формирование русской цивилизации»)* (с. 111–132). Санкт-Петербург: ООО «Контраст».
- Погожев, Е. Н. (1991). *Русская Церковь и русские подвижники XVIII века*. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра.
- Пожелания с Днём святого Николая. (n.d.). Извлечено от Сайт «Прикольник» website: <https://prikolnik.com/den-svjatogo-nikolaja-2>
- Поспелов, А. (2013). Современные чудеса святителя Николая: Истории из редакционной почты. *Православие.Ru*. Извлечено от <https://pravoslavie.ru/61692.html>
- Прыжов, И. Г. (1934). *Очерки, статьи, письма*. Москва; Ленинград: Academia.
- Романов, Е. Р. (1887). *Белорусский сборник. (Том 7: Белорусские народные мелодии. Песни сезонные, обрядовые, игровые, танцы, духовные стихи)*. Витебск: Типо-лит. Г.А. Малкина.
- Ростовский, Д. (2004). *Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней. (IV, месяц декабрь), (стр. 174–212)*. Киев: Свято-Успенская Киево-Печерская Лавра.
- Рыбников, П. Н. (1910). *Песни. (Том 3) (Т. 3)*. Москва: Сотрудник школ.
- Смирнов, М. И. (1927). Культ и крестьянское хозяйство в Переславль-Залесском уезде. По этнографическим наблюдениям. В *Труды Переславль-Залесского историко-художественного и краеведного музея, (Том I: Старый быт и хозяйство Переславской деревни): Т. Том I: Старый быт и хозяйство Переславской деревни*. Переславль-Залесский: Государственная типография №12.
- Соловьёва, Т. Н. (2018). Традиции преподобнического жития в жанровой разновидности святительского жития (переводные тексты византийской агиографии). *Вестник славянских культур*, (50), 103–118.

- Стародумов, И. В. (2010). Византийские и древнерусские чудеса святителя Николая Мирликийского (к вопросу о взаимодействии двух культурных традиций). В *Филологические и лингвистические аспекты межкультурной коммуникации: Сборник научных трудов* (с. 134–144). Курган: Издательство Курганского государственного университета.
- Статусы про день Святого Николая. (n.d.). Извлечено от Приколись-ка: Анекдоты, шутки, картинки, стишки и т.д. website: <https://pricoliska.ru/statusy-pro-den-svyatogo-nikolaya/>
- Сухотерина, Т. П. (2007). «Поздравление» как гипержанр естественной письменной русской речи (PhD Thesis). Барнаульский государственный педагогический университет, Барнаул.
- Успенский, Б. А. (1982). *Филологические разыскания в области славянских древностей (реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского)*. Москва: Издательство Московского университета.
- Федотов, Г. П. (1935). *Стихи духовные (русская народная вера по духовным стихам)*. Париж: YMCA-press.
- Шейн, П. В. (1898). *Великорусе в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п. (Том I)*. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук.

References

- Anrich, G. (1913). *Hagios Nikolaos. Der heilige Nikolaus in der griechischen Kirche. Texte und Untersuchungen (Bd. 1–2)*. Leipzig. (In German).
- Baiburin, A. K., & Chistov, K. V. (Ред.). (1979). *Issues of Slavic Ethnography: To the 100th Anniversary of D.K. Zelenin*. Leningrad: Science, Leningrad Branch. (In Russian)
- Barag, L. G., Berezovsky, I. P., Kabashnikov, K. P., & Novikov, N. V. (1979). *A Comparative Index of Plots: East Slavic Tales*. Leningrad: Science. Leningrad Branch. (In Russian)
- Barsov, E. V. (1872). *Lamentations of the Northern Region. (Volume I. Funeral, Grave-stone and Gravestone Lamentations)*. Moscow: Society of Friends of Russian Literature. (In Russian)
- Barsov, E. V. (1882). *Lamentations of the Northern Region. (Vol. II. Lamentations of the Conquered, Recruits and Soldiers)*. Moscow: Society of Friends of Russian Literature. (In Russian)
- Belova, O. V. (2004). Николай. In N. I. Tolstoy (Ed.), *Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary. Volume 3* (pp. 398–401). Moscow: International Relations. (In Russian)
- Borisova, O. (2016, December 20). How St. Nicholas the Wonderworker helped the people of Astrakhan. *Volga*. (In Russian)

- Derzhavin, A. M. (2008). *Joy to the Faithful Hearts: The Readings of the Metropolitan Demetrius of Rostov as a Church-Historical and Literary Monument, (Vol. 2)*. Moscow: IHTIOS. (In Russian)
- Efimenko, P. S. (1878). Materials on the Ethnography of the Russian Population of Arkhangelsk Province. *Proceedings of the Society of Lovers of Natural History, Anthropology, and Ethnography at the Imperial Moscow University*, (30), 5. (In Russian)
- Evgenyeva, A. P., & Putilov, B. N. (1977). *Ancient Russian Poems Collected by Kirshey Danilov*. Moscow: Science. (In Russian)
- Fedotov, G. P. (1935). *Ecclesiastical poems (Russian folk faith by ecclesiastical poems)*. Paris: YMCA-press. (In Russian)
- Gorodentsev, G. (n.d.). Icon of Nicholas the Wonderworker: Description, meaning, help. Retrieved from Orthodox Online Encyclopedia website: <https://yandex.ru/turbo/pravoslavie.wiki/s/molitva-svt-nikolaju-o-rabote.html> (In Russian)
- Ivashneva, L. L. (2016a). Nicholas the Wonderworker Legends of the Lower Volga Region: On the Problem of Intergenre Influences in Folklore Prose. *Bulletin of Dagestan State University. Series 2: The Humanities*, 31(1), 63–68. (In Russian)
- Ivashneva, L. L. (2016b). The image of Nicholas the Wonderworker-organizer of the world around. *Humanitarian Studies*, (3), 56–60. (In Russian)
- Krylov, A. O. (2017). Understanding of Holiness in the Works of St. Demetrius of Rostov: Some Observations. *Christian reading*, (5), 51–60. (In Russian)
- Lassan, E. (2015). Cultural Thinking Scripts and Internet Etiquette Genres (on Internet greetings in four cultures). *Communication Studies*, (4), 22–40. (In Russian)
- Likhachev, D. S. (1987a). *Selected Works in Three Volumes: The Development of Russian Literature of the 10th-17th Centuries. Poetics of Old Russian Literature (Vol. 1)*. Leningrad: Art literature. Leningrad branch. (In Russian)
- Likhachev, D. S. (1987b). *Dictionary of Scribes and Scribes of Ancient Rus'. (Volume 1: XI - first half of the XIV century) (Vol. 1)*. Leningrad: Science. Leningrad Branch.. (In Russian)
- Loorits, O. (1954). Der heilige Kassian und die Schaltjahrlegende. *Helsinki: Folklore Fellows Communications*, 63(149).
- Loseva, N. (2014, December 28). In the footsteps of the destroyed temples of Astrakhan: The Fate of the First Floating Church. *Moscow Komsomolets. Astrakhan*. (In Russian)
- Markov, A. V., Maslov, A. L., & Bogoslovsky, B. A. (1911). Materials collected in the Arkhangelsk Province in the summer of 1901. (Part II: The Tersky Coast of the White Sea). In *Proceedings of the Musical and Ethnographic Commission of the Ethnographic Department of the Imperial Society of Lovers of Natural History, Anthropology, and Ethnography*. Moscow: Proceedings of the Society of Friends of Natural History, Anthropology, and Ethnography at the Imperial Moscow University. (In Russian)

- Melnikov, P. I. (1909). *Complete Works, (Volume II)*. St. Petersburg: The A.F. Marx Partnership. (In Russian)
- Mineeva, S. V. (1999). *Problems of Complex Analysis of the Old Russian Hagiographic Text (by the Example of the Life of St. Zosima and St. Savvatiy Solovetsky)*. Kurgan: Publishing house of KSU. (In Russian)
- Ovchinnikov, A. (1971). *Painting the ancient Pskov XIII-XVI centuries*. Moscow: Publication of the Main Directorate of Goznak. (In Russian)
- Petrov, N. I. (2015). Veneration of St. Nicholas the Wonderworker in Russia in the context of the Borisoglebsk cult. In *Ancient Russia: In Time, in Persons, in Ideas. Palaiorwsia: Encronw, enproswpw, eneidei. Almanac. (Volume 3: Proceedings of the scientific conference "Equal Apostolic Prince Vladimir and the Formation of Russian Civilization")* (pp. 111–132). St. Petersburg: Contrast Ltd. (In Russian)
- Pogozhev, E. N. (1991). *The Russian Church and Russian ascetics of the 18th century*. Sergiev Posad: Holy Trinity Sergius Lavra. (In Russian)
- Pospelov, A. (2013). Modern Miracles of Saint Nicholas: Stories from the Editorial Mail. *Orthodoxy.Ru*. Извлечено от <https://pravoslavie.ru/61692.html> (In Russian)
- Pryzhov, I. G. (1934). *Essays, articles, letters*. Moscow; Leningrad: Academia. (In Russian)
- Romanov, E. P. (1887). *Belarusian Compendium. (Volume 7: Belarusian Folk Melodies. Songs seasonal, ritual, game, dances, spiritual poems)*. Vitebsk: Typo-lit. G.A. Malkin.. (In Russian)
- Rostovsky, D. (2004). *Hagiographies of the Saints in Russian, set out according to the manual of the Chet'y-Minaia. (IV, month of December), (pp. 174–212)*. Kiev: Holy Assumption Kiev-Pechersk Lavra. (In Russian)
- Rybnikov, P. N. (1910). *Songs. (Volume 3)*. Moscow: School Employee. (In Russian)
- Shane, P. V. (1898). *Velikoruse in their songs, rituals, customs, beliefs, tales, legends, etc. (Volume I)*. St. Petersburg: Printing Office of the Imperial Academy of Sciences. (In Russian)
- Smirnov, M. I. (1927). Cult and peasant economy in the Pereslavl-Zalessky uyezd. According to ethnographic observations. In *Proceedings of the Pereslavl-Zalessky Historical and Artistic and Local Lore Museum, (Volume I: Old Life and Economy of the Pereslavl Village)*. Pereslavl-Zalessky: State Printing House No 12. (In Russian)
- Solovyova, T. N. (2018). Traditions of the Vita of the Venerable in the Genre Variety of the Vita of the Saint (translated texts of Byzantine hagiography). *Bulletin of Slavic Cultures*, (50), 103–118. (In Russian)
- St. Nicholas Day statutes. (n.d.). Retrieved from Get funny: Anecdotes, jokes, pictures, poems, etc. website: <https://pricoliska.ru/statusy-pro-den-svyatogo-nikolaya/> (In Russian)

- Starodumov, I. V. (2010). Byzantine and Old Russian Miracles of St. Nicholas of Myra (on the interaction of the two cultural traditions). In *Philological and Linguistic Aspects of Intercultural Communication: Collection of Scientific Works* (pp. 134–144). Kurgan: Kurgan State University Press. (In Russian)
- Sukhoterina, T. P. (2007). *"Congratulations" as a hyper-genre of natural written Russian speech* (PhD Thesis). Barnaul State Pedagogical University, Barnaul. (In Russian)
- The Great Menagerie on the Fourth. December, days 6-17.* (1904). Moscow. (In Russian)
- Thomson, F. J. (2014). St Demetrius Tuptalo and His Liber Vitarum Sanctorum. *Analecta Bollandiana*, 132(2), 306–421. doi: 10.1484/J.ABOL.5.103754.
- Uspensky, B. A. (1982). *Philological Investigations in the Field of Slavic Antiquities (Relics of Paganism in the East Slavic Cult of Saint Nicholas of Myra)*. Moscow: Moscow University Press. (In Russian)
- Vinogradov, A. Yu. (2010). The Greek Hagiographic Tradition of Saint Nicholas. Problems and Prospects. In A. V. Bugaevsky (Ред.), *The Good Helmsman: The Veneration of Saint Nicholas in the Christian World. Collection of articles* (pp. 96–103). Moscow: Skynia. (In Russian)
- Wishes on St. Nicholas Day. (n.d.). Retrieved from The Prickly Man website: <https://prikolnik.com/den-svjatogo-nikolaja-2> (In Russian)
- Yermolin, E. A. (2015). Mental tract: The Cult of Nicholas of Myra in Russia. *Verkhnevolzhsky Philological Bulletin*, (3), 138–143. (In Russian)
- Zelenin, D. K. (1915). *Description of Manuscripts of the Scientific Archive of the Imperial Russian Geographical Society, (Volume II)*. Petrograd: Publication of the Imperial Russian Geographical Society. (In Russian)

**История элитологии
и элитология истории**

**History of Elite Studies and
Elite Studies of History**

THE ROLE OF THE ELITE OF THE FACULTY OF LAW OF MOSCOW UNIVERSITY IN THE REFORM OF RUSSIA AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY: S. A. MUROMTSEV AND F. A. GOLOVIN

Aleksey A. Ilin (a)

(a) Moscow State University. Moscow, Russia. E-mail: korablevrr[at]mail.ru
ORCID 0000-0001-7002-4057

Abstract

The XX century was not easy in the history of Russia: three revolutions, two world wars, two changes of government and political regimes. Despite all these difficulties, which fell on one century, Russia has survived, has not lost its former power and continues to surprise, teach and delight its political opponents. Based on methodological pluralism, and mainly on General scientific methods of analysis and synthesis, deduction and induction, classification and analogy, methods and means of historical analysis, the use of elements of hermeneutics, the author in a comparative way defines the contribution of Muromtsev and Golovin to the creation of traditions of Russian parliamentarism, the construction of civil society. The study identifies and compares not only the consistent political steps of Muromtsev and Golovin, as well as their behavior as chairmen, and draws up psychological portraits. Despite all the obstacles that Muromtsev and Golovin faced, they were firmly established as the elite, and their beginnings were continued by their descendants. It is especially important that the ideas put forward by the chairmen of the first and second state Duma are still relevant today. Therefore, a rather interesting aspect is the comparative analysis of the ideas of political transformation of Russian society proposed by Muromtsev and Golovin, scientists of the same scientific school of Moscow University.

Keyword

Muromtsev; Golovin; first Duma; second Duma; Manifestos; Constitutional democratic party; Muromtsev's mandate; Vyborg appeal; liberals; Constitution

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

РОЛЬ НАУЧНОЙ ЭЛИТЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В РЕФОРМИРОВАНИИ РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА: С.А. МУРОМЦЕВ И Ф.А. ГОЛОВИН

Ильин Алексей Александрович (а)

(а) Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Москва, Россия.
E-mail: korablevrr[at]mail.ru ORCID 0000-0001-7002-4057

Аннотация

Непростым в истории России выдался XX век: три революции, две мировые войны, дважды смена правления, политических режимов. Несмотря на все эти трудности, которые выпали на одно столетие, Россия выстояла, не утратила своего бывшего могущества и продолжает до сих пор удивлять, учить и восхищать собой политических противников. Но, нужно понимать, что Россия – это не только территория, - это, прежде всего, люди, которые готовы на жертву, на подвиг, не получая ничего взамен. В данном исследовании такими пассионариями, элитой являются С.А. Муромцев и Ф.А. Головин. Опираясь на методологический плюрализм, а преимущественно на общенаучные методы анализа и синтеза, дедукции и индукции, классификации и аналогии, приемы и средства исторического анализа, использования элементов герменевтики, автор в сравнительном ключе определяет вклад Муромцева и Головина в создание традиций российского парламентаризма, строительстве гражданского общества. В данном исследовании определяются и сравниваются не только последовательные политические шаги Муромцева и Головина, а также их поведение в должности председателей, составляются психологические портреты. Несмотря на все препятствия, с которыми столкнулись Муромцевым и Головиным, за ними прочно закрепилось звание элиты, а их начинания были продолжены потомками. Особенно важно, что и сегодня идеи, выдвинутые председателями первой и второй Государственной Думой, актуальны. Поэтому довольно интересным аспектом является сравнительный анализ идей политического преобразования российского общества предложенных Муромцевым и Головиным, учеными одной научной школы Московского университета.

Ключевые слова

Муромцев; Головин; первая Дума; вторая Дума; Манифесты; Конституционно-демократическая партия; Наказ Муромцева; Выборгское воззвание; либералы; конституция.

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

История создания и судьба первой и второй российской Государственной Думы весьма удивительна. Создавался представительный орган власти, как теперь понятно, не для конкретной работы, а для того, чтобы не накалять без того напряженную обстановку в России в начале XX века. Под давлением либерального крыла монархической России Николай II учредил Государственную Думу. Свои условно-демократические намерения монарх обозначал в изданных в 1905 году манифестах. Так, августовский манифест учреждал законодательный орган: «коему предоставляется предварительная разработка и обсуждение законодательных предложений и рассмотрение росписи государственных доходов и расходов»¹. В манифесте, который монарх издал уже 17 октября, говорилось об усовершенствовании государственного порядка. Документ провозглашал незыблемые основы гражданской свободы, свободы совести, слова, собраний и союзов. Это, по сути своей, можно расценивать как Конституцию. Данные документы и послужили началом работы первой Государственной Думы.

На открытии российского парламента присутствовал и сам Николай II. С напутственной речью он обратился к первым депутатам: «Трудная и сложная работа предстоит вам. Верю, что любовь к Родине и горячее желание послужить ей воодушевят и сплотят вас. Я же буду охранять непоколебимыми установления, Мною дарованные, с твердой уверенностью, что вы отдадите все свои силы на самоотверженное служение Отечеству»². Эту речь депутаты Первой Думы восприняли как призыв к действию, но по факту эта речь носила популистский характер. В самой же работе Думы встречался не только популизм ряда её представителей, но и революционные настроения. Это и сосчитало дни первой Государственной Думы, просуществовала она всего 72 дня.

В феврале 1907 года свою работу начала уже вторая Государственная Дума. Открывал её уже не император, а Столыпин. Во время открытия представительного органа Столыпин и произнес свою известную фразу: «Не запугаете». Радикализм и противоправительственные выступления депутатов повлияли на решения Николая II распустить и вторую Думу. Распустили ее в июне 1907 года. Просу-

¹ Манифест об учреждении Государственной Думы. - URL: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3081/>.

² Из тронной речи Императора Николая II 27 апреля 1906 года. - URL: <https://www.kommersant.ru/doc/671718>.

ществовала она 102 дня. Но, стоит отметить, что в составе первой и второй Думы было довольно много представителей научной элиты, а председательствовали в них яркие и даровитые люди начала XX века: ученый и политический деятель С.А. Муромцев и тонкий политик Ф.А. Головин. Стоит отметить, что и Муромцев, и Головин имели прямое отношение к Московскому университету. Оба закончили юридический факультет.

Нужно понимать, что работа российского парламента начиналась с нуля, поэтому, пожалуй, важно не то, что представительный орган власти кардинально изменил политическую систему в России того времени, а заложил фундамент для парламентских традиций и наметил административный путь работы для последующих Дум. Очень важно обратить внимание на людей этих законодательных органов и именно на их председателей.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ И ПЕРВЫЕ ШАГИ В «БОЛЬШУЮ ПОЛИТИКУ» МУРОМЦЕВА И ГОЛОВИНА

Сергей Андреевич Муромцев и Федор Александрович Головин – яркие политические деятели, люди больших стремлений. Таких личностей, как правило, относят к элите. И весьма заслужено. Даже незначительные факты их биографии красноречиво подтверждают это.

С.А. Муромцев не случайный человек в политике и тем более не случайно оказался на позиции председателя первой Государственной Думы. Этот пост он во многом сумел занять благодаря своим личным качествам, знаниям, умением расположить к себе людей и повести их за собой.

В конце XIX, начале XX века люди из образованных и интеллигентных семей, а Муромцев, безусловно, был из таких, невольно размышляли о политике. Это было характерно и для семьи Ф.А. Головина. Поэтому родителям не приходилось выбирать для своих детей будущую профессию, большинство поступало на юридический факультет. Там учащимся давали знание о праве и политике. Отметим, что до 1917 года политика и право были нераздельными дисциплинами, а на юридических факультетах готовили молодых людей к гражданской государственной службе. Примечательно, что Муромцев не очень-то и хотел такой карьеры для себя. «С некоторого времени меня стал занимать вопрос о моей будущности, и я как-то чувствую, что я не совсем способен к государственной службе, что у меня гораздо больше склонности к кабинетным ученым занятиям» (ГАРФ. Фонд 575. Оп. 1. Д. 1. Л. 5), - об этом он писал двоюродному брату Владимиру. Через

пару лет Муромцев, как ему кажется, определяется со своим будущим: «Minimum через 6 лет я буду защищать диссертацию на степень магистра... А лет через 7 или 8, примерно сказать в 1877 г., начну читать лекции. А до тех пор буду жить без страстей и бурь, занимаясь и учась. Благодаря своей фантазии я уже представил себе картину первой моей лекции. Впрочем, фантазия была последовательна. Вслед затем она писала мне Высочайшее повеление об отставке за распространение либерализма» (ГАРФ. Фонд 575. Оп. 1. Д. 1. Л. 24).

По своим политическим взглядам Муромцев был западником. В ходе обучения в Московском университете серьезное влияние на Муромцева произвела элита отечественного государственоведения: С.М. Соловьев, В.И. Сергеевич, Н.И. Крылов.

Ф.А. Головин был из аристократического рода Гаврасов, известного с X века. Об академической жизни Головина особой информации нет. Известно лишь, что Головин окончил юридический факультет Московского университета в 1891. Кто, и какое влияние из преподавателей оказывал на студента, можно лишь догадываться. Объяснение этому дает один из биографических фактов, который Головин отразил в своих воспоминаниях: «Я боялся людей, был застенчив до крайности, краснел до слез часто без причины, боялся говорить в обществе и даже в своей семье, за что и получил прозвище "лицо без речей"» (Головин, 1959). Можно предположить, что фаворитами для Головина были С.Н. Трубецкой и П.В. Бахметьев. По крайней мере, эти две выдающиеся фамилии фигурируют в воспоминаниях Головина: «Я купил себе книгу "Памятная книга для уездного предводителя дворянства", сочинение князя Трубецкого, и по ней стал готовиться к каждому заседанию, на котором должен был председательствовать, а также постарался узнать, что мог от старого нашего предводителя П.В. Бахметьева, как следует себя держать на заседаниях и как их вести». Практически сразу после окончания университета Головин был удостоен хороших должностей: в 1896 году стал гласным московского губернского земства, в 1898 году его избрали членом московской губернской земской управы. Примерно в этот же период времени Ф.А. Головин подружился с С.А. Муромцевым, И.И. Петрункевичем, кн. С.Н. Трубецким.

Для того, чтобы составить политический портрет Головина, уместно обратить внимание на воспоминание Московского Губернатора В.Ф. Джунковского: «Не могу сказать, что мне было с ним очень трудно; нет, Ф.А. Головин был всегда очень корректен и благороден, и с ним всегда можно было сговориться. Но служащих губернского

земства он невольно распустил, так как не считал себя вправе вмешиваться в их политические взгляды, проявляемые ими не только на словах, но и на деле, он этим самым поощрял их в политиканстве в ущерб делам» (Гайда, 2018, стр. 515). Скромный и застенчивый Головин удачно шел по карьерной лестнице, приобретая либеральный политический вкус, который однозначно сформировался к 1904 году.

В итоге из скромного и застенчивого парня, которым Головин был в студенческие годы, он превратился в борца за справедливость. Былая нерешительность Головина канула в лету и на заре больших политических перемен будущий председатель второй Государственной Думы начинает открыто заявлять о своих политических позициях. Очень красноречивую оценку Головин дал октябрьскому манифесту, пишет исследователь Гайда: «"Правительство сделало старую ошибку: дало стране не все, что страна требует. Естественно, что вместо успокоения наступила анархия". Вместе с тем Головин отвергал позицию одного из лидеров умеренного меньшинства съезда А.И. Гучкова: "Гучков нас запугивает, что мы идем к анархии, диктатуре. Напротив, Гучков и его единомышленники ведут нас к анархии и диктатуре"» (Гайда, 2018, стр. 516).

Довольно интересно представляется и поведение профессора Муромцева. Оно совершенно противоположное поведению Головина. С самого начала преподавательской деятельности Муромцев выступал противником университетских преобразований, был против университетского устава 1883 г., который ограничивал университетские свободы. За такую позицию Муромцева из университета уволили. Долго без работы профессор не находился и практически сразу же подался в адвокаты. Характеристику адвокатской деятельности ученого очень точно дал М.М. Ковалевский: «Вскоре Сергей Александрович выделился из среды своих товарищей по адвокатуре не столько внешним даром слова, сколько глубоким знакомством с гражданским правом. Его деятельность сосредоточилась все более и более на консультациях» (Ковалевский, 2015, стр. 221). Благодаря адвокатской деятельности Муромцев приобрел всероссийскую известность, а чтобы до конца понять, каким честным и принципиальным человеком был Муромцев, стоит обратить внимание на позицию исследователя Томсинова: «Занимаясь адвокатской деятельностью более двух десятилетий, Муромцев так и не проникнулся адвокатским сознанием, адвокатской "моралью", с точки зрения которой, нравственным считается защищать перед судом не только человека праведного и правого в своих поступках, но и самого последнего злодея, самого отъявленного правонару-

шителя. Он совершенно искренне не понимал, как можно отстаивать заведомо неправильное положение» (Томсинов, 2007, стр. 46). Несмотря на то, что после ухода из университета Муромцев занялся адвокатской деятельностью, профессор не прекращал вести научные исследования в области юриспруденции.

При этом важно отметить, что Муромцев и Головин не только входили в Конституционно-демократическую партию, но и приняли участие в её создании.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МУРОМЦЕВА И ГОЛОВИНА И ИХ РАБОТА В ДУМЕ

Как уже было отмечено выше, свою элитарность Муромцев демонстрировал везде. Все, за что бы ни брался профессор и политический деятель, начинало играть красками. Ярким примером является начало работы первой Государственной Думы. Отмечу, что манифест Николая II разрешал создание Думы, но никто не понимал, как она будет работать. С первых же дней парламент столкнулся с отсутствием правил делопроизводства. Видимо предполагалось, что правила работы будут выработаны непосредственно в процессе деятельности Думы. Именно так и произошло. Всем было понятно, что депутаты тратили немало времени на организационные вопросы и зачастую заседания сводились к административной работе. Итогом административного поиска стало решение разработать (Наказ) регламент Думы. Данная работа велась и была доведена до конца благодаря Муромцеву, который являлся знатоком зарубежного парламентского права. Оформлена была эта работа в основательный «Наказ Государственной Думы» и представлена брошюрой объемом 32 страницы. Следует отметить и тот факт, что этот важный административный документ - дело рук либерального крыла Думы. А сам Муромцев, как пишет в своих воспоминаниях видный общественный деятель того времени М. Винавер, сказал ему следующее: «Конституция-то у нас будет, а вот когда будет Конституция, и парламент будет собран, люди съедутся, и никто не будет знать, куда сесть, куда встать. Не смейтесь, пожалуйста, если скажут вам, что я пишу уже для нашего будущего парламента и для этого изучаю все иностранные регламенты» (Винавер, 1911, стр. 252). Работа в этом направлении принесла свои плоды. Как отмечает исследователь А.Ф. Саврасов, «таким образом можно предположить, что проект Наказа был составлен... незадолго до начала деятельности первой Думы, а отпечатан – накануне или в первые дни работы Думы» (Саврасов, 2009, стр. 181).

Проект Наказа был разработан на основе заимствования регламентов иностранных парламентов. Из опыта регламентов французской палаты депутатов в России оказался полезным порядок прохождения законопроекта в Думе: сначала в комиссии, потом в общем собрании. Согласно проекту, подразумевалось создание комиссии законодательных предположений, которая занималась рассмотрением депутатских инициатив. Однако эта комиссия вызывала настороженность в том ключе, что она только замедлит доведение думских инициатив до конкретных законов.

Стоит отметить и тот факт, что после роспуска первой Думы Муромцев написал книгу, в которой изложил историю Думы и проект Наказа с собственными комментариями. При сопоставлении изначального проекта Наказа и опубликованного Муромцевым после роспуска Думы обнаруживаются существенные отличия. Важной отличительной особенностью этой книги является введение в текст регламента новой главы: «Порядок парламентского исследования». В единственном параграфе этой главы была отражена мысль о порядке действия комиссий: «учреждаемых для исследований каких-либо событий и, в частности, незакономерных действий должностных лиц определяется каждый раз особо, постановлениями Г. Думы» (Деятельность М.Я. Острогорского, 1906).

В Думах следующих созывов из Наказа Муромцева были исключены наиболее радикальные положения, даже в ущерб парламентским правам, но многие положения Наказа, разработанного Муромцевым, остались в третьей и четвертой Думе.

Сама же непосредственная работа Муромцева в Думе началась с довольно демократической и либеральной речи: «Совершается великое дело, воля народа получает свое выражение в форме правильного, постоянно действующего, на неотъемлемых законах основанного, законодательного учреждения. Великое дело налагает на нас и великий подвиг, призывает к великому труду. Пожелаем друг другу и самим себе, чтобы у всех нас достало сил для того, чтобы вынести его на своих плечах на благо избравшего нас народа, на благо Родины» (Карпович, 1995, стр. 36). Для Муромцева это были не просто слова. Прирожденный либерал, сторонник правового государства, серьезное внимание уделял воспитанию правосознания общества через публицистические издания: «усвоение которых требуется современным общественным состоянием России» (Юридический вестник. 1882. Кн. I. Приложения, стр. 5–6). Поясняя и объясняя людям суть и специфику права, ученый понимал, что только с помощью всеобщего просвеще-

ния можно добиться политических перемен, а элита должна этому способствовать и способствовала. Муромцев и его коллеги по юридическому обществу занимались разработкой будущих законов, которые основывались на эволюционном пути реформирования общества. Стоит обратить внимание и на замечание исследователя Л.П. Муромцевой, которая указывает на следующий факт: «В сотрудничестве с единомышленниками – юристами В.Ю. Скалоном и А.И. Чупровым – Сергей Андреевич весной 1880 г. подготовил "Записку о внутреннем состоянии России" и передал ее получившему от Александра II весьма широкие полномочия графу М.Т. Лорис-Меликову, на которого либералы первоначально возлагали большие надежды, требуя созыва общероссийского земского представительства и гарантий демократических свобод. Они прямо призывали верховную власть привлечь общественные круги к более широкому участию в государственной жизни, создав из представителей земств "особое самостоятельное совещание" с законосовещательными функциями» (Муромцева, 2010, стр. 268).

Довольно важным периодом жизни Муромцева, когда его знания, умения и навыки расцвели – является период 1905-1906 года. В этот период времени этот человек, безусловно, относившийся к элите, взялся за очень серьезную работу по написанию правовых формулировок нужных проектов законов. Авторский документ, который был представлен Муромцевым, являлся проектом Конституции. Особенно важно, что «этот документ стал теоретической основой последующего конституционного движения в России» (Кокошкин, 1911, стр. 213).

Конституционные предложения Муромцева были направлены на наполнение старых законов новым смыслом, где права личности становились высшими правами. «Проект изложен таким образом, – писал С.А. Муромцев, – что мог бы быть включен в Свод законов взамен ныне действующих статей 47–81 первой части первого тома, не затрагивая непосредственно остальных отделов ни первой, ни второй части первого тома Свода и предоставляя уже дальнейшему ходу законодательства дать то или другое выражение влиянию новых начал на старые части законодательства» (Медушевский, 1996, стр. 175). Следует обратить внимание и на этические нормы, которые депутат и председатель первой Государственной Думы продвигал в парламенте. Опытный юрист выступал за политику «чистых рук», некоторым он даже запомнился как человек жестокий, пунктуальный, «в последовательной, систематичной, ясной и красивой речи заставлял всех внимательно себя слушать и подчиняться его доводам» (Маклаков, 1991, стр. 68), - указывает В.А. Маклаков. С первого и до последнего дня работы

Думы Муромцев служил Отечеству не жалея себя: работал с десяти утра и до поздней ночи. Все воспоминания, которые связаны с работой первой Государственной Думы и лично её председателя весьма добродушные, подчеркивающие характер, в первую очередь, председателя. По словам историка и члена партии «Кадеты» А.А. Кизеветтера: «Свое дело Муромцев выполнял так превосходно, что все члены Думы без различия партий восхищались его председательствованием и признавали его своим общим вождем... Строгий, суровый, торжественный стоял он на своем месте и вел заседание твердо, в полном сознании правоты своих действий. Но, несмотря на его суровость, все члены первой Думы не только слушались его, но и сердечно любили его. Они все чувствовали, что Муромцеву Дума была дорога, потому что ему дорога была родина, для блага которой он пошел в Думу» (Кизеветтер, 1918, стр. 12-13).

Среди основных вопросов, которые поднимались в первой Государственной Думе стали: аграрный вопрос, ликвидация крестьянского малоземелья, отмена смертной казни, амнистия для политических заключенных, всеобщее равенство перед законом. Такие острые вопросы считали дни работы первой Государственной Думы. Причиной манифеста о роспуске Думы Николаем II стало то, что якобы вместо строительства правового государства Дума уклонилась в решение некомпетентных вопросов.

В знак протеста Муромцев и ряд депутатов подписали выборгское воззвание. В нем говорилось следующее: «Когда вы избирали нас своими представителями, вы поручили нам добиваться земли и воли. Исполняя ваше поручение и наш долг, мы составляли законы для обеспечения народу свободы, мы требовали удаления безответственных министров, которые, безнаказанно нарушая законы, подавляли свободу; но прежде всего мы желали издать закон о наделении землею трудящегося крестьянства путем обращения на этот предмет земель казенных, удельных, кабинетских, монастырских и церковных и принудительного отчуждения земель частновладельческих. Правительство признало такой закон недопустимым, а когда Дума еще раз настойчиво подтвердила свое решение о принудительном отчуждении, был объявлен роспуск народных представителей» (Политические партии и движения России, 2001, стр. 26). Вскоре власти привлекли к ответственности всех, кто подписал этот документ. Многих отстранили от работы в ВУЗах, кого-то отправили в тюрьму на несколько месяцев.

Скончался Муромцев от сердечного приступа в 1910 году. Самыми проникновенными словами, которые были провозглашены в некрологе о Муромцеве, можно считать речь Ф.Ф. Кокошкина, депутата первой Государственной Думы. «Сергей Андреевич Муромцев был явлением пророческим в нашей жизни. Он не только учил нас началам правового государства, но и предсказывал их осуществление, предсказывал не словами, нет, — но сам собою, своею личностью, всем существом своим. В те времена, когда самая мысль о народном представительстве в России казалась многим бредом, люди проникательные, видя его в Московской городской думе, в московском земстве, могли предугадать, что представительный строй близится к нам» (Обнинский, 1910, стр. 48).

Очень ценно и воспоминание Головина о Муромцеве, тем более, что Муромцев для Головина был не только учителем, но и самым настоящим кумиром. Довольно интересным представляется взгляд Головина относительно политической деятельности Муромцева, который он опубликовал в своих воспоминаниях. Муромцев, как пишет Головин, стремился к «"коренной реформе государственного строя, воплотить до республики", но отличался необыкновенной "умеренностью в тактике". Законник до мозга костей, — пишет Головин, — Муромцев всегда стремился к исключительно законным способам достигнуть изменения государственного строя и всегда являлся противником всего, что выходило из пределов законности» (Головин, 1933, стр. 141). Значило ли это, что Муромцев хотел отстранить от власти монарха, — непонятно. Возможно лишь ограничение императорской власти, если говорить о правовых тонкостях, присущих Муромцеву.

После подписания Выборгского воззвания вся элита Конституционно-демократической партии лишилась права участвовать в выборах. Ввиду этого партия выдвинула свои резервы, среди которых был Головин. Буквально с первых дней Председатель второй Государственной Думы показал, что готов действовать последовательно, но в привычной ему манере — осторожно. В своей вступительной речи перед депутатами он сказал следующее: «Несмотря на различные мнения, нас разделяющие, нас объединяет великая цель — осуществление на почве конституционной работы на благо страны. Стремясь к беспристрастному ведению прений и к охране свободы слова, я почту своим долгом неуклонно заботиться и о поддержании достоинства Думы. Мы все хорошо знаем, с каким нетерпением ожидает наша страна от Государственной думы облегчения своих тяжелых страданий. Прямой путь к осуществлению этой трудной задачи намечен Первой Государ-

ственной думой. Он останется таким же и в настоящее время. Проведение в жизнь конституционных начал, возведенных Манифестом 17 октября, и осуществление социального законодательства — таковы две великие задачи, поставленные на очередь Первой Государственной думой. Сделаем все, чтобы они были осуществлены Второй Государственной думой. Могуче народное представительство! Раз вызванное к жизни, оно не умрет. В единении с Монархом, оно неудержимо проявит и проведет в жизнь волю и мысль народа» (Цит. по: Гайда, 2018, Т.2. стр. 517). Головин был самостоятельной фигурой во втором парламенте и очень убедительно пытался направить деятельность Думы в то направление, для чего она была создана, — это подтверждают различные документы. Конечно, стоит оговориться, что Головин не предпринимал никаких необдуманных действий и, скорее всего, каждый свой шаг согласовывал с партийной элитой «Кадетов», которая и стояла за ним. Ощущая серьезную поддержку однопартийцев и ожидая серьезные перемены, Головин был однозначен, строг и не заигрывал с императорскими чиновниками. Пример непоколебимости и стойкости приводит и парламентский историк А.И. Каминка: «В учреждении государственной думы есть ст. 33, которая дает государственной думе право обращаться к министрам и главнокомандующим с запросами по поводу их незаконных действий, но нет статьи, которая давала бы права министрам делать запрос государственной думе или её председателю» (Каминка, 1907, стр. 67). Из этого следует, что как бы ни старался председатель министров повлиять на деятельность Думы, он встречал серьезный отпор. Пусть это и робкие шаги в ограничении произвола администрации, но они были сделаны весьма успешно. Важно обратить внимание и на специфику проведения заседаний в Думе. Головин не проявлял никаких симпатий к политическим партиям и держался весьма непосредственно. Не затыкал депутатов рты вовремя их высказываний, споров. На такую занимаемую позицию Головина во время жарких дискуссий обратил внимание депутат Познанский: «Дисциплинированная власть в собрании принадлежит председателю — и только ему. От него, стало быть, зависит принятие тех или других мер, и если закон её обуславливает постановлением думы, то только потому, что самая серьезность этой меры не позволяет отдать её в единоличное распоряжение председателя. Но очевидно, что если председатель не находит нужным воспользоваться своим правом и не предлагать собранию принять дисциплинарную меру, то совершенно недопустимо, чтобы собрание присвоило себе дисциплинарную власть» (Каминка, 1907, стр. 101). Еще один немало-

важный факт, который имеет место быть, – выборы Председателя Думы. Прошли они довольно спокойно без каких-либо дебатов и бурных обсуждений. Стоит вновь обратить внимание на замечание исследователя Каминки: «Если выборы председателя думы напомнили своими наиболее существенными чертами и прежде всего поразительной сплоченностью выборы первого председателя С.А. Муромцева, то этого сходства не было при выборах товарищей председателя и секретаря думы» (Каминка, 1907, стр. 111). Объяснить такое поведение можно пестротой Думы и не очень большим количеством депутатов от партии «Кадеты».

Работать тоже приходилось нелегко. Деятельность Думы находилась под пристальным вниманием Столыпина и очень серьезно все контролировалось. Сократилось во второй Думе и количество заседаний. Работа была крайне трудная из-за того, что никаких думских традиций еще не появилось, а равняться депутатам приходилось только на конституцию. Это не единственное препятствие, с которым пришлось столкнуться Думе, вся работа второго российского парламента была выстроена таким образом, чтобы обойти нападки властей и в этих условиях принять важные для страны законы, но это оказалось не очень просто. Вторая Дума, если так можно сказать, уверенно шла по следам первой. Проработала она 102 дня...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Благодаря председательству двух выдающихся фигур, первой и второй Думам все же удалось, пусть и не в полной мере, но повлиять на будущие политические изменения к лучшему. Главное, на что стоит обратить внимание, что первая и вторая Дума смогли выработать парламентскую традицию в проведении заседаний, обозначили важные пункты парламентской деятельности. Препятствовали единоначалию, открыто высказывали мнение большинства граждан, на несовершенство российской политической системы, разрабатывали проекты законов, которые пусть и через десятилетия, но удалось принять. Жертвуя собственными титулами, положением в обществе, элита боролась за права человека, принятие конституции. Муромцева и Головина нельзя считать кабинетными учеными, они «полевые ученые», которые стремились найти воплощение своим знаниям, полученным в Московском университете.

Несмотря на абсолютно разное поведение, детство, психологическую особенность, Муромцев был более раскрепощенным, знающим свои желания, умеющим ставить цели, другими словами, - человек

лидер. И Головин, довольно скромный, последовательный, неконфликтный, а именно – человек исполнитель, но они сумели сделать невозможное. Как полагает автор, в случае с Головиным это стало возможным, исходя из сильной любви к своему Отечеству, не безразличию к политическому будущему. Муромцев, несмотря на любовь к своей стране, все же любил славу, внимание, уважение, но, благодаря генетической честности, стремился сделать страну правовым государством. Сегодня мы знаем и понимаем, что в рамках одного поколения это сделать нелегко, особенно эволюционным путем. Само общество, как показывает история, было не готово.

Список литературы

- Винавер, М. М. (1911). Муромцев – адвокат и председатель Думы. В *Сергей Андреевич Муромцев: Сборник статей* (с. 252). Москва.
- Гайда, Ф. (2018). Федор Александрович Головин. В А. А. Кара-Мурза (Ред.), *Российский либерализм: Идеи и люди* (Т. 2, сс. 514–524). Москва: Новое издательство: XX век.
- Головин, Ф. А. (1933). Из записок Ф. А. Головина. *Красный архив*, (58), 141–148.
- Головин, Ф. А. (1959). Воспоминания Ф. А. Головина о II Государственной думе. *Исторический архив*, (6), 56–81.
- Государственный архив Российской Федерации. (n.d.). *Фонд 575. Оп. 1. Д. 1. Л. 5. Деятельность М.Я. Острогорского в первой Государственной Думе*. (1906). Санкт-Петербург: Типогр. – лит. Р.С. Вольпина.
- Из тронной речи Императора Николая II 27 апреля 1906 года. (2006, май 8). *Журнал «Коммерсантъ Власть»*, (18). Извлечено от <https://www.kommersant.ru/doc/671718>
- Каминка, А. И. (1907). *Вторая Государственная дума*. Санкт-Петербург: Типография «Общественная Польза».
- Карпович, В. Д. (1995). *Государственная Дума, 1906—1917. Стенографические отчеты. Т. 1*. Москва: Правовая культура.
- Кизеветтер, А. А. (1918). *Сергей Андреевич Муромцев. Председатель Первой Государственной Думы*. Москва.
- Кн. I. Приложения. (1882). *Юридический вестник*, 5–6.
- Ковалевский, М. М. (2015). *Моя жизнь: Воспоминания*. Москва: РОССПЭН.
- Кокошкин, Ф. Ф. (1911). С.А. Муромцев и земские съезды. В *Сергей Андреевич Муромцев. Сборник Статей* (сс. 205–250). Москва.
- Маклаков, В. А. (1991). *Вторая Государственная дума*. Лондон.

- Манифест об учреждении Государственной Думы 1905 года, августа 6. (2020). Извлечено от Гарант website: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3081/>
- Медушевский, А. Н. (1996). Конституционный проект С.А. Муромцева. В *Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.)* (с. 173–196). Москва.
- Муромцева, Л. П. (2010). Общественно-политическая деятельность С.А. Муромцева. *Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право»*, (14), 263–278.
- Обнинский, В. П. (1910). *Венок на могилу Сергея Андреевича Муромцева*. Москва: Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и Ко.
- Политические партии и движения России: Документы и материалы. Т. 1. Дооктябрьский период.* (2001). Москва: Издательство Московского университета.
- Саврасов, А. Ф. (2009). Первый проект Наказа (регламента) Государственной Думы России (1906-1917). *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*, (1), 180–184.
- Томсинов, В. А. (2007). *Российские правоведы XVIII—XX веков: Очерки жизни и творчества. В 2-х томах*. Москва: Зерцало.

References

- Activity of M.Y. Ostrogorsky in the first State Duma.* (1906). St. Petersburg: Typographer - R.S. Volpin's Lit.. (In Russian).
- Book I. Applications. (1882). *Law Bulletin*, 5–6. (In Russian).
- From the Throne Speech of Emperor Nicholas II on April 27, 1906. (2006, May 8). *Kommersant Vlast magazine*, (18). Retrieved from <https://www.kommersant.ru/doc/671718> (In Russian).
- Gaida, F. (2018). Fyodor Alexandrovich Golovin. In A. A. Kara-Murza (Ed.), *Russian Liberalism: Ideas and People* (Vol. 2, pp. 514–524). Moscow: New Publishing House: XX Century. (In Russian).
- Golovin, F. A. (1933). From the notes of F. A. Golovin. *Red Archive*, (58), 141–148. (In Russian).
- Golovin, F. A. (1959). Memories of F. A. Golovin about the Second State Duma. *Historical Archive*, (6), 56–81. (In Russian).
- Kaminka, A. I. (1907). *The Second State Duma*. St. Petersburg: Typography "Public Polza". (In Russian).
- Karpovich, V. D. (1995). *The State Duma, 1906-1917. Verbatim reports. Vol. 1*. Moscow: Law Culture. (In Russian).

- Kiesewetter, A. A. (1918). *Sergey Andreevich Muromtsev. Chairman of the First State Duma*. Moscow. (In Russian).
- Kokoshkin, F. F. (1911). S.A. Muromtsev and Zemstvo Congresses. In *Sergey Andreevich Muromtsev. Collection of Articles* (pp. 205–250). Moscow. (In Russian).
- Kovalevsky, M. M. (2015). *My Life: Memories*. Moscow: ROSSPEN. (In Russian).
- Maklakov, V. A. (1991). *The Second State Duma*. London. (In Russian).
- Manifesto on the Establishment of the State Duma, 1905, August 6. (2020). Retrieved from Garant website: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3081/> (In Russian).
- Medushevsky, A. N. (1996). S.A. Muromtsev's Constitutional Draft. In *Studies in Source Studies in Russian History (Before 1917)*. (pp. 173–196). Moscow. (In Russian).
- Muromtseva, L. P. (2010). Socio-political activities of S.A. Muromtsev. *Vestnik (Herald) of the Russian State University for the Humanities. Series "Economics. Management. Law"*, (14), 263–278. (In Russian).
- Obninsky, V. P. (1910). *Wreath on the grave of Sergey Andreevich Muromtsev*. Moscow: I.N. Kushnerev & Co.. (In Russian).
- Political Parties and Movements of Russia: Documents and Materials. Vol. 1. Pre-October period*. (2001). Moscow: Moscow University Press. (In Russian).
- Savrasov, A. F. (2009). The first draft of the Order (regulations) of the State Duma of Russia (1906-1917). *Vestnik Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, (1), 180–184. (In Russian).
- State Archive of the Russian Federation. (n.d.). *The Found 575. Inventory. 1. Case. 1. Sheet. 5*. (In Russian).
- Tomsinov, V. A. (2007). *Russian jurists of the 18th-20th centuries: Essays on life and work. In 2 volumes*. Moscow: Zertalo. (In Russian).
- Vinaver, M. M.. (1911). Muromtsev is a lawyer and chairman of the Duma. In *Sergey Andreevich Muromtsev: Collection of Articles* (p. 252). Moscow. (In Russian).

Политическая элитология

Political Elite Studies

POLITICAL ELITES AS A LEADING FACTOR IN COLOR REVOLUTIONS IN THE POST-SOVIET SPACE

Elena N. Maksimova (a)

(a) Sevastopol State University, Sevastopol, Russia. E-mail: astarta_05[at]mail.ru

Abstract

Color revolutions, which represent the format of crisis dynamics, had significant consequences for the political systems of the post-Soviet space. One of the leading factors that determined the outcome of color revolutions in the political systems of the post-Soviet space were political elites with their inherent qualitative characteristics and alignment in the political space. Within the framework of the study, a hypothesis is put forward that the political elites of the post-Soviet countries, in which color revolutions took place, have such qualities as confrontation; lack of consensus on policy implementation; confrontation of ideologically polar elite groups with ineffectiveness or weak effectiveness of the mechanisms for the transit of power. The research methodology is based on the comparative method, by means of which the characteristics of political elites in two groups of political systems of the post-Soviet space are compared. Comparison of the cases made it possible to confirm the hypothesis put forward and come to conclusions, when analyzing the first group, that political elites and their interactions have such characteristics as internal split, ideological polarization, fundamentally different vision of the prospects for the development of society, confrontation. In the second group – about the absence of significant splits in the political elites, the weak cohesion of the opposition forces - supporters of changes in the regime of power, as well as the lack of broad support for opposition sentiments in society and changes in the foreign policy vector of development.

Keywords

political system; color revolution; factors of color revolutions; crisis; instability; political elites; split of political elites; protest; comparative method; post-Soviet space.

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ КАК ВЕДУЩИЙ ФАКТОР ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Максимова Елена Николаевна (а)

(а) Севастопольский государственный университет. Севастополь, Россия.
E-mail: astarta_05[at]mail.ru

Аннотация

Цветные революции, представляющие собой формат кризисной динамики, имели существенные последствия для политических систем постсоветского пространства. Одним из ведущих факторов, определивших исход цветных революций в политических системах постсоветского пространства, стали политические элиты с присущими им качественными характеристиками и расстановкой в политическом пространстве. В рамках исследования выдвигается гипотеза о наличии у политических элит стран постсоветского пространства, в которых цветные революции состоялись, таких качеств как конфронтационность; отсутствие консенсуса в отношении реализации политического курса; противостояние идеологически полярных элитарных групп при неэффективности или слабой результативности механизмов транзита власти. В основу методологии исследования положен сравнительный метод, посредством которого сопоставляются характеристики политических элит в двух группах политических систем постсоветского пространства. В первую группу включены случаи, в которых в результате протестных акций произошла смена власти: Грузия (2003 г.), Украина (2004 г.), Киргизия (2005 г.), Молдова (2009 г.), Киргизия (2010 г.), Украина (2014 г.), Армения (2018 г.). Во вторую – случаи, в которых протестующие не добились смены власти: Беларусь (2006 г.), Армения (2008 г.), Беларусь (2010 г.), Россия (2011 – 2013 г.), Армения (2015 г.). Сравнение случаев позволило подтвердить выдвинутую гипотезу и прийти к выводам, при анализе первой группы, о наличии у политических элит и их взаимодействиях таких характеристик как внутренний раскол, поляризация по идеологическому принципу, принципиально различное видение перспектив развития общества, конфронтация. Во второй группе – об отсутствии существенных расколов политических элит, слабой сплоченности оппозиционных сил – сторонников изменения режима власти, а также отсутствии широкой поддержки оппозиционных настроений в обществе и изменения внешнеполитического вектора развития. Данное исследование подчеркивает актуальность и необходимость дальнейшей разработки проблематики элит в политических системах постсоветского пространства.

Ключевые слова

политическая система; цветная революция; факторы цветных революций; кризис; нестабильность; политические элиты; раскол политических элит; протест; сравнительный метод; постсоветское пространство.

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Исследования факторов устойчивости политической системы, особенностей кризисной динамики и различных проявлений политической нестабильности продолжают оставаться актуальными как для политической науки, так и для политической практики современного общества. В частности, политические процессы с кризисными чертами и проявлениями нестабильности остаются достаточно распространенным явлением постсоветского пространства. В связи с этим представляется значимым изучение в контексте постсоветского пространства протестных акций, которые были направлены на смену политической власти и режима власти в целом. Протесты, получившие название цветных революций и состоявшиеся в ряде политических систем, в некоторых не по одному разу, либо приводили, либо не приводили к смене власти. Исход протестов в политических системах был обусловлен многими факторами: социально-экономическими, внутреннеполитическими и внешнеполитическими.

Социально-экономические факторы, как правило, являются базовыми при любого рода протестах, они есть движущая сила, но сами по себе данные факторы не определяют исход протестных акций. Многие переходные общества сталкиваются с экономическими и социальными проблемами, их функционирование не отличается высокой эффективностью, тем не менее, не везде протестная активность выливается в требования смены власти. Как показывает практика, ведущие факторы цветных революций имеют политический характер. В этом отношении представляет интерес подход зарубежных исследователей Д. О'Бичейн, А. Полез и др. Исследуя факторы цветных революций, авторы акцентируют внимание на политических предпосылках данного явления и приходят к выводу, что исход цветных революций во многом определялся такими факторами как отношения внутри политической элиты, единство и потенциал оппозиции, роль внешних сил, потенциал негосударственных субъектов к участию в политической борьбе и отношение населения (O'Beachain & Polese, 2011, P. 113).

Очевидно, что политическим элитам в совокупности политических факторов отводится ведущая роль, впрочем такую же роль политические элиты играют в политических системах. Разработка стратегии развития общества, реализация политического курса, мобилизация ресурсов и поддержки населения – это лишь небольшая часть перечня функций политических элит в обществе. В условиях кризиса и нарастания его динамики функциональная нагрузка политических элит становится еще более разнообразной. Развитие кризисных ситуаций, а

также выход из них, во многом определяется целями, действиями политических элит; отношениями между группами элит, наличием / отсутствием консенсуса по поводу путей выхода их кризиса; характером правящих элит и контрэлит.

МЕТОДОЛОГИЯ

Анализируя политические проблемы, возникающие на постсоветском пространстве, с уверенностью можно утверждать, что цветные революции стали вызовом правящим политическим элитам, своеобразной проверкой на прочность политических систем, второй попыткой демократического транзита, преимущественно навязанного западными политическими акторами. Как отмечалось, исход у протестных акций был различным и определялся он, по мнению автора, той или иной расстановкой элитарных групп и их характером. Таким образом, *гипотеза* данного исследования может быть сформулирована следующим образом: «Политические элиты стран постсоветского пространства, в которых цветные революции состоялись, характеризовались такими качествами как конфронтационность; отсутствие консенсуса в отношении реализации политического курса; противостояние идеологически полярных элитарных групп при неэффективности или слабой результативности механизмов транзита власти».

Таким образом, *целью* статьи является определение характеристик и качеств политических элит как ведущего фактора цветных революций на постсоветском пространстве. Ключевым методом исследования выступает сравнительный метод. Достижение цели исследования видится посредством решения двух *задач*. Во-первых, необходимо осуществить верификацию выдвинутой гипотезы посредством сравнительного анализа конфигурации элитарных групп на момент начала протестных акций в политических системах, в которых произошла смена власти в ходе цветных революций, т.е. проверить, характеризовались ли политические элиты и их отношения качествами, выдвинутыми в гипотезе. Во-вторых, проверить наличие данных качеств у элит в политических системах, в которых цветные революции не состоялись, таким образом осуществляя фальсификацию гипотезы.

Основу *методологии* предложенного исследования составляет сравнительный метод, неоднократно подтвердивший свою эффективность в таких исследованиях, когда в качестве объектов сравнения выступают отдельные страны, их политические системы. В качестве единиц сравнительного исследования рассмотрим случаи цветных революций, разделив их предварительно на две группы. В первую группу

включим случаи, в которых в результате протестных акций произошла смена власти: Грузия (2003 г.), Украина (2004 г.), Киргизия (2005 г.), Молдова (2009 г.), Киргизия (2010 г.), Украина (2014 г.), Армения (2018 г.). Во вторую – случаи, в которых протестующие не добились смены власти: Беларусь (2006 г.), Армения (2008 г.), Беларусь (2010 г.), Россия (2011 – 2013 г.), Армения (2015 г.). Обращаясь к выделенным случаям, дадим качественные характеристики политических элит, а также оценим расстановку элитарных групп на момент начала протестных акций в каждом из рассматриваемых случаев.

ЦВЕТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

На постсоветском пространстве первый случай цветной революции состоялся в Грузии в 2003 г. («Революция роз»). На тот момент в Грузии фактически любой процесс передачи власти сопровождался кризисом, а политические элиты как основные акторы политических действий выступали источником дестабилизации. Революционность была свойственна транзиту политической власти постсоветской Грузии, начиная с прихода к власти «Круглого стола» с З. Гамсахурдиа. Падение правительства З. Гамсахурдиа и приход к власти Э. Шеварднадзе, а затем и приход к власти М. Саакашвили характеризовались аналогичными чертами. С приходом к власти З. Гамсахурдиа основными критериями рекрутирования элит провозглашались диссидентское прошлое и национальность. Новая элита не обладала качествами, необходимыми для осуществления государственного управления и была вскоре смещена прошлой номенклатурой и умеренными силами национального движения, выступившими единым фронтом. В дальнейшем последовало возвращение Э. Шеварднадзе из Москвы в Грузию.

Политические институты система управления в период правления Э. Шеварднадзе формально демонстрировали фасад современной государственности, но на практике не отвечали ни критерию демократии, ни критерию эффективности управления. Фактически за фасадом государственности функционировала персонифицированная система Э. Шеварднадзе, представляющая собой неформальную сеть, обслуживающую интересы старой номенклатуры, основанной на клиентелизме и коррупции. Противники существующей системы власти объединились вокруг молодой политической элиты во главе с М. Саакашвили, Н. Бурджанадзе и З. Жвания. Оппозиционная элита задействовала значительные финансовые и политические ресурсы, в свою оче-

редь правящая элита не выдержала давления и сдала позиции без сопротивления.

«Подрастающее поколение политиков совершило революцию, используя народное недовольство режимом Э. Шеварднадзе на фоне его системного кризиса. Мирному течению «Революции роз» содействовали не только слабость власти, но и взрыхленная демократическими реформами почва, а также относительная свобода СМИ, позволившая оппозиции использовать телевизионный канал «Рустави-2» и многие газеты для дискредитации правящего режима... Младореформаторы, обделенные властью пытались убрать с политической арены партократию. В политическом плане проблема «отцов и детей» предстала как борьба за новую демократическую систему, как завершение трансформации прежней коммунистической системы и освобождение ее от обломков. В этом отношении младореформаторы волей судьбы выступили в роли разрушителей, хотя провозглашали задачи созидания нового общества» (Сулаберидзе, 2007, стр. 85-86).

«Оранжевая революция» в Украине (2004 г.) продемонстрировала существование высокого конфронтационного потенциала внутри политических элит, а также поляризацию идеологических установок элитных групп. Внутри элитный конфликт обозначился задолго до 2004 г., когда в 2000 г. стартовала акция «Украина без Кучмы». Формальной причиной акции стало обнародование лидером Соцпартии (СПУ) А. Морозом в Верховной Раде «пленок Мельниченко», которые свидетельствовали о возможной причастности президента Л. Кучмы к исчезновению в сентябре 2000 г. журналиста Г. Гонгадзе. Несмотря на разрозненность оппозиции акция была поддержана идеологически различными политическими партиями и объединениями, от левых (социалистов) до крайне правых (националистов), хотя и немногочисленными в количественном плане.

К очередным президентским выборам 2004 г. оппозиционные элиты оформились организационно и добились определенной консолидации. Раскол политических элит структурировался преимущественно по внешнеполитическому критерию, сформировалось два противоборствующих лагеря: пророссийский и прозападный. Поляризация элитных групп стала очевидной, а Оранжевая революция явилась точкой бифуркации в развитии политической системы Украины. К этому моменту в противостояние были вовлечены значительные группы населения, разделив украинское общество на сторонников и противников В. Ющенко и В. Януковича. Протестные акции в Украине были инициированы сторонниками В. Ющенко, кандидата от оппозиции на президентских выборах в ноябре-декабре 2004 г. Началом

«Оранжевой революции» считают акцию протеста после объявления Центральной избирательной комиссией (ЦИК) предварительных результатов, согласно которым победил его соперник от власти – В. Янукович. Впоследствии Верховный суд Украины констатировал факты нарушений в процедуре голосования и подсчета голосов избирателей, отменил постановление ЦИК о результатах выборов и обязал ее снова провести повторный тур голосования. Участникам протестов удалось вынудить власти Украины дожидаться решения Верховного суда и на его основе провести повторный тур голосования на президентских выборах. В результате повторного голосования победу одержал В. Ющенко.

Смена политического режима спровоцировала перманентное реформирование политической системы и борьбу элитных группировок, дестабилизацию в функционировании ветвей власти. Активизировались противоречия политических элит по важным аспектам реформирования в экономической, гуманитарной и внешнеполитической сферах. Это наложило определенный отпечаток на восприятие обществом будущих путей развития Украины и углубило ценностно мировоззренческое расслоение. В свою очередь, социальные ожидания, связанные со сменой власти, обусловили вспышку гражданской активности населения. Обнажилась неспособность формальных норм самостоятельно служить правовым полем решения острых социально-политических конфликтов, что обычно ведет к политической нестабильности и усилению агрессивной конфронтации (Резник, 2009, стр. 101).

В 2013 г. произошло повторение «революционного» сценария в Украине (Евромайдан), но реализованного более жестко и категорично. Раскол политических элит был глубже, чем в 2004 г., хотя и не был связан с электоральными процедурами. В основе конфликта лежало различное видение правящей элитой и оппозицией перспектив внешнеполитического курса Украины. Правящая элита приостановила соглашение об ассоциации с ЕС, в то время как оппозиционные элиты считали данное направление приоритетом политики. Оппозиция инициировала протесты, в которые первоначально было вовлечена молодежь. Позднее протестные акции приобрели широкий масштаб, и противостояние вылилось в насилие, в результате которого погибло более 100 человек (Максимова, 2019, стр. 31).

Третья цветная революция постсоветского пространства состоялась в Киргизии в 2005 г. и была названа «Тюльпановой революцией». Почва для протестов была подготовлена разросшейся сетью неправи-

тельствственных центров, которые оказывали финансовую помощь и информационную поддержку киргизской оппозиции, представляющей собой конгломерат идеологически разрозненных партий. Однако общей чертой данных политических объединений было неприятие режима А. Акаева. Позднее оппозиция объединилась, создав Координационный совет народного единства, который был возглавлен К. Бакиевым. Выступления протестующих характеризовались высокой активностью, что привело к столкновениям с полицией.

Как и в Украине, в Киргизии произошло повторение сценария цветной революции в 2010 г. («Дынная революция»), но в привязке к началу очередного электорального цикла. С 2007 г. в политической системе Киргизии наблюдался рост авторитарных тенденций, в новой правящей элите, пришедшей к власти посредством революционного сценария, стал назревать раскол. К весне 2010 г. состоялась консолидация антипрезидентского лагеря. На Народном курултае оппозиции был создан координирующий орган будущей «революции» – Центральный исполнительный комитет, который возглавила участница «Тюльпановой революции», лидер Социал-демократической партии Кыргызстана Р. Отунбаева. Уровень радикализма и насилия во второй революции был выше, хотя в акциях участвовало меньшее количество людей, но по данным, погибшими числится более 100 человек.

В 2009 г. очередная цветная революция вспыхнула в Молдове. Поводом к протестам послужили парламентские выборы, в результате которых победу одержала Партия коммунистов Молдовы. Либеральная прозападная оппозиция объявила о фальсификации результатов выборов и возглавила протестные акции, которые из мирных собраний переросли в массовые беспорядки. Оппозиционные силы собрали людей на главной площади столицы и переместились сторону президентской резиденции и здания парламента, которые в итоге были разгромлены. В ходе беспорядков было арестовано несколько сотен человек, ранения получили около 50 демонстрантов и 270 сотрудников полиции, один демонстрант скончался, как считается, в результате избиения силовиками. Протестные акции привели к пересчёту голосов, в результате которого было подтверждено количество полученных голосов, но при этом не доставало одного мандата для избрания президента. Другие партии бойкотировали выборы, поэтому были назначены новые выборы, в результате которых коммунисты потеряли большинство в парламенте.

ЦВЕТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ В ДЕЙСТВИИ

Рассмотренные случаи цветных революций на постсоветском пространстве, в которых состоялась смена власти, демонстрируют не только особую роль политических элит в данных процессах, а также наличие некоторых общих качественных характеристик политических элит. Во всех случаях пространство взаимодействия политических элит было деформировано расколами, непримиримыми позициями в отношении дальнейших путей развития общества и функционирования политической системы. Для подтверждения выдвинутой гипотезы необходимо также рассмотреть случаи несостоявшихся цветных революций на постсоветском пространстве, которые были выделены в отдельную группу. В данную группу включены в хронологическом порядке Беларусь, Армения и Россия.

Первая попытка цветной революции в Беларуси («Васильковская революция») была предпринята в 2006 г., когда А. Лукашенко победил в первом туре президентских выборов. Наряду с действующим президентом в выборах участвовали председатель Либерально-демократической партии С. Гайдукевич, бывший ректор БГУ А. Козулин и лидер объединенных демократических сил, бывший вице-мэр Гродно А. Милинкевич. По результатам голосования А. Лукашенко получил 82,6 % голосов. Несмотря на столь высокий уровень поддержки президента на протестные акции вышли сторонники оппозиции с требованием проведения новых выборов. Предпринятая попытка соответствовала логике отработанных на постсоветском пространстве сценариев цветных революций, но не состоялась в силу малочисленности и разрозненности оппозиции и поддержки обществом власти. На следующие президентские выборы 2010 г. оппозиционные силы готовили уже не столько акции протеста, сколько массовые беспорядки. Власть обвинялась в фальсификации выборов, демонстранты попытались взять штурмом здание правительства, в результате беспорядки были подавлены внутренними войсками.

Несостоявшиеся цветные сценарии в Беларуси объясняют различными причинами, действительно исход любой ситуации определяется факторами на нее воздействующими. Очевидна малочисленность оппозиции и ее слабая поддержка среди населения, готовность власти действовать организованно в том числе с использованием внутренних войск, более жесткий контроль зарубежных неправительственных организаций с последующим блокированием их инициатив по финансированию и организации протестов. Однако устойчивость, которую продемонстрировала политическая система Беларуси, связана с отсут-

ствием раскола элит. В политическом пространстве были представлены немногочисленные группы, претендующие на роль оппозиционной элиты и выступающие против персонифицированного режима А. Лукашенко, но они ориентированы на представительство интересов узкого слоя. Идеологически оппозиционные группы заинтересованы в реализации прозападного вектора развития. Относительно высокую монолитность политической элиты обеспечивает режим власти А. Лукашенко. Этому также способствует слабость партийных элит, поскольку политические партии не пользуются широкой поддержкой населения. Таким образом, монолитность политической элиты, отсутствие на тот момент открытой конфронтации между группами элит, позволили политической системе устоять. В то же время нет полной определенности с политической ситуацией в Беларуси, сложившейся после очередных президентских выборов в августе 2020 г. На данный момент в протестные акции включены более широкие слои населения, преимущественно молодежь, и угрозы стабильности политической системе становятся все более явными. Так или иначе, в ближайшее время необходимость в транзите власти возникнет, но характеристики новых политических элит и контуры политической системы неопределенны.

Следующая попытка цветной революции на постсоветском пространстве состоялась в Армении в феврале 2008 г. Как и в других случаях, протестные акции стали ответом на результаты президентских выборов, оглашенные ЦИК Армении. По итогам С. Саркисян получил поддержку 52,8% голосов избирателей, а Л. Тер-Петросян – 21,5% голосов. Акции протестов при поддержке западных правозащитных организаций продолжались вплоть до 1 марта 2008 г., когда в столицу прибыли войска и был введен режим чрезвычайного положения. Протесты и массовые беспорядки были подавлены, лидер оппозиции признал поражение.

Новые организованные массовые протесты в Армении вспыхнули в 2015 г. и получили название – «Революция розеток». Причиной массовых протестов стал рост тарифов на электроэнергию. Однако в ходе митингов поднимается вопрос о смене власти и ненужности пророссийского курса Армении. Несмотря на некоторые уступки власти, в частности, в вопросе компенсаций малоимущим семьям в связи с подорожанием электроэнергии, протесты окончены не были. В итоге протестующие были разогнаны правоохранительными органами.

Исход цветных революций был обусловлен не только силовыми решениями власти, но и отсутствием системной оппозиции. Как отмечает А. Искандарян, в парламенте, избранном в 2007 г., наибольшее

количество мест занимала правящая Республиканская партия, представляющая собой объединение чиновников и аффилированных с ними бизнесменов. Однако в систему коалиции были вписаны еще две партии – «Прорывающая Армения» и «Страна законности». Обе партии не имеют выраженной идеологии, а представляют собой партии одного лидера. Из парламентских партий лишь партия «Дашнакцутюн» (Армянская революционная федерация), созданная еще в конце XIX века, не является персонифицированной клиентелой. Оппозицию в парламенте представляла миноритарная партия «Наследие», без отчетливой идеологической платформы; в ее основе было неприятие действовавшей политической системы (Искандарян, 2011, стр. 25). Внепарламентская оппозиция того периода имела формализованный центр – Армянский национальный конгресс во главе со смещенным в 1998 г. первым президентом Армении Л. Тер-Петросяном.

Как видим, раскола политической элиты и жесткой конфронтации на момент попытки цветной революции 2008 г. в Армении не было, но к 2015 г. ситуация начинает меняться, когда президент Армении С. Саргсян провёл референдум по принятию поправок в Конституцию. Согласно принятым поправкам, фактическим главой государства становился не президент, а премьер-министр. С. Саргсян обещал, что делает это не для себя и больше не будет ни президентом, ни премьером. Тем не менее, в апреле 2018 г. Национальное собрание Армении выбрало С. Саргсяна новым премьер-министром. В результате протестов, прошедших по всей стране с 13 апреля по 8 мая 2018 г., С. Саргсян подал в отставку, новым премьером стал лидер «Революции любви» Никол Пашинян.

Последняя из цветных революций на постсоветском пространстве стала возможной, не в последнюю очередь, вследствие изменения расстановки политических элит и усиления сторонников прозападного внешнеполитического вектора, которые получили позиции в парламенте, силовых ведомствах и ведущих СМИ. С. Саргсян оказался в блокаде, когда единственным приемлемым вариантом осталась отставка.

В России попытка реализации сценария цветной революции пришлось на конец 2011 г.. Серия протестных акций, имевших место в период 2011-2013 гг. в России, получила название «Болотной революции», когда после выборов в Государственную Думу на Болотной площади в Москве состоялся массовый митинг. Результаты выборов показали некоторый спад поддержки «Единой России» и рост поддержки левых и правых политических партий. На этом фоне оппози-

ционные силы заявили о фальсификации итогов выборов со стороны правящей партии в результате использования ею административного ресурса. Митинги и шествия проходили в различных городах России вплоть до середины 2013 г. Основные цели протестующих в ходе массовых митингов достигнуты не были, многие лидеры несистемной оппозиции подверглись административному и уголовному преследованию за организацию беспорядков. Оппозиционные протесты не получили массовой поддержки в обществе, а последствия других цветных революций, состоявшихся на постсоветском пространстве, вызвали настороженность не только у правящей политической элиты, но и у населения.

Российская политическая система не испытала на себе существенной дестабилизации в силу отсутствия идеологических расколов политических элит. Следует отметить, что российские политические элиты не в такой степени монолитны как политическая элита Беларуси. В российском политическом спектре представлены носители различных идеологических установок, хотя их политический вес и возможность политического влияния неодинаковы. В то же время разногласия политических элит касаются преимущественно путей решения актуальных проблем внутренней политики, в вопросах внешнеполитического курса существенных противоречий в среде правящей элиты и системной оппозиции не прослеживается. Диаметрально противоположными в отношении проводимого политического курса являются позиции политических партий и объединений, участвующих в реализации революционных сценариев. Участники подобных акций транслируют интересы отдельных групп населения, но данные группы не велики.

В перспективе вопросы качеств и взаимоотношений политических элит станут более актуализированными в России. Обновление политических элит системной оппозиции осуществляется медленными темпами, а политические партии, представляемые ими, нуждаются в ребрендинге. Это свидетельствует о кризисных тенденциях развития партийных институтов. Усиление, в частности, политических партий – носителей левых идеологических установок, позволило бы уравновесить политический спектр с доминирующей на данный момент правящей партией и предложить избирателям альтернативный «уличным революциям» политический сценарий, который корректировал бы реализацию внутренней политики, но кардинально не менял внешнеполитический вектор развития России.

ВЫВОДЫ

В рамках сравнительного исследования случаев цветных революций, завершившихся, либо незавершившихся сменой власти, было получено подтверждение выдвинутой гипотезы о взаимосвязи качественных характеристик элит и исходах цветных революций. В случаях состоявшихся цветных революций политические элиты и их взаимодействия характеризовались следующими качествами: а) внутренним расколом; б) поляризацией по идеологическому принципу; в) принципиально различным видением перспектив развития общества; г) конфронтацией. Завершенный раскол политических элит и высокий уровень их конфронтации наблюдался в случаях цветных революций в Грузии и Украине. Этот раскол был связан с различным видением политического курса страны, в частности, внешнеполитической ориентацией в перспективе. Здесь отчетливо прослеживается влияние геополитического фактора, когда раскол между политическими элитами произошел в результате их поляризации на сторонников пророссийского и прозападного вектора во внешней политике. Повторные случаи цветных революций на постсоветском пространстве были связаны с ростом кризисной динамики политической системы и серьезными социально-экономическими последствиями для общества.

Случаи несостоявшихся цветных революций позволяют сделать выводы о более высоком запасе прочности политических систем на момент их попыток. Более того в данных политических системах не фиксировался раскол политических элит, отсутствовала сплоченность оппозиционных сил – сторонников изменения режима власти, а также отсутствовала существенная поддержка оппозиционных настроений в обществе и изменения внешнеполитического вектора развития. Однако ситуации политической нестабильности характеризуются высокой динамичностью и ставят перед правящими политическими элитами задачи управляемости системы и поиска оптимальных механизмов взаимодействия с оппозиционными политическими элитами.

Список литературы

- Polese, A., & Beacháin, D. Ó. (2011). The Color Revolution virus and authoritarian antidotes: Political protest and regime counterattacks in Post-Communist spaces. *Demokratizatsiya*, 19(2), 111–132.
- Искандарян, А. (2011). Армения между автократией и полиархией. *Pro et contra*, (3–4), 19–28.

- Максимова, Е. Н. (2019). Предпосылки «цветных революций»: Сравнительный анализ. *Вестник Московского Университета. Серия 12: Политические Науки*, (2).
- Резник, А. (2009). Динамика факторов протестных практик населения Украины. *Социология: теория, методы, маркетинг*, (3), 100–125.
- Сулаберидзе, Ю. (2007). К характеристике "революции роз": Природа политического раскола. *Центральная Азия и Кавказ*, (1), 85–99.

References

- Polese, A., & Beacháin, D. Ó. (2011). The Color Revolution virus and authoritarian antidotes: Political protest and regime counterattacks in Post-Communist spaces. *Demokratizatsiya*, 19(2), 111–132.
- Iskandaryan, A. (2011). Armenia Between Autocracy and Polyarchy. *Pro et contra*, (3–4), 19–28. (In Russian).
- Maximova, E. N. (2019). Prerequisites for "color revolutions: A Comparative Analysis. *Bulletin of the Moscow University. Series 12: Political Studies*, (2). (In Russian).
- Reznik, A. (2009). Dynamics of Protest Practices Factors of the Ukrainian Population. *Sociology: Theory, Methods, and Marketing*, (3), 100–125. (In Russian).
- Sulaberidze, Yu. (2007). Toward Characterizing the Rose Revolution: The Nature of the Political Divide. *Central Asia and the Caucasus*, (1), 85–99. (In Russian).

SCIENTIFIC ELITE: EXPERIENCE IN FORMAL AND CONCEPTUAL MODELING

Irina S. Klimenko (a)

(a) North Caucasus Federal University. Pyatigorsk, Russia. E-mail: iskl[at]bk.ru
ORCID 0000-0002-8524-6119

Abstract

The elite system, as an attribute of a modern high-tech society, is formed according to well-defined rules and in accordance with certain norms. Mechanisms of interaction in the "Elita-community" pair, selection rules are of interest for research as factors that can and should be formalized. The process of elite formation can be considered regulated only if these rules and regulations are transparent, adequate to the goals of forming an elite group, coherent and relevant. The article examines formal models of elite groups, which define the main attributes of the scientific elite, shows the mechanisms of elite replenishment and protection from degradation. The interest in this issue is due to the variety of forms of elite groups (scientific, military, political, etc.), the insufficiently correct definition of the composition and structure of the evaluation indicators that are used for selection to the elite group, and the lack of effective algorithms for selecting elements to the elite. Based on the study of the mechanisms of formation of elite groups, the features of the elite as an object of formal modeling are revealed. The analysis of the identified features allowed us to lay the foundations of the author's system of classification of elite groups, to determine the main system-forming features of the elite located at a specific level of the hierarchy and their corresponding parameters; conditions for the transition to a higher level.

Keywords

evaluation indicator; elite; community; procedures for forming elite groups; modeling; hierarchical classification of elite groups

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

НАУЧНАЯ ЭЛИТА: ОПЫТ ФОРМАЛЬНО - КОНЦЕПТУАЛЬНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

Клименко Ирина Сергеевна (а)

(а) Северо-Кавказский федеральный университет. Пятигорск, Россия. E-mail: iskl[at]bk.ru
ORCID 0000-0002-8524-6119

Аннотация

Элитная система, как атрибут современного высокотехнологичного общества формируется по вполне определенным правилам и в соответствии с некоторыми нормами. Механизмы взаимодействия в паре «элита-сообщество», правила отбора представляют интерес для исследования как факторы, который могут и должны быть формализованы. Процесс формирования элиты можно будет считать регулируемым только в том случае, если эти правила и нормы будут прозрачны, адекватны целям формирования элитной группы, ингерентны и релевантны. В статье исследуются формальные модели элитных групп, в которых определены основные атрибутивные признаки научной элиты, показаны механизмы пополнения элиты и защиты ее от деградации. Интерес к данной проблематике обусловлен разнообразием форм элитных групп (научная, военная, политическая и т.д.), недостаточно корректным определением состава и структуры оценочных показателей, по которым происходит отбор в элитную группу; отсутствием эффективных алгоритмов отбора элементов в элиту. На основе изучения механизмов формирования элитных групп выявлены особенности элиты, как объекта формального моделирования. Анализ выявленных особенностей позволил заложить основы авторской системы классификации элитных групп, определить основные системообразующие признаки элиты, находящейся на конкретном уровне иерархии и соответствующие им параметры; условия перехода на более высокий уровень.

Формальные модели, разработанные автором, могут быть использованы для расширения рамок теории управления сложными социально-экономическими системами; прикладной аспект исследования представляет интерес для разработки действенных инструментальных средств создания научной элиты и защиты ее от деградации.

Ключевые слова

оценочный показатель; элита; сообщество; процедуры формирования элитных групп; моделирование; иерархическая классификация элитных групп

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Современные междисциплинарные исследования процессов социально-политического управления обществом, оснований для дифференциации общества, критериев и правомерности разделения на группы носят, как правило, констатирующий характер. Несмотря на то, что в отечественной и зарубежной науке заложены основы углубленного исследования процессов формирования элитных групп, сложность и полиморфность элиты как явления и процессов ее формирования, на процессы трансформации, происходящие в проблемном поле элитологии, возрастающая роль элиты во всех сферах жизни, концентрация материальных и административных ресурсов в руках элитных групп требует новых подходов к изучению элиты, как феномена. Интерес к элите и проблемам, связанным с ее формированием, обусловлен стремлением к познанию сущности процессов дифференциации, происходящих в обществе, при этом особое внимание уделяется вопросам образования, функционирования и эффективности научной элиты общества в силу ее отличия от других элитных групп.

Эволюция теорий формирования элитных групп от классических концепций В. Парето (Парето, 1996; 2004) и Г. Моска (Моска, 1994) до современных идей (Савельев, 1995; Дука, 2005; Орех, 2007) как объект исследования, представляет интерес не только для историков, политологов и социологов. Системный анализ и инструментальные средства формального моделирования дают возможность на основе теории и практики создания элитных групп провести классификацию современных моделей элитных групп, обозначить основные признаки научной элиты, определить инструментальные средства повышения качества элиты. Актуальность исследования обусловлена возрастающей потребностью дальнейшей, углубленной разработки моделей элитных групп; механизмов отбора в элиту и состоит в определении нового подхода к классификации элитных групп, обосновании целесообразности использования методов моделирования для определения количественных и качественных характеристик элитной группы. Предлагаемый подход позволяет формализовать критерии формирования элиты; использовать управляемые механизмы ее формирования; прогнозировать процессы развития. Необходимость формальной интерпретации процессов зарождения и пополнения научной элиты, разработки моделей и алгоритмов определения роли и места научной элиты в современном обществе обусловлена возрастающей потребностью самоопределения научного сообщества в целях, позиции и ситуации.

Цель исследования – анализ существующих теоретических подходов и инструментальных средств формирования элитных групп; обоснование целесообразности формального моделирования как метода, создающего условия идентификации, классификации и систематизации элитных групп; разработка формальных моделей.

МЕТОДОЛОГИЯ

Объектом исследования являются процессы дифференциации общества, которые приводят к появлению элиты; отличительные признаки элиты.

Предмет исследования: модели элитных групп, качественные и количественные характеристики элитных групп, принципы отбора и механизм формирования элитных групп.

В соответствии с поставленной целью в процессе исследования были поставлены и решены следующие задачи: обобщены теоретико-методологические подходы к формированию элиты; выполнен анализ основных закономерностей в различных подходах к определению принципов и критериев отбора в элитную группу; разработан и предложен авторский подход к моделированию и классификации элитных групп.

Исследование проводилось на основе положений теории систем, теории управления и концептуальных основ элитологии. Для решения поставленных задач применялись методы системного и функционального анализа, общенаучные методы наблюдения, сравнительного анализа, методы экспертной оценки и моделирования. Изучение, систематизация, сравнительный анализ результатов теоретических и прикладных исследований по проблемам возникновения элитных групп, анализ эмпирических и фактологических материалов, отражающих социальные, функциональные, региональные особенности элиты позволили сформировать идею о целесообразности применения методов формализации к построению концептуальных моделей элиты, инвариантных по отношению к предметной области. Системность в определении качественных и количественных характеристик, обеспечиваемая таким подходом, позволит проводить контент-анализ методических, нормативно-справочных материалов по исследуемой проблематике, наблюдение и экспертные оценки исследователей взаимодействия в системе «преподаватель – студент – вуз» показывают, что характер связи между этими элементами является определяющим фактором в этой триаде (Савельев, 1995). Сегодня природа взаимоотношений в паре «преподаватель – студент» формально определяется ря-

дом институционально закрепленных концепций, таких как антропологическая парадигма образования, личностно-ориентированный и компетентностный подходы к обучению; внутренними нормативными актами, регламентирующими нормы поведения и взаимодействия (устав вуза, кодекс чести преподавателя/студента) (Токарев, 2014). В рамках статьи рассматриваются модели и механизмы формирования научной элиты, как части интеллектуального сообщества и социального института на основе базовых методологических подходов и авторских разработок.

ФОРМАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ЭЛИТНЫХ ГРУПП - ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ ФОРМАЛЬНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

Моделирование, как инструмент исследования сложных систем, обладая определенными преимуществами перед другими методами исследования, имеет определенные ограничения в применении. В качестве рабочей версии предлагается под термином «модель» понимать способ отображения одной системы в знаках и символах другой системы. При этом исследователь должен при построении модели определить ее цель и классификационную принадлежность. Если с целевым характером моделирования все более или менее понятно, то определение классификационной принадлежности модели - процесс творческий, его результат зависит от системы предпочтений исследователя. Классификацию моделей можно провести по типу подобия, назначению, принадлежности к предметной области, характеру поведения, виду средств моделирования и т.д. (Клименко, 2020). Разнообразие видов в данном случае не является фактором, повышающим адекватность моделирования. Хотя отдельные исследователи считают, что построение для одной и той же сложной системы двух и более моделей разных классов способствует формированию более полного представления об исследуемой системе (Таха, 2019; Вентцель, 2013). Может быть именно в силу сложности освоения всей палитры средств и методов моделирования опыт применения методов моделирования к исследованиям политических процессов и явлений в настоящее время ограничен теоретико-игровым подходом, который позволил создать такие модели как «гонка вооружений», «модель Ричардсона», «дилемма заключенного» и др. (Мангейм & Рич, 1997). Не отрицая значимости и ценности выше перечисленных подходов, автор позволяет себе высказать мнение о необходимости и целесообразности перехода от моделирования частных случаев к системному моделированию на

уровне построения концептуальных моделей. Инвариантность концептуальных моделей предоставляет исследователю возможность их адаптации к конкретной предметной области, процессу или явлению. Переход от концептуального представления сложной системы, ее описания в терминах естественного языка к языку математических символов, к математической модели открывает исследователю дополнительные возможности. Построение информационной модели, в которой используются эмпирические данные об исследуемой системе, разработка компьютерной модели, позволяющей обрабатывать большие информационные массивы, повышают достоверность оценки реальной ситуации и прогнозирования, что подтверждает целесообразность применения методов формального моделирования для исследования сложных социально-политических систем.

ИЕРАРХИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ЭЛИТНЫХ ГРУПП

Первый класс моделей — это модели статические, наиболее простые, не отягощенные системой ограничений, связанных с внешними возмущающими воздействиями и внутригрупповыми связями. Статическая модель научной элиты, как система критериев оценки «элитарности», описания качеств, обеспечивающих доступ в элитную группу и порядок ее формирования, имеет вид:

$$W=f(op,K, a)$$

где W- эффективность элиты, ее качество, выраженное показателем полноты достижения цели

f – функционал, определяющий правило зачисления элементов в элиту;

ор-оценочный показатель элемента элиты, степень соответствия параметров полезности элемента элиты эталону;

K – число элементов элиты;

a – активные действующие факторы: приоритеты претендента, его способности, условия жизнедеятельности и т.д.¹.

Так, в классическом определении, которое дал Г. Моска, элита – это сообщество наиболее активных в политическом отношении людей, ориентированных на власть, очевидны элементы модели статического типа.

¹ В каждой последующей модели шрифтом выделены внесенные в модель изменения.

Второй класс – это динамические модели, в основе которых идея ротации элитной группы, как залог успешного развития общества. Изменчивость элитной группы, динамический характер системы параметров ее полезности нашли отражение в идеях Р. Михельса о необходимости формирования активной группы, которой сообщество «вверяет свою судьбу» (Михельс, 2000). Концептуальная модель этого класса дополняется параметром t , который отражает способность системы изменяться во времени:

$$W=f(op, K, a, t)$$

Третий класс – кибернетическая модель элитной группы – это модель, в основе которой заложены основные принципы и понятия теории управления: объект и субъект управления, прямая и обратная связь, реализованы принципы управляемости. Основное отличие модели от статических и динамических структур состоит в возможности горизонтального дифференцирования элитной группы, то есть деления на уровни, а также в изменении состава элитной группы за счет введения элементов управления:

$$W=f(op, K, ou, su, ps, osa, t)$$

где W – эффективность элиты, ее качество, выраженное показателем полноты достижения цели

f – функционал, определяющий правило зачисления элементов в элиту;

op – оценочный показатель элемента элиты, степень соответствия параметров полезности элемента элиты эталону;

K – число элементов элиты;

ou – объект управления в элитной группе;

su – субъект управления, верхний уровень элиты;

ps, os – соответственно внешняя и внутригрупповая прямая и обратная связь;

a – активные действующие факторы: приоритеты претендента, его способности, условия жизнедеятельности

t – временной фактор.

Л. Боден, позиционируя элиту как специалистов с высокой квалификацией, определяет ее роль и место в системе бюрократической (по М. Веберу) организации. Применимость идей Л. Бодена к формированию современной научной элиты подтверждается ее фактической

структурой: наличием объектов и субъектов управления, механизмов обратной связи органов управления.

Четвертый класс – модель элиты, в которой впервые заложены свойства живого организма, модель типа «клетка». Клетка, как живой организм и сложная система имеет способность к делению целого на m ($i=1, \dots, m$) частей, при этом свойства целого и части идентичны. В контексте настоящего исследования предлагается рассматривать в процедуре формирования научной процессы структурно-функциональной дифференциации, в результате которых появляются новые группы элит: политическая, научная, военная, финансовая и т.п. элита. Механизм отбора элементов из сообщества в элиту имеет инвариантный характер, не зависит от целеполагания и функционала той или иной элитной группы, тогда как критерии «зачисления» в элиту для каждой группы индивидуальны. Концептуальная модель этого класса имеет вид:

$$W_i = f(op_i, K_i, ou_{ij}, su_{ij}, ps, osa, t_i)$$

где $i=1, \dots, m$ – индекс (порядковый номер) вновь образовавшейся элитной группы;

$j=1, \dots, n$, индекс (порядковый номер) элемента в i -й элите;

W_i – эффективность i -й элиты, ее качество, выраженное показателем полноты достижения цели

f – функционал, определяющий правило зачисления элементов в элиту;

op_i – оценочный показатель элемента i -й элиты, степень соответствия параметров полезности элемента элиты эталону;

K_i – число элементов i -й элиты;

ps, os – соответственно внешняя и внутригрупповая прямая и обратная связь;

a – активные действующие факторы i -й элиты: приоритеты претендента, его способности, условия жизнедеятельности

t_i – фактор времени i -й элиты;

$ou_{ij} - j$ – объект управления в i -й элитной группе, $ou_{ij} < K_i$

$su_{ij} - j$ – субъект управления в i -й элитной группе, $ou_{ij} + su_{ij} = K_i$

В современных исследованиях по формированию элитных групп встречаются работы, в которых акцент сделан не столько на функциональной или территориальной принадлежности элиты, сколько на комплексосных характеристиках личности, совокупность которых создает типовой образ члена элитной группы с последующим сопо-

ставлением и типологизацией карьер (Буренкова, 1995). Такой подход к выявлению взаимосвязи между личными данными (место рождения, возраст, уровень образования, тип учебного заведения и т.п.) и способом попадания в элитную группу вряд ли можно считать целесообразным, так как подобная многофакторная модель требует особых условий применимости (Токарев, 2014).

Пятый класс – это модели, в которых существует внутригрупповая функциональная специализация. Так, внутри научной элиты возможна градация по величине оценочного показателя op_{ij} (число научных работ, их статус и т.п.), по выполняемым функциям (управление научной деятельностью, контроль и анализ качества научной деятельности, собственно научная деятельность):

$$W_i = f(op_{ij}, K_i, ou_{ij}, su_{ij}, ps, osa, t_i)$$

где op_{ij} – оценочный показатель j -го элемента i -й элитной группы.

Функциональная специализация внутри элитной группы скорее благо, чем недостаток, так она является фактором, повышающим оценочный показатель отдельных элементов, и, как следствие, защищает элиту от деградации.

Шестой класс – это модели элитной группы, обладающей способностью к систематизации явлений и процессов, происходящих как внутри элитной группы, так и за ее пределами. На данном уровне моделирования научной элиты существенным ограничением является интуитивный характер определения структуры оценочных показателей, использование качественных показателей, применения методов сравнительного анализа для формирования элитной группы и/или замещения образовавшихся вакансий. Процедура выбора, известная как «претендент –рекомендатель», предполагает заполнение вакантных мест в элитной группе проводить по результатам сравнения двух случайно взятых элементов из элиты («рекомендатель») и из сообщества («претендент»). В случае, если претендент окажется не хуже рекомендателя, то он попадает в элиту. «Подводный камень» случайного выбора в том, что оценочные показатели рекомендателей, как правило, представляют собой некоторый диапазон значений, то есть, среди рекомендателей есть лучшие и худшие; если для сравнения попадают худшие, это означает рост их числа в элите, то есть, элита деградирует. Защиту от деградации можно получить, поднимая нижнюю планку значений оценочного показателя, одновременно повышая жизнестой-

кость элементов элиты с высоким оценочным показателем. Формальная модель элитной группы должна предоставлять исследователю возможность проводить вариантный анализ стратегий поведения объекта исследования, которые зависят от ряда активных факторов и условий жизнедеятельности элитных групп($\mathbf{a}_i$):

$$W_i = f(op_{ij}, K_i, ou_{ij}, su_{ij}, ps, osa_i, t_i)$$

Элитные группы в социальных системах (научная, политическая и т.д. элита), в технических системах (высокие технологии, элитная цифровая техника и т.п.), в биологических системах имеют тенденцию к старению, то есть в элите в целом, могут и будут появляться вакантные места. В случае, если из элиты выбывают лучшие, то у каждого следующего претендента вероятность попадания в элиту растет, так как сравнение идет с худшими элементами. В качестве примера: динамика изменения требований, которые предъявляет Высшая аттестационная комиссия (ВАК) к диссертациям. Численные значения такого параметра, как число опубликованных работ определяются интуитивно, при этом ужесточение требований к претендентам не способствует повышению качества элиты, следовательно, нужны или другие механизмы отбора, или система критериев отбора должна приводиться в соответствие с вызовами современного общества и его научной элиты. Интуитивная селекция, случайный механизм отбора элементов в элитную группу не способствуют росту числа элементов с высоким оценочным показателем.

Седьмой класс – это модели элитной группы, процесс формирования которых идет по определенному алгоритму, ориентированному на создание группы с заранее заданными свойствами. Алгоритм носит название «прополка», наверное, потому, что ассоциативно связан и практико ориентирован на формирование элиты в биологических системах: создание новых сортов растений, пород животных и т.д. Сегодня, в век высоких электронных и цифровых технологий, этот механизм распространяется на разработку систем направленного действия с применением искусственного интеллекта, экспертных систем и т.п. Как работает алгоритм? Искусственное создание вакансий путем устранения из элиты элементов с низким оценочным показателем, как инструмент повышения активности элитной группы обеспечивает некоторую защиту элиты от деградации. Итеративный характер процесса «прополки», устранение на каждом шаге одного элемента повышает качество элиты, случайно попавший на N-м шаге в элиту претендент с оценочным показателем хуже худшего будет удален на N+1

шаге. Проекция алгоритма «прополки» на социальные группы, возможность управлять численностью и вакансиями в элитной группе, вносит некоторые коррективы в формальную модель:

$$W_i = f(op_{ij}, K_i, ou_{ij}, su_{ij}, ps_{ji}, os_{ij}a_i, t_i)$$

«Подводные камни»: если место в элитной группе определяется формальным оценочным показателем и некоторым комплексом «полезных» свойств элемента сообщества (личностные качества, родственные связи, преданность лидеру и т.п.), то устранение худшего становится проблематичным; возможен вариант «прополки наоборот», устранение из элиты лучших; создание механизмов защиты от «прополки»: пожизненное сенаторство для экс-президентов (бельгийские колонии Африки), палата лордов, состоящая из пожизненных пэров (Великобритания) и т.д. Очевидно, что качество элиты в данной модели определяется надежностью и эффективностью механизма устранения элементов, не обладающих заданными характеристиками, то есть параметром f .

Восьмой класс – это модели элитной группы, на процесс формирования которой оказывают влияние бихевиоральные факторы. Исследования эволюции теорий и практики создания элитных групп, проводимые совместно с экспертами в сфере политологии (Вартумян, Шебзухова & Бондаренко, 2019; Карабущенко, Шебзухова & Вартумян, 2009; Вартумян & Клименко, 2019; Шебзухова, Вартумян & Клименко, 2019), позволяют утверждать, что внешнее и внутреннее социокоммуникативное взаимодействие определяет качество элиты, вне зависимости от ее природы (техническая, технологическая, технократическая, научная и т.д.). Алгоритм формирования элитной группы, который позволяет учесть бихевиоральные факторы, прямые и обратные связи в паре «сообщество- элита» строится по принципу делегирования элементов из сообщества в элиту:

$$W_i = f(op_{ij}, K_i, ou_{ij}, su_{ij}, ps_{ji}, os_{ij}a_i, t_i)$$

Отсутствие процедуры сравнения, имеющей место в модели типа «претендент -рекомендатель» компенсируется тем, что в элиту делегируется лучший из сообщества. Такой подход требует активности от сообщества, создания внутри сообщества некоторых резервных групп, которые становятся поставщиками для элиты. Это создает условия для «выращивания» элиты; в качестве примера: олимпийский резерв,

«Лидеры России». Если элита имеет ограниченное число мест, то со временем, независимо от способа выбывания, произойдет смена состава элитной группы. Несмотря на очевидные преимущества этой модели, она пока не находит широкого применения в формировании научной элиты страны: вне элитных групп научного сообщества находятся активно действующие ученые, которые не отвечают отдельным формальным требованиям, статическая структура большинства научных элит не предусматривает расширения палитры методов формирования резерва.

Рассмотренные формальные модели не исключают возможность классификации элитных групп по отношению к административно-управленческим и властным структурам, по возрасту, территориальной и/или региональной принадлежности.

ВЫВОДЫ

Научная элита современного общества — это структура, внутренние и внешние взаимосвязи которой оказывают существенное влияние на процесс формирования и принятия решений в различных сферах современного общества. Определяя научную элиту, как социальную общность, имеющую определенный интеллектуальный потенциал, имеет смысл в контексте исследования говорить о роли научной элиты в принятии важнейших стратегических решений в сфере управления экономическими, политическими, социальными и духовными процессами. Реализация механизмов управляемого взаимодействия научной элиты с элитными группами другого типа (военной, политической, региональной и т.п.) и сообществом, формализация признаков отбора позволит влиять на процессы эволюции элитных групп и создавать условия для предотвращения ее деградации.

Теоретические исследования в сфере элитологии, в основе которых лежат методы формального и имитационного моделирования механизмов формирования элитных групп как перспективное междисциплинарное научное направление открывает новые возможности для ученых-политологов. Интеграция методов математического моделирования в структуру исследований, основанных на методах теоретического познания и эмпирических методах сбора информации, расширит палитру инструментальных средств политологических исследований, позволит определить степень влияния научной элиты на процессы формирования гражданского общества, разработать алгоритмы эффективного прогнозирования политических процессов и явлений.

Список литературы

- Буренкова, Э. Э. (1995). Трансформации общества и внутренние характеристики элитных групп. Об изучении элитных групп. *Мир России. Социология. Этнология*, 4(3–4), 3–23.
- Вартумян, А. А., Шебзухова, Т. А., & Бондаренко, Н. Г. (2019). Основные подходы к исследованию научной элиты. В *Humanities and social science in Europe. Proceedings Of The 4th International Symposium* (с. 29–34). Vienna: Publishings.r.o.
- Вартумян, А. А., & Клименко, И. С. (2019). Формирование гражданского общества в цифровую эпоху: Региональная проекция. В О. А. Шпырко, В. В. Хапаев, С. И. Рубцова, & Ю. Л. Ситько (Ред.), *Черноморская конференция-2019. Сборник материалов III Черноморской международной научно-практической конференции Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова*. (с. 158–159). Севастополь: Филиал МГУ в г. Севастополе.
- Вентцель, Е. С. (2013). *Исследование операций: Задачи, принципы, методология*. Москва: КноРус.
- Дука, А. В. (2005). Исследования элит: Поиск теоретических оснований. В А. В. Дука (Ред.), *Власть и элиты в российской трансформации: Сб. Научных статей* (с. 11–29). Санкт-Петербург: «Интерсоцис».
- Зотов, А. А. (2000). Демократическая аристократия и аристократическая демократия. *Социологические исследования*, (1), 107–116.
- Карабущенко, П. Л., Шебзухова, Т. А., & Вартумян, А. А. (2009). *Политические элиты Большого Кавказа (современная компаративистика)*. Пятигорск: Издательство ПФ СКФУ.
- Клименко, И. С. (2020). *Информационная безопасность и защита информации: Модели и методы управления*. Москва: ИНФРА-М.
- Мангейм, Дж. Б., & Рич, Р. К. (1997). *Политология: Методы исследования*. Москва: Весь Мир.
- Моска, Г. (1994). Правящий класс. *Социологические исследования*, (12), 97–117.
- Орех, Е. А. (2007). Теоретико-методологические аспекты исследования элит в современной российской социологии. В *Российская социология: История и современные проблемы: Сборник научных статей, посвященный 70-летию Заслуженного деятеля науки России, академика РАН, почетного профессора СПбГУ А.О. Бороноева* (с. 27–39). Издательский дом СПбГУ.
- Парето, В. (2004). Трактат по общей социологии. В Е. В. Осипова (Ред.), *Социология Вильфредо Парето: Политический аспект* (с. 77–159). Санкт-Петербург: Алетейя.
- Парето, В. (1996). О применении социологических теорий (продолжение). *Социологические исследования*, (1), 108–118.

- Савельев, А. Д. (1995). Идентификация и формирование научной элиты. *Социологические исследования*, (2), 118–127.
- Таха, Х. (2019). *Исследование операций*. Москва: Вильямс И.Д.
- Токарев, В. В. (2014). *Модели и решения. Исследование операций для экономистов, политологов и менеджеров*. Москва: ФИЗМАТЛИТ.
- Шебзухова, Т. А., Вартумян, А. А., & Клименко, И. С. (2019). Формальные модели, как инструментальное средство в политологических исследованиях. *Современная наука и инновации*, (2), 283–292. doi: 10.33236/2307-910X-2019-2-26-283-291

References

- Burenkova, E. E. (1995). Transformation of society and internal characteristics of elite groups. On the study of elite groups. *The world of Russia. Sociology. Ethnology*, 4(3–4), 3–23. (In Russian).
- Duka, A. V. (2005). Research on Elites: A Search for Theoretical Foundations. In A. V. Duka (Ed.), *Power and elites in the Russian transformation: Collection of scientific articles* (pp. 11–29). Saint-Petersburg: “Intersocis”. (In Russian).
- Karabuschenko, P. L., Shebzukhova T. A., & Vartumyan A. A. (2009). *Political elites of the Greater Caucasus (modern comparative studies)*. Pyatigorsk: Publishing house of PF SKFU. (In Russian).
- Klimenko, I. S. (2020). *Information security and information protection: models and management methods*. Moscow: INFRA-M. (In Russian).
- Mannheim, J. B., & Rich P. K. (1997). *Political science: research methods*. Moscow: The Whole World. (In Russian).
- Mosca, G. (1994). The Ruling Class. *Sociological research*, (12), 97–117. (In Russian).
- Orekh, E. A. (2007). Theoretical and methodological aspects of the study of elites in modern Russian sociology. In *Russian sociology: history and modern problems: Collection of scientific articles dedicated to the 70th anniversary of the Honored Scientist of Russia, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Honorary Professor of St. Petersburg State University A.O. Boronoev* (pp. 27–39). Publishing house. house of S.PbGU. (In Russian).
- Pareto, V. (1996). On the application of sociological theories. *Sociological research*, (1), 108–118. (In Russian).
- Pareto, V. (2004). Treatise on General Sociology. B E. V. Osipova (Ред.), *The Sociology of Wilfredo Pareto: The Political Aspect* (pp. 77–159). St. Petersburg: Al-eteya. (In Russian).
- Saveliev, A. D. (1995). Identification and formation of the scientific elite. *Sociological research*, (2), 118–127. (In Russian).
- Shebzukhova, T. A., Vartumyan, A. A., & Klimenko, I. S. (2019). Formal models as a tool in political science research. *Modern science and innovation*, (2), 283–292. doi: 10.33236/2307-910X-2019-2-26-283-291_(In Russian).

- Taha, H. (2019). *Operations research*. Moscow: Williams I. D. (In Russian).
- Tokarev, V. V. (2014). *Исследования операций для экономистов, политологов и менеджеров..* Moscow: FIZMATLIT.. (In Russian).
- Vartumyan, A. A., & Klimenko, I. S. (2019). Formation of civil society in the digital age: regional projection. In O. A. Shpyrko, V. V. Khapaev, S. I. Rubtsova, & Y. L. Sitko (Ed.), *Collection of materials of the III Black Sea International Scientific and Practical Conference of Moscow State University. M.V. Lomonosov*. (pp. 158–159). Sevastopol: Branch of Moscow State University in Sevastopol. (In Russian).
- Vartumyan, A. A., Shebzukhova, T. A., & Bondarenko, N. G. (2019). Basic approaches to the research of the scientific elite. In *Humanities and social science in Europe. Proceedings Of The 4th International Symposium* (pp. 29–34). Vienna: Publishings.r.o. (In Russian).
- Wentzel, E. S. (2013). *Operations research: tasks, principles, methodology*. Moscow: KnoRus. (In Russian).
- Zotov, A. A. (2000). Democratic aristocracy and aristocratic democracy. *Sociological research*, (1), 107–116. (In Russian).

IMAGES OF POLITICAL LEADERS OF ADVANCED FOREIGN COUNTRIES IN THE MINDS OF RUSSIAN CITIZENS: GENERAL ANALYSIS OF PROBLEMATICS

Yuri M. Brumshteyn (a)

(a) Astrakhan State University. Astrakhan, Russia. Email: noname@noname.ru

Abstract

The importance of solving the problem of evaluation and management of foreign politicians' images is justified. The content of the "image of the political leader of the advanced foreign country (PLAFC) in the minds of Russian citizens (RCs) concept is reviewed. The main "components" of these images, their formation peculiarities and RCs' perception in information and telecommunication technologies development are described.

Purposes and methods (technologies) of PLAFCs' image-building management in the RCs' minds, ensuring the stability of these images over time; "promotion" of information on the PLAFCs in infosphere; ensuring its visibility and accessibility for RCs, including World Wide Web, are studied from the positions of interest of various groups of an individual person and legal entity (Russian and foreign).

Taking into account developing opportunities and the volume of usage of information and telecommunication technologies, the following issues were analyzed: change in the structure and characteristics of information about PLAFCs incoming to the RCs of fact; selection and usage of methods for controlling the composition and volume of incoming information.

It is testified that in RCs' minds the images of PLAFCs are formed with thematic composition, content, tonality and volume of information about the PLAFCs previously accumulated and newly received; by information evaluation approaches of different categories of RCs, by their age, social and economic group, level and scope of education and some other factors.

Keywords

foreign countries; political leaders; images of leaders; perception of images; Russian citizens; component structure of images; information and telecommunication technologies; World Wide Web; information assets; information channels; data streams; information evaluation

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ОБРАЗЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ ВЕДУЩИХ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН В СОЗНАНИИ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН: ОБЩИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМАТИКИ

Брумштейн Юрий Моисеевич (а)

(а) Астраханский государственный университет. Россия, Астрахань. Email: noname@noname.ru

Аннотация

Обоснована важность решения задач оценки и управления образами зарубежных политиков для достижения различных целей. Рассмотрено содержание понятия «образ политического лидера (ПЛ) ведущей зарубежной страны (ВЗС) в сознании российских граждан (РГ)». Охарактеризованы основные «компоненты» этих образов, особенности их формирования и восприятия РГ в условиях развития информационно-телекоммуникационных технологий.

С позиций интересов различных групп юридических и физических лиц (российских и зарубежных) исследованы цели и методы (технологии) управления формированием образов ПЛ ВЗС в сознании РГ; обеспечения устойчивости этих образов во времени; «продвижения» информации о ПЛ ВЗС в информационном пространстве; обеспечения ее известности и доступности для РГ, в т.ч. в Интернет-пространстве.

С учетом развития возможностей и объемов использования информационно-телекоммуникационных технологий проанализированы следующие вопросы: изменение структуры и характеристик информации о ПЛ ВЗС, фактически поступающей к РГ; выбор и использование ими методов управления составом и объемами поступающей информации.

Показано, что в сознании РГ образы ПЛ ВЗС формируются с учетом тематического состава, содержания, тональности и объемов информации о ПЛ ВЗС – ранее накопленной и вновь поступающей; подходами различных категорий РГ к оценкам этой информации с учетом их возраста, принадлежности к определенной социально-экономической группе, уровня и профиля образования, некоторых иных факторов.

Ключевые слова

зарубежные страны; политические лидеры; образы лидеров; восприятие образов; российские граждане; компонентная структура образов; информационно-телекоммуникационные технологии; Интернет-пространство; информационные ресурсы; информационные каналы; потоки информации; оценки информации

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

INTRODUCTION

The rapid development of information and telecommunications technologies (ITCT) has significantly changed most Russian and foreign politicians' business environment; conditions and results of their images perceptions by individual persons (IP) of different ages and social and economic groups. It has also changed the amount of information potentially and actually available to them; their approaches to assessing the validity of this information. At the same time, the images of political leaders (PLs) of advanced foreign countries (AFCs) in the minds of various categories of Russian citizens (RCs) significantly affect the perception or evaluation of PLs' decisions or actions. They affect prediction of possible actions of PL AFCs; assessment and/or support for Russian politicians' actions in relation to these PLs under various conditions. However, inexistent Russian-language literature, the issue of evaluation and management of the PL AFCs images in the minds of citizens of our country are not fully studied. Thus, the objective of this article is attempting to recover. Forth, in default, we consider only PLs representing individual AFCs, not coalitions or international organizations

THE IMAGE OF THE "POLITICAL LEADER OF AN ADVANCED FOREIGN COUNTRY" AND THE MAIN FEATURES OF ITS FORMATION IN THE MINDS OF RUSSIAN CITIZENS.

We will include foreign countries from G20, that is, 19 countries. Now these particular countries play a key role in the development of the world economy, information and telecommunication technologies; formation of the World Wide Web.

By the term "*political leader*" of the AFCs we understand the IP who plays a major role in the political life of the state. Their positions in different countries can be called differently: the Prime Minister, Chairman of the Council of Ministers, Chancellor, President, etc. Forth, we believe that there may be only one PL for one country at a given point in time, however over time leaders may change.

Possible options for classification of foreign PLs are by role of these countries in the world economy; by population; by the nature of PLs' internal and foreign policy; PLs' personal political activity; on their informational activity on television, in the World Wide Web, etc. They are also classified by total duration of PLs' political activity; by sex and age. For the topic of this article, we will distinguish three categories of PLs, reserving that the boundaries between categories are "imprecise", they can

change over time. **(C1)** National PLs, who are widely known in the international arena; **(C2)** PLs, who are well known and influential at the level of their "countries as a whole," but relatively little known outside them; **(C3)** PLs, who are known mainly in parts of "their" countries, politicians of a "regional" level.

The main types of the information involved in the formation of PL AFCs' images: text materials; static images (Svitich, 2019); combinations of images and texts; audio and audio-visual materials; hyperlinks to various objects - including text lines and icons. At the same time, printed publications, fragments of television and Internet broadcasting materials usually have electronic copies posted on the Internet.

In the minds of most citizens of our country, the "images" (Markelov, Brumshteyn & Golovin, 2018), which can refer to different dates, as well as images of their countries, are usually associated mainly with the PLs' surnames. However, generally, the "image" (Vasilevoy, 2016; Karimova, 2012; Kurkemova, 2018) of the PL AFCs in the minds of RCs may consist of a wider set of "components." **(a)** Factual information about the PL AFCs on their "web pages" of the state authority of the country; **(b)** data on PL AFCs on Wikipedia – primarily in Russian one; **(c)** "accounts" of PL AFCs in "social networks"; **(d)** information on the types (methods) of political activity of certain PLs in solving various internal and foreign policy tasks, including the degree of its rigidity, coherence in implementation, rationality of strategic decisions; **(e)** speed and adequacy of PLs' rapid responses to changes in internal and external situations: political, economic, military, informational, biomedical, demographic, environmental, etc.; **(f)** PLs' interaction organization with various categories of legal entities and/or individual persons, including foreign politicians and their associations; leaders of political parties and social movements of "their own" country; the media in general; business elites of "their" and other countries; journalists; political scientists, cultural figures (especially popular artists), scientists, educational workers, healthcare workers, sportsmen, religious figures; children, etc.; **(g)** a set of "personal characteristics" of PL AFCs, including the following: gender, age, typical appearance in photographs and videos; anthropometric indicators; presence/absence of signs of certain types of diseases; a general manner of behavior; gestures, (Saprykina, 2018) facial expressions, speech; information about their family lives, relatives, closest friends. At the same time, the "gender" of a PL now having the influence on the perception (Sineokaya, 2017), is no longer a key factor; **(h)** peculiarities of hairdos, clothes (including clothes according to multinational and national norms), footwear, jewelry, religious attributes of a PL; **(i)** infor-

mation on PLs doing physical exercise and sports; (j) information about PLs' "hobbies", in some cases they ensure more "positive" perception of the PLs' images. (k) In case of PL AFCs' personal contacts with the Russian citizens the "manner of handshake" matters.

The perception of the PL AFCs' images is determined not only by the volume/content of the information received by the RCs on items "a"-"f". It is also determined by their approaches to evaluation of this information, which depend on PLs' social and economic group, political party (socio-political movement); age, gender, health condition and other factors.

FORMATION OF THE FOREIGN PLS' IMAGES IN THE MINDS OF RUSSIAN CITIZENS: THE ANALYSIS OF PURPOSES, METHODS AND MAJOR CONTRIBUTORS

Generally, the images of the PL AFCs in the minds of RCs are formed on the basis of a set of "types" of information: content neutral (for example, factual), positive, negative. The latter two types may have different degrees of manifestation; be explicit or veiled; be combined with each other in separate materials and/or with neutral information.

Various categories of legal entities and individual persons (both Russian and foreign) may participate in the creation, dissemination (promotion) and accessibility of information about the PL AFCs, including PL AFCs themselves; specialists in political science; legislative and executive authorities; political parties and social and political movements; politicians; different categories of journalists, commentators; IT specialists, etc. As a special category in the context of the development of ITCT, individual persons and their groups (including informal groups, societies, movements, etc.), whose activities are specifically aimed at destabilizing the social and economic situation, provoking ethnic and/or interfaith conflicts; the complication of international relations - in a single country, a group of countries or even at the world level should be considered.

These categories of people may have independent, overlapping and opposing objectives; their actions in time and direction are not usually agreed upon. At the same time, informational activity in solving the tasks of managing the PL AFCs' images usually increases during the period of election campaigns; in the occurrence of state or governmental crises; complications of the social and economic situation, etc.

Below, the issues of image management (Markelov, 2015; Sineokaya, 2017; Tskrialashvili, 2018; Svitich, 2019) of the PL AFCs from the positions of various categories of persons are consequently discussed.

(1) Typically, the PLs of foreign countries themselves and/or their image makers set the following goals: to create (or manage) personal "positive" images of politicians in the minds of the RCs; ensure the confidence of the political and economic elite of Russia and RCs in the decisions and actions of these PLs; support the development of their countries' international ties with Russia, with Russian politicians, business structures; to combat the spread of negative information about the PLs, including fake one (Zakharova, 2018). In the minds of RCs, the images of foreign PLs can also be associated with the countries they represent (based on television broadcasts, photographs, IP impressions of tourist trips to these countries, personal contacts with these countries' citizens); with processes in the implementation of which the PLs directly participate, etc.

Specific actions within the framework of image management (Markelov, 2015; Sineokaya, 2017; Tskrialashvili, 2018; Dmitrieva, 2018): active spread of "positive information" about them in Ru-part of the Internet, traditional Russian-language media - including direct participation of embassies and consulates of the respective countries in Russia, their cultural centers; posting the "positive information" about PL AFCs in Russian on the Internet, their images that arouse sympathy; identification of fake (Zakharova, 2018) and tendentious information, combating it. However, direct refutations of false information by the PL AFCs themselves are usually ineffective. They can be made by PLs' spokespersons, other politicians, journalists, etc.

The following categories of legal entities and individual persons may take part in the formation and dissemination of negative information about PL AFCs, inter alia in the Russian language: foreign and domestic political opponents of PLs' economic, national, demographic, informational, religious and other types of policies; competitors for political leadership. Political technologists are usually used to generate, accumulate and disseminate negative information about PL AFCs; modern ITCT, television, traditional print media are used less.

Negative information about PLs may include the following: (a) specially selected true negative information about the PLs themselves and/or their activities; (b) tendentious assessments of PL AFCs activities by various IP, parties, organizations, etc., including "extracted" from the contexts in random; (c) fake (fictional) information about PL AFCs, as well as comments on their actions by other politicians, specialists, etc.; (d) usage of associated images of PL AFCs with negative phenomena/processes; with other PLs (including deceased) with a malevolent reputation. (e) Negative information about friends and closest relatives of PLs; (f) caricatures of the

PLs/*f1*) Figures (Svitich, 2019) - made manually and on the PC, including using "graphic tablets," for example, by Wacom. *f2*) Real PLs' photos edited with the help of computer programs with distortions specifically aimed to form negative perception of IP; *(g)* image edition, including PLs' photo with replacement of "environment;" *(h)* memes - they emphasize some features of the IP; *(i)* documentary (or claimed documentary) audio/video recordings of PL AFCs - regarding the formation of their images they may be positive, neutral or negative. It depends on the selection of video fragments; their sequences; narrator text; inscriptions, etc.; *(j)* in "humorous videos" about the PL AFCs, their images (including in combinations with their relatives, other politicians, animals, natural objects, etc.) can be presented as "friendly-humorous"; grotesque, sometimes extremely negative; *(k)* role-playing games can also use "PL characters." Through this "means" images of PL AFCs can be introduced to the youth.

As a result of the development of ITCT, the production of caricatures, memes, videos about PL AFCs has become available to a wide range of people with minimal ITCT competence; (Brumshteyn & Kuzmina, 2014) edited images often look very realistic; videos often use "computer-synthesized phrases" that the PLs themselves did not use (while preserving the main features of the speech of politicians, their diction, etc.). Therefore, distinguishing between real and "distorted" images or videos is often quite difficult.

Of particular importance for PLs is the creation (preservation) of positive images in foreign countries (including not from the G20), in which a significant part of the population is Russian-speaking; have relatives in Russia; travel to Russia to work or study; have business interests in Russia; participate in joint research, development, etc. In addition, some AFCs open "polling stations" for its citizens in Russia during elections. Their opinion on the PLs of their countries is formed by the information influenced by the Russian media, employers, RCs, etc.

(2) The goals of the highest body of executive power of Russia in relation to the images of PL AFCs are to provide RCs' support for decisions and actions made regarding these politicians, sometimes their countries. Possible options for such actions are the following: **(a)** public comments on PL AFCs' actions which can be made by the heads of these bodies, their press secretaries, etc.; **(b)** public statements to PL AFCs; **(c)** summoning the ambassadors of the respective countries to the Russian Ministry of Foreign Affairs to express "discontent" with the actions of the PL AFCs, their statements, etc.; **(d)** personal meetings of Russian politicians with the PL AFCs, other forms of contacts - including remote ones; **(e)** preparation and implementation of PLs' visits to Russia, return visits of Russian politicians

to these countries, insurance of adequate coverage of such visits in the media, Internet, etc.; **(f)** preparation and conduct of bilateral or multilateral negotiations involving PL AFCs; **(g)** carrying out shared press conferences with PL AFCs by Russian politicians - in Russia and abroad; **(h)** formation and implementation of official international treaties/agreements with countries represented by PL AFCs; **(i)** broader connections with the PL AFCs' countries in various areas, including infosphere; **(j)** creation of favorable conditions for the activities of embassies, consulates, cultural centers of AFCs in Russia – including infosphere; **(k)** usage of "protective" (restrictive) actions with respect to specific PL AFCs, countries they represent, organizations, etc. To ensure RCs' support for such actions, their negative (or partially negative) perception of PLs' images is necessary; understanding that the actions of these PLs impair Russian interests, organizations, citizens, etc.

(3) For the highest bodies of the legislative power of Russia, the images of PL AFCs in the minds of the RCs are important for solving such problems as the following: **(a)** Russian international ties development, including such at the "inter-parliamentary level;" **(b)** preparation and conduction of PL AFCs' visits to Russia - especially if their contacts with the legislative authorities are planned; **(c)** participation in the preparation of international treaties and agreements with separate countries; their associations; with international organizations, etc.

(4) For the media of the national wide level and for Internet portals; the images of PL AFCs are important with regard to the news and, especially, analytical information creation: about these politicians personally, about the countries they represent, about the social and political processes in these countries. At the same time, the "tonality" of the content of the materials is important, including direct assessments of the PLs' activities; the composition of words and expressions used, which can bear an emotional color. Algorithms used for automated evaluation of text tonality (Markelov, Brumshteyn & Golovin, 2018) are based on expert categorization of the used vocabulary as "positive" or "negative"; definition of amount of words and expressions of these categories in materials about PLs.

(5) The images of PL AFCs in the RCs minds are important for Russian political parties and social movements for making decisions on statements regarding PLs' actions; on the appropriateness of meetings of the leaders of these parties with the PL AFCs, etc. Attitude of Russian parties to PL AFCs may vary significantly. It can change with shifts in foreign and domestic political situation.

(6) For Russian regional executive and legislative authorities, images of foreign PLs of various "hierarchical" levels, including leading politicians of border parts of countries that are not part of the G20, may be important.

(7) In Russian regional media (especially in "national languages"), the tonality (Markelov, Brumshteyn & Golovin, 2018) of PLs' reports from foreign countries may differ slightly compared to nation wide ones. The reasons are higher (compared to the average in Russia) share of people of the same nationality as in foreign countries represented by the politicians in the region; larger number of "guest workers" from these countries in the regions; same religion of foreign PLs and of a significant part of the population of Russian regions ,etc.

ANALYSIS OF THE MAIN FACTORS AFFECTING THE IMAGES OF POLITICAL LEADERS OF FOREIGN COUNTRIES' PERCEPTION BY RCS

Such factors are the following: **(a)** the opinion about the politicians already held by separate RCs; **(b)** the amount of new actual information received by Russian citizens about these politicians on the goals, features and results of their activities; **(c)** the volume of potentially accessible information about PL AFCs for the RCs, including usage of the Internet "search engines", machine translators, etc.; **(d)** "tonality" of the information about PL AFCs coming to the RCs; **(e)** available resources of citizens' clock face; **(f)** the degree of "competitive tension" between different means of information for separate RCs.

Features of image formation conditions of PL AFCs of Russian citizens are high level of informational competition between different means of information about them to the RCs; considerable redundancy of information on these politicians in info sphere; multiple informational repetitions about the politicians in different sources, sometimes with different tonality; wide use of methods of "political advertising", political image management and so forth, including World Wide Web; the data intended for discreditation of politicians and/or their groups' existence in infosphere.

Under such circumstances an important role is played by ITCT enhancement, including the following; **(1)** improvement of hardware: PC, servers, laptops, smartphones, etc.; **(2)** improvement of software functionality, including "intellectuality" of search engines of the Internet, information repositories; **(3)** higher speed of access to information and traffic volumes in telecommunication networks, reliability of communication channels improvement; **(4)** general increase in volumes of information in the Internet resources, on social networks, on personal and office PCs and

other devices. Consequences of these processes are: **(a)** general increase in "information load" on Internet resources users, including learning information, selecting materials, etc.; **(b)** growth in volumes of information, potentially available to them, including the information about PL AFCs; **(c)** increase in "the informational competition" between various means of information – including in news feeds on the Internet portals, in media and so forth; **(d)** increase in efficiency of submission of electronic news information, including the information, connected with activity of PL AFCs, with these countries themselves; **(e)** improvement of availability of information on PL AFCs first of all due to improvement of intellectuality of search engines of the Internet; **(f)** providing the users with opportunities of management of character and volumes of the efficient information through various channels about PL AFCs' activities. At the same time a certain ITCT-competence of citizens is required for the "e" and "f" items; (Brumshhteyn & Kuzmina, 2014) **(g)** low level of RCs' confidence in the information on large number of websites, including due to existence of the numerous "incorrectly worded" headlines.

The images of the PLs of most (but not all!) politicians from foreign countries in the RCs' public mind are usually formed with less information than of Russian politicians. The reasons are less Russian-language news about foreign PLs - except for special situations, usually short in time; RCs' "linguistic barriers" with information on foreign PL in English and especially in other languages. At the same time, machine translators make it possible to grasp the general content of the texts only, not with the details.

CONCLUSIONS

1. The development of ITCT has significantly changed the conditions for politicians. It forced them to pay much more attention to the formation of their images in the public minds of their own and foreign countries' citizens.

2. The perception of PLs images by individuals is based on a number of "components". At the same time, for most Russian citizens, the key factors are PLs' gender, appearance, manner of behavior, speech.

3. Actions related to the management of PLs' images in the minds of Russian citizens are carried out by various categories of legal entities and individual persons, which can pursue both common and separate goals. In some cases, these actions are of direct "confrontation" in infosphere, they may include usage of fake information.

4. The significant redundancy of the infosphere makes it difficult to "target promote" information about foreign politicians to RCs within the framework of image management.

References

- Brumstein, Y. M., & Kuzmina, A. B. (2014). ICT competence of countries, regions, organizations and individuals: A Systemic Analysis of Goals, Directions, and Assessment Methods. *Caspian Journal: Management and High Technology*, (2 (26)), 47–63. (In Russian).
- Dmitrieva, M. A. (2018). Information Manipulation Technologies in the Context of the Shaping of the Politician's Image. *Current Issues in Science*, (41), 138–140. (In Russian).
- Karimova, N. I. (2012). The Internet as an information and communication tool for constructing a politician's image. *Economics and Management: Scientific and Practical Journal*, (2), 114–116. (In Russian).
- Kurkemova, E. S. (2018). Strategies of forming and broadcasting the image of politicians on the Internet. In *Astrapolis: Astrakhan Political Studies* (pp. 130–134). Astrakhan: Individual Entrepreneur Roman Sorokin. (In Russian).
- Markelov, K. A. (2015). Economic Security: Geopolitical and Regional Aspects. *Economics and management: problems, solutions*, 3(12), 6–11. (In Russian).
- Markelov, K. A., Brumstein, Y. M., & Golovin, V. G. (2018). Integration Processes of the Caspian Sea States and their Littoral Territories: A Systemic Analysis of the Sources and Structure of Information. *Bulletin of Eurasian Science*, 10(5), 34. (In Russian).
- Saprykina, M. F. (2018). Non-verbal components of a politician's image in TV stories. In *Student and Science (Humanities cycle)-2018. Materials of the international student scientific-practical conference. 2018* (pp. 457–461). Magnitogorsk: Magnitogorsk State Technical University named after G.I. Nosov. G.I. Nosov. (In Russian).
- Sineokaya, N. A. (2017). The image of the politician in the modern electronic media (the example of female politicians in Germany). In *Philology and Education. Scientific, pedagogical, and local history heritage of N.M. Lebedev. Conference materials*. (pp. 235–242). Tver: SfK-Office LLC. (In Russian).
- Svitich, A. L. (2019). Visualization of the image of a political figure in graphic illustration (Russian and foreign experience of the print media). *Mediaallmanac*, (4), 30–44. doi: 10.30547/mediaalmanah.4.2019.3044 (In Russian).
- Tskrialashvili, A. D. (2018). Online Image: Social Networking Profile as the Face of a Politician. *Nauka.me*, (2), 6. (In Russian).
- Vasilyeva, V. N., & Zhigunova, G. V. (Eds.). (2016). *Politician's Image: Problems of Formation, Promotion and Research*. Murmansk: Murmansk Arctic State University. (In Russian).

- Veretelnikova, V. A. (2016). Peculiarities of the formation of the image of political leaders of Russia, the United States and Germany in the Russian and foreign media. In *Cyril and Methodius Readings in SAMSTU. Proceedings of the XII All-Russian (with international participation) scientific conference of students, undergraduates and graduate students. Samara State Technical University. 2016* (pp. 240–243). Samara: Samara State Technical University. (In Russian).
- Zakharova, M. V. (2018). Fake Information and Politician's Image: Effects, Models of Counteraction (French Experience). *The Age of Information*, 2(2), 98–99. (In Russian).

Список литературы

- Брумштейн, Ю. М., & Кузьмина, А. Б. (2014). ИКТ-компетентность стран, регионов, организаций и физических лиц: Системный анализ целей, направлений и методов оценки. *Прикаспийский журнал: управление и высокие технологии*, 2 (26), 47–63.
- Васильева, В. Н., & Жигунова, Г. В. (Ред.). (2016). *Имидж политика: Проблемы формирования, продвижения и исследования*. Мурманск: Мурманский арктический государственный университет.
- Веретельникова, В. А. (2016). Особенности формирования образа политических лидеров России, США и Германии в российских и зарубежных СМИ. В *Кирилло-Мефодиевские чтения в САМГТУ. Сборник материалов XII Всероссийской (с международным участием) научной конференции студентов, магистрантов и аспирантов. Самарский государственный технический университет. 2016* (с. 240–243). Самара: Самарский государственный технический университет.
- Дмитриева, М. А. (2018). Технологии Манипулирования Информацией В Контексте Формирования Имиджа Политика. *Актуальные Вопросы Науки*, (41), 138–140.
- Захарова, М. В. (2018). Фейковая информация и имидж политика: Эффекты, модели противодействия (опыт Франции). *Век Информации*, 2(2), 98–99.
- Каримова, Н. И. (2012). Интернет как информационно-коммуникационный инструмент конструирования имиджа политика. *Экономика и управление: научно-практический журнал*, (2), 114–116.
- Куркемова, Э. С. (2018). Стратегии формирования и трансляции имиджа политиков в сети Интернет. В *Астраполис: Астраханские политические исследования* (с. 130–134). Астрахань: Индивидуальный предприниматель Сорокин Роман Васильевич.
- Маркелов, К. А. (2015). Экономическая безопасность: Геополитические и региональные аспекты. *Экономика и управление: проблемы, решения*, 3(12), 6–11.
- Маркелов, Константин Алексеевич, Брумштейн, Ю. М., & Головин, В. Г. (2018). Процессы интеграции прикаспийских государств и их приморских терри-

торий: Системный анализ источников и структуры информации. *Вестник евразийской науки*, 10(5), 34.

- Сапрыкина, М. Ф. (2018). Невербальные составляющие имиджа политика в телевизионных сюжетах. В *Студент и наука (гуманитарный цикл)—2018. Материалы международной студенческой научно-практической конференции. 2018* (с. 457–461). Магнитогорск: Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова.
- Свитич, А. Л. (2019). Визуализация образа политического деятеля в графической иллюстрации (российский и зарубежный опыт печатных СМИ). *Медиаальманах*, (4), 30–44. doi: 10.30547/mediaalmanah.4.2019.3044
- Синеокая, Н. А. (2017). Имидж политика, формируемый в современных электронных СМИ (на примере женщин-политиков Германии). В *Филология и просветительство. Научное, педагогическое, краеведческое наследие Н. М. Лебедева. Материалы конференции* (с. 235–242). Тверь: ООО «СФК-офис».
- Цкриалашвили, А. Д. (2018). Имидж в Интернете: Профиль в социальной сети как лицо политика. *Naika.me*, (2), 6.

Критика и рецензии

Criticism and Reviews

THE BEHIND-THE-SCENES HISTORY OF ELITES- REVIEW OF ROBERT GATES «BOOK DEBT. MEMOIRS OF THE MINISTER OF WAR» (2014)

Alina S. Pushnina (a)

(a) Astrakhan State University. Astrakhan, Russia. E-mail: alina_chmelyuk1799[at]mail.ru

Abstract

In this review an attempt is made analyze of Robert Gates' "Duty. Memoirs of the Minister of war", which tells about behind-the-scenes political games in the first person. The study analyzes the personal attitude of the author of the memoir to everything that happens in the White house, as well as his attitude to people who held key positions. The review will be of interest to political scientists, sociologists and historians, as well as people who are interested in political processes.

Keyword

the Cold War; the political elite; the White house; the Ministry

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ЗАКУЛИСНАЯ ИСТОРИЯ ЭЛИТ – РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ РОБЕРТА ГЕЙТСА «ДОЛГ. МЕМУАРЫ МИНИСТРА ВОЙНЫ» (2014)

Пушнина Алина Сергеевна (а)

(а) Астраханский государственный университет. Астрахань, Россия.

E-mail: alina_chmelyuk1799[at]mail.ru

Аннотация

В данной рецензии предпринимается попытка анализа книги Роберта Гейтса «Долг. Мемуары министра войны», в которой от первого лица рассказывается о закулисных политических играх. В исследовании анализируется личное отношение автора мемуаров ко всему происходящему в Белом доме, а также его отношение к людям, которые занимали ключевые посты. Данная книга будет интересна политологам, социологам и историкам, а также людям, которые интересуются политическими процессами.

Ключевые слова

Холодная война; политическая элита; Белый дом; министр

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Мемуары, в которых политик раскрывает закулисы Белого дома, заинтересовали не только американцев, но и мировое сообщество. Книга вошла в список бестселлеров. Но в автобиографии Роберта Гейтса нет каких-либо шокирующих фактов. Но, несмотря на это, некоторые американские новостные агентства поспешили осудить Гейтса как предателя, утверждая, что обнародование некоторых секретных разговоров с президентом было не просто «невежливо», но и неприемлемо для правительственных чиновников, даже бывших.

Сам автор не делал секрета из того, с кем он сражался. Ясно, что Соединенные Штаты ведут «глобальную войну с террором». Но это фон. Личная война Р. Гейтса-это война с Белым домом и Конгрессом.

Р. Гейтс, консультант по вопросам образования и член Республиканской партии, работал с четырьмя президентами США. При этом ему также неоднократно приходилось общаться с российским лидером Владимиром Путиным-этим опытом он поделился с читателями. В своей книге бывший глава Пентагона оценил прямолинейность бывшего министра обороны С. Иванова и отметил его хорошее знание английского языка, а также, что, по мнению российского министра, правительство США неправильно выстраивает отношения с Россией с 1993 года (Гейтс, 2014, стр. 111-113).

Осенью 2006 года, после поражения республиканцев на промежуточных выборах в Конгресс, Роберт Гейтс был назначен министром обороны, что символизировало разрыв отношений Джорджа Буша-младшего с вице-президентом Д. Чейни и примирение с кругом его отца Джорджа Буша-старшего - с реалистами «старой школы».

Многие помнят Р. Гейтса как ультра-ястреба времен Холодной войны, как человека, который, будучи директором ЦРУ, вооружал афганских повстанцев и затем выступал против соглашения Рональда Рейгана с Михаилом Горбачевым, но к 2006 году эксперты, знающие американскую политику, его также знали как автора совместного доклада со Збигневом Бжезинским, предложившим так называемый «новый подход». Когда Барак Обама оставил Р. Гейтса в своей команде, это стало самым убедительным доказательством того, что молодой президент-демократ стремится расширить свою базу сторонников, включив в нее представителей «старой школы»: бывшего помощника по национальной безопасности Брента Скоукрофта и бывшего госсекретаря Джеймса Бейкера. Следует отметить, что Р. Гейтс стал ключевой фигурой в коалиции соперников, созданием которой политические стратеги Обамы очень гордились. В эту коалицию входили четыре тяжеловеса: Р. Гейтс, Х. Клинтон, Д. Байден и К. Пэтреус.

Получается, что в конечном итоге единство этого альянса - не более чем миф, а команда Обамы — это тот самый воз, который без всякого успеха тащат лебеди, рак и щука, как в знаменитой басне Крылова.

Р. Гейтс напомнил, что на Мюнхенской конференции в 2007 году он сидел рядом с президентом России Владимиром Путиным и президентом Украины Виктором Ющенко. При этом Р. Гейтс отметил сложное отношение политической элиты соседних стран друг к другу. Так, когда А. Меркель открывала конференцию, Ющенко смотрел на В.В. Путина с нескрываемой ненавистью. Более того, министр обороны предположил, что эти чувства были взаимны (Гейтс, 2014, стр. 201-202).

Впоследствии В.В. Путин выступил с известной речью, критикуя США, заявив, что Вашингтон пытается воспользоваться однополярным миром, чье доминирование привело к большей нестабильности в мире и стимулировало конфликты и гонку вооружений (Гейтс, 2014, стр. 326-327).

Из мемуаров Р. Гейтса политическая элита Вашингтона многое узнала о себе. Бывший министр обороны США не стеснялся говорить об этом и выражать свои чувства. Например, он критиковал Конгресс за некомпетентность и пропаганду, а сенаторов называл «глупыми» и «лицемерными» эгоистами. По его мнению, члены Комитета по иностранным делам Палаты представителей - подлые и тупые скоты. Бывший министр сильно ненавидит вице-президента Джо Байдена и видит в нем «болтуна», называет его «человеком чести», который может только ошибаться практически по всем вопросам, связанным с международной политикой или национальной безопасностью за последние четыре десятилетия. Отвращение Р. Гейтса к людям, которые управляют Америкой, проходит через всю книгу.

К началу 2010 года Р. Гейтс пришел к выводу, что и президент неидеален, что он не верил в свою собственную стратегию, не думал, что война была его собственной. Главным для него стало уйти. Б. Обама, по словам Р. Гейтса, был настроен скептически, если вообще не был убежден, что война будет проиграна.

Но в то же время бывший министр обороны США назвал президента США «человеком высоких моральных качеств», несмотря на то, что тот скептически относился к его импульсивной стратегии в афганском правительстве и открыто не доверял военному руководству.

Не все было безоблачно в отношениях политической элиты. Так, например автор приводит случай, когда он стал сильно недоволен отношением Б. Обамы: «Я был крайне рассержен на президента Б. Оба-

му. Я чувствовал, что он злоупотребил моим доверием... по вопросу о бюджетных показателях» (Гейтс, 2014, стр. 281-282). В ноябре 2010 того же года Р. Гейтс писал, что у него состоялся непростой разговор с Б. Обамой о размере военного бюджета. Р. Гейтс считает, что ранее между ним и президентом была договоренность о том, что расходы Пентагона не будут сокращены. Но потом он узнал, что, сославшись на бюджетный кризис, Обама решил снизить аппетиты военного сектора. После встречи Б. Обама подарил Р. Гейтсу дорогую бутылку водки с запиской: «Дорогой Боб, извини, что я довожу тебя до того, чтобы напиться. Барак Обама». Р. Гейтс оценил этот жест, но чувство разочарования и предательства не уменьшилось. Он ранее взял на себя обязательства перед руководством армии, флота и ВВС, и получается, что он их тоже нарушил (Гейтс, 2014, стр. 341-342)

Гейтс нанес огромный удар по Конгрессу США, высказавшись о том, что похоже, что большинство членов страдают от той или иной формы психического расстройства и нуждаются в немедленной госпитализации.

Мемуары Р. Гейтса указывают на то, что в авторе борются два человека – чиновники историк (необходимость следовать политике правительства, не всегда была в гармонии с его взглядами, как ученого, специализирующегося на Советском Союзе). По мнению Р. Гейтса, американцы недооценили чувство унижения в постсоветской России.

Высокомерие американских чиновников, ученых, бизнесменов и политиков, указывающих россиянам, как вести свои внутренние и внешние дела, привело к глубокому и долгосрочному неприятию и ожесточению.

Р. Гейтс понимал озабоченность России в трудные времена, но он напомнил, что многие проблемы в постсоветских отношениях между Вашингтоном и Москвой были основаны на попытках российских лидеров увидеть Соединенные Штаты, НАТО и Запад как угрозу для России и запугать соседей.

Многие политики и эксперты в Соединенных Штатах Америки разводили руками и говорили, что не ожидали, что Р. Гейтс так поступит. По мнению американской политической элиты, он похоронил свою безупречную репутацию. Им было непонятно, как он осмелился написать такие вещи про тех, кто еще находится у власти.

Это может быть правдой. Может быть, многие люди не хотят пожимать ему руку прямо сейчас.

Но, скорее всего, многим Р. Гейтс открыл глаза на вашингтонскую «политическую кухню» и тем самым спас многих от пагубного идеализма.

Содержание книги отражает одну из центральных тенденций современной американской управленческой традиции: отставные военнослужащие, занимающие руководящие должности в государственных структурах, поступают в частные компании. Так частный сектор благодарит военных «чиновников» за лоббирование интересов военно-промышленного комплекса во время их службы. В свою очередь, в Военный институт (военную структуру) поступают гражданские лица из различных национальных организаций, успешные предприниматели, умные менеджеры.

В мемуарах Р. Гейтса рассказывается о войнах, которые США вели в это время - война в Ираке, Афганистане, война против Аль-Каиды и Бен Ладена. Кроме того, книга рассказывает историю личной войны Р. Гейтса с Конгрессом - войны, которая продолжалась каждый день его пребывания на посту министра. Рассказывается о резком контрасте между общественным уважением двухпартийной системы и личными чувствами, вызванными этим так называемым уважением, в котором преобладают разочарование, отвращение и гнев (Гейтс, 2014, стр. 517-518).

В своих мемуарах бывший министр обороны США не стеснялся выражать свои чувства. «К моему удивлению (и ужасу) выяснилось, что я - единственный в истории США министр обороны, которого новоизбранный президент попросил остаться в должности, причем его не смутила даже моя принадлежность к другой партии» (Гейтс, 2014, стр. 564-565).

Даже в самых смелых своих мечтах эксперты и наблюдатели не думали, что человек, занимавший пост министра обороны во второй администрации Джорджа Буша-младшего и первой администрации Барака Обамы, будет настолько дерзким и непредсказуемым. Роберт Гейтс буквально смешивает с грязью Б. Обаму, его вице-президента Джо Байдена, Конгресс и, наконец, потенциального кандидата в президенты США Хиллари Клинтон.

Мемуары Р. Гейтса открыли нелюбимую картину того, что представляет собой правящий класс Америки - недалекие, лицемерные, грубые и тёмные эгоисты, руководствующиеся «расчётом» и помышляющие лишь о том, как бы «избраться» на следующий срок, — вот психологический портрет политической элиты современных Соединённых Штатов.

Список литературы

Гейтс, Р. (2014). *Долг. Мемуары министра войны*. Москва: АСТ.

References

Gates, R. (2014). *Debt. Memoirs of the Secretary of War*. Moscow: AST (In Russian).

Учредитель: Общество с ограниченной ответственностью научно-производственное предприятие
"Генезис.Фронтир.Наука". ИНН/ОГРН: 3019005706/1123019003678

Юр. Адрес: Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Савушкина, д. 24, кв. 88

Адрес редакции: 414056, Россия, Астрахань, Татищева 16ж, кв. 40

Главный редактор: д.ф.н. Павел Леонидович Карабущенко

По всем вопросам сотрудничества и публикации материалов обращаться по e-mail:
elitologyjournal@gmail.com

Телефон: +7 (927) 559-92-40

Опубликованные в сетевом издании материалы предназначены для лиц старше 18 лет

Сетевое издание доступно по лицензии
Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Международная

© 2020 Вопросы элитологии. E-ISSN: 2712-8415

Founder: Limited Liability Company Scientific Industrial Enterprise "Genesis. Frontier. Science"

Address: 24, Savushkina St. apt. 88, Astrakhan, Russia, 414056

Address of Editorial board: 16zh, Tatischeva St. apt 40, Astrakhan, Russia, 414056

Editor-in-Chief: Dr. Pavel L. Karabuschenko

In case you have any questions about co-operation please write an e-mail the following address:
elitologyjournal@gmail.com

Phone: +7 (927) 559-92-40

Materials are intended for persons over 18 years old

This journal is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International

© 2020 Issues in Elitology. E-ISSN: 2712-8415